НЕПОБЕДИМЫЙ КАМЕНЬ—ЕСТЬ!
Рассказ М. Коршунова Я СЛУШАЮ ДЕТСТВО
А. Старков. ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЖИЗНИ
В. Карбовская. НОЧНОЙ ЗВОНОК
НОВЫЕ СТИХИ С. Я. МАРШАКА
Кроме того, вы узнаете: как бьются за победу мастера волейбола, что идет в театрах, как вступить в «Клуб длинных» и многое другое.
Человек, богатый совестью
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1845)

28 ОКТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗАКАЗ ДЛЯ КУБЫ. На заводе «Красный котельщик» в Таганроге изготовляется котел для сооружаемой с помощью Советского Союза электростанции на Кубе. На первом плане — сварщик Е. Мокин и сборщик В. Иванов.

Фото Л. Бородулина.

ВОЛЯ НАРОДОВ ЕДИНА — ОТСТОЯТЬ И УПРОЧИТЬ МИР НА ЗЕМЛЕ!

Враги мира угрожают Кубе. Республика в опасности! Но революционная Куба не одинока. Советское правительство в своем Заявлении заверяет: «Если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар».

Гневным протестом ответили миролюбивые народы всех стран на наглые действия американской военщины.

По всей нашей стране — на заводах и шахтах, на стройках и в учреждениях, в колхозах и в институтах — прошли митинги, на которых советские люди заявляли: «Мы с тобой, Куба!»

На снимке: Митинг на Московском автозаводе имени Лихачева.

Фото Б. Вдовенко и В. Мусинова.

ЗАГОВОР ПРОТИВ НАРОДОВ

Этот снимок был сделан 22 апреля 1961 года.

В этот день, спустя двое суток после того, как потерпела сокрушительное поражение американская интервенция на Плайя-Хирон, в Кэмп-Дэвиде встретились двое: бывший президент Эйзенхауэр и настоящий — Кеннеди. У них было мрачное настроение. Попытка разгромить остров свободы, которую начал готовить один из них и осуществил второй, провалилась.

Заговорщики совещались: что делать дальше?

У Эйзенхауэра был солидный стаж по части провокаций против мира. Кеннеди лишь вступал на эту стезю. В наследство от своего предшественника он получил ключи к провокациям и напутствие продолжать их.

По всему миру разбросаны вооруженные силы Соединенных Штатов. На десятках заморских баз за колючей проволокой хранятся бомбы и ракеты с клеймом «Сделано в США». И повсюду это служит американскому империализму для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела чужих стран, осуществлять агрессивные планы.

В мире снова тревожно. Президент США отдал приказ установить морскую блокаду Республики Куба.

Вот обложки американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Эти номера вышли еще до приказа президента. Они свидетельствуют, что агрессивные, безумные планы против революционной Кубы вынашиваются давно. «Победить на Кубе — почему это сейчас главное»,— гласит надпись на одной обложке. «Близится ли блокада Кубы?» — на другой. А внутри, на страницах, дикая свистопляска оголтелых милитаристов. «Блокада как средство для удушения коммунистического режима Кубы, как стало известно, имеет широкую поддержку в конгрессе»,— пишет журнал. «Вторжение американских войск на Кубу неизбежно»,— приводит он слова некоего Куртиса Вилгаса, в прошлом советника американского правительства.

Размахивает факелом войны журнал, произносят воинственные речи генералы и эксперты, радуются монополии: после объявления приказа президента полезли вверх акции военных компаний.

Империалисты США взрывают в космосе ядерное оружие. Они посылают в Южный Вьетнам своих солдат и офицеров, чтобы подавить народное движение за свободу. Они устраивают провокации в Западном Берлине, стремясь помешать ГДР строить социализм. В патриотов Йемена стреляют из американского оружия. Демонстрации в Латинской Америке разгоняют американскими резиновыми дубинками. На арестованных в Южной Корее надевают американские наручники. Всюду, где идет борьба между демократией и диктатурой, на стороне диктатуры — империалисты Соединенных Штатов.

Но международные жандармы живут старыми представлениями о мире. Они не так сильны, как им представляется. Времена «политики силы» прошли и никогда больше не вернутся для империалистов. Новая провокация против Кубы, против мирной жизни человечества не приведет империалистов к желанной для них цели. «...Если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар»,— сказано в Заявлении Советского правительства.

Народы хотят жить по-своему, а не по указке из США. Народы будут так жить!

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» внес свой вклад в разжигание военной истерии.

По всему миру разбросаны американские вооруженные силы. Чужеземцы топчут землю японского острова Окинава...

...Американские танки громыхают на западноберлинских мостовых...

←

Этот снимок был сделан недавно в Каире. Сюда перелетел пилот из Саудовской Аравии. Он был послан к контрреволюционным силам в Йемене, чтобы доставить им оружие. На ящиках с оружием было американское клеймо. Оружие предназначалось для борьбы против йеменского народа

КТО Д

НАРОДЫ ТРЕБУЮТ

Пиратская блокада Кубы, которую так цинично объявило на днях правительство США, обеспокоила, встревожила весь мир. Люди увидели в этом беспрецедентном агрессивном акте не только грубое нарушение элементарных международных обычаев, не только надругательство над принципами ООН, но и позор современной Америки. Угрожая маленькой гордой Кубе, империалисты США лицемерно заявляют, будто бы под угрозой находится безопасность Америки. Это позиция трусливых, бессовестных хищников, насквозь фальшивая и лицемерная позиция, которая не может не вызвать чувство отвращения и страстного протеста у всех миролюбивых народов.

На митингах, которые проходят повсюду в мире, люди говорят с симпатией о героической Кубе, выражают полную солидарность с мудрым и спокойным Заявлением Советского правительства.

— Посмотрим, что сильнее: бесчестная позиция американских пиратов или наше чувство чести,— сказал Фидель Кастро в ответ на объявление вероломной блокады.

В этой тревожной обстановке особая ответственность возлагается на Организацию Объединенных Наций. Эта организация поставлена перед новыми серьезными испытаниями. Выполнит ли она свою миссию, оправдает ли надежды и доверие народов? Этот вопрос задают сегодня многие люди. И естественно поэтому, что обстановка в ООН привлекает к себе их внимание.

«У американских дипломатов сильная головная боль от неприятностей в ООН». Такую фразу довелось нам недавно услышать в клубе Организации Объединенных Наций.

От каких именно неприятностей? От выступления А. А. Громыко, или речи президента Кубы Дортикоса, или вступления Алжира в члены ООН, или от всего этого, вместе взятого?!

Все чаще в последнее время американцы сетуют на то, что ООН хороша в теории, но на деле приносит Америке лишь хлопоты. «Многие из нас,— пишет Лоуренс в «Нью-Йорк геральд трибюн»,— теряют веру в ООН». Не потому ли, что здесь все громче звучит голос молодых государств, добившихся независимости?

Слова о том, что ООН хороша лишь в теории, принадлежат Честеру Боулсу. США действительно не удовлетворены общей дискуссией, и вы находите подтверждение этому, раскрыв вашингтонские и нью-йоркские газеты. В передовых статьях или в письмах в редакцию вы все чаще встретите вопрос, который американцы задают сами себе: «Почему Советский Союз снова и снова выходит на трибуну ООН с большим количеством идей, предложений и планов, привлекающих молодые государства своей простотой, искренностью и логичностью, и почему в выступлениях западных дипломатов нет ничего конструктивного?»

Всеобщее и полное разоружение, экономическая программа разоружения, ликвидация колониализма, осуждение пропаганды превентивной ядерной войны, созыв международной торговой конференции — вокруг этих вопросов, выдвинутых советской делегацией, и развернулась дискуссия. Уже от одной лишь постановки этих вопросов могла разболеться голова у членов американской миссии при ООН. Но были еще два вопроса, хотя и не включенные формально в повестку дня, они привлекли к себе самое глубокое, самое серьезное внимание Ассамблеи — это агрессия США против Кубы и заключение германского мирного договора и нормализация на его основе положения в Западном Берлине.

По любому из этих вопросов американская дипломатия находилась в невыгодном положении, и в журналистских кругах ООН именно этим объясняли отсутст-

Внимание: пираты!

В далеком прошлом в водах Карибского моря разбойничали пираты. Против них вели жестокую борьбу и, задержав, вешали на реях.

Так было.

Сейчас правящие круги США пытаются возродить в водах Карибского моря мрачные обычаи прошлого.

Женевская конвенция об открытом море 1958 года провозгласила: «Все государства обязаны содействовать в полной мере уничтожению пиратства в открытом море». Под этим документом стоит и подпись США. Однако на оживленных судоходных линиях Атлантического океана и Карибского моря в течение последних месяцев все чаще появлялись самолеты и корабли с опознавательными знаками вооруженных сил Соединенных Штатов. Советские суда, идущие в порты революционной Кубы, постоянно сталкивались с вызывающи-

АЛ ПРАВО ?

ОБУЗДАТЬ АГРЕССОРОВ!

...КТО ДАЛ ПРАВО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ БРАТЬ НА СЕБЯ РОЛЬ ВЕРШИТЕЛЯ СУДЕБ ДРУГИХ СТРАН И НАРОДОВ!

Из Заявления Советского правительства.

вие Дина Раска в зале Генеральной Ассамблеи. Может быть, он предвидел эти неудачи и решил быть от них подальше?

В выступлениях представителей Запада не было ни конкретности, ни конструктивности. В них, по существу, не было ничего нового. Делались попытки запугать народы коммунизмом, убедить сессию в том, что с колониализмом уже покончено, что империализм будто бы стал другим, а учение Карла Маркса будто бы устарело. Но приход новых государств в ООН, атаки колониальных держав на Кубу, Конго и другие молодые государства как раз говорили об обратном. Они говорили о том, что колониализм не уступает без боя своих позиций. Они говорили о том, что попытки колонизаторов остановить или хотя бы замедлить ход истории ни к чему не приводят и ни к чему не приведут — ни бомбами, ни пушками, ни блокадами нельзя преградить путь идеям. Их шествию нельзя помешать, как нельзя уничтожить стремление человека жить лучше. Именно об этом говорил президент Кубы Освальдо Дортикос, напомнивший о том, что разгром наемников на Плайя-Хирон был совершен за 72 часа. Когда президент Кубы заговорил об успехах республики, достигнутых несмотря на саботаж, провокации, блокады, с мест, отведенных для публики, раздался истерический визг: это кубинские фашисты, пробравшиеся в зал, пытались помешать тому, чтобы в зале ООН звучала правда о Кубе. О провокациях этих даже мы, журналисты, знали заранее, и нельзя было не удивляться тому, как медленно и нерасторопно действовали представители охраны ООН, умеющие быть ловкими и быстрыми, когда они хотят.

Председатель сессии Генеральной Ассамблеи Зафрулла-хан предупредил, что при повторении подобных глупых выходок (мог бы сказать, наглых) он прикажет очистить места для публики.

И в наступившей тишине мы снова услышали голос одного из лучших ораторов Кубы.

— Благодаря революции,— говорил он,— Куба первой из латиноамериканских стран полностью ликвидировала неграмотность.

Президент снова был прерван, но на этот раз овацией, и еще одиннадцать раз его прерывали аплодисментами, в которых были и сочувствие, и дружба, и уважение к его гордой стране.

Неуютно чувствовал себя в своем кресле г-н Эдлай Стивенсон, нервно оглядывавшийся по сторонам. Не хочется верить, что он высматривал в зале тех, кто аплодирует Кубе. Скорее всего он нервничал потому, что накануне Плайя-Хирон именно он обещал здесь, в этом зале, что США не предпримут агрессии. Мне кажется, что он нервничал еще потому, что оказался в этой незавидной роли против своей воли, а может быть, дело было в другом, и он сам торопился взять слово, чтобы снова оправдывать жандармские методы США. Когда он сменил Генри Кэбота Лоджа в ООН, многие радовались. Рассчитывали, что он изменит обстановку в ООН к лучшему. «США кричат о свободе и обнимаются с диктаторами. Хватит»,— говорил он тогда. Что же он теперь? Почему этот умный либерал стал защитником пиратов, циничным и злобным?

Министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль, говорят, несколько раз переделывал текст своей речи. Обычно этот министр не удостаивает своим присутствием Генеральную Ассамблею, но на этот раз он приехал, и его визит связывали с принятием Алжира в ООН. Ожидали, что он, конечно, будет говорить о «благородной» миссии колонизаторов, и так оно и случилось. Если бы он догадался сходить в Алжирское представительство на 46-й улице в Нью-Йорке, то он увидел бы там молодых дипломатов, недавних бойцов алжирской национально-освободительной армии, И, может быть, эта встреча остудила бы его горячую голову. Если бы он догадался сходить в алжирское представительство, он увидел бы на стенах фотографии горящих от напалма алжирских деревень, и плачущих детей, и старой алжирской матери, провожающей на бой сына. Нет, не случайно с премьер-министром Бен Беллой в Нью-Йорк прибыли изуродованные в боях с колонизаторами герои Алжира, не случайно!

Волнующей, шумной овацией встретила Генеральная Ассамблея Бен Беллу. И самый факт, что он был здесь, в ООН, и что все встали, приветствуя в его лице героический Алжир,— сам этот факт уже говорил о том, как жалки были те, кто угодливо кланялся французскому министру.

Бен Белла благодарил тех, кто поддерживал его страну в годы тяжелой войны с вооруженной до зубов армией колонизаторов. Кув де Мюрвиль сидел во время этой речи с каменным лицом. Он нехотя встал, когда снова встали все, приветствуя молодого премьера молодой республики. Эдлай Стивенсон, наверное, в душе сочувствовал своему французскому коллеге, как этот коллега сочувствовал Стивенсону накануне, когда выступал президент Дортикос.

И оба они, и, наверное, не только они, с раскрытыми от удивления ртами слушали речь делегата Панамы. Ожидали, что он осудит Кубу и поддержит предложения госдепартамента о блокаде кубинских берегов. А он осудил США за договор 1903 года, предусматривающий оккупацию Панамского канала. Министр иностранных дел Панамы назвал этот договор «унизительным, оскорбительным, несправедливым и пристрастным», напомнив, что он был заключен в то время, когда колонии и оккупации малых стран сильными были обычным делом.

В кулуарах ходили слухи, что когда Стивенсон призывал в начале общей дискуссии к тихой дипломатии, он был **уже информирован о предстоящем выступлении министра иностранных дел Панамы**. Говоря о преимуществах тихой дипломатии, глава американской делегации как бы предлагал представителю Панамы не предавать огласке американо-панамский спор о судьбе Панамского канала и попытаться его решить в двухсторонних переговорах. Соответствующие внушения делались и раньше, и, видимо, в кругах американской делегации считали, что они возымели свое действие. Но произошло по-другому — «политика выкручивания рук» дала и здесь осечку.

Вот и судите сами, было преувеличением или нет, когда в пресс-клубе журналисты говорили о головной боли у американских дипломатов. Разве прежде африканский дипломат в белой национальной одежде поднимался на трибуну Объединенных Наций и требовал от имени своего народа и правительства исключения Португалии и Южно-Африканской республики из ООН? Разве было такое раньше, чтобы гордый черный человек требовал покончить со средневековым варварством и политику расизма сдать в архив? И это все происходило в те дни, когда Джеймса Мередита, несмотря на солидную охрану, грозились «убрать». Нет, такого еще не бывало!

— Пора покончить с таким ненормальным положением,— говорил представитель Республики Мали,— когда одни умирают от голода, а другие обжираются, не зная, куда девать свои продовольственные излишки.

Такой вот запомнилась нам общая дискуссия на XVII сессии Генеральной Ассамблеи. Дискуссия, в ходе которой все новое, что родилось в огне боев с империализмом, давало бой старому и добивалось новой победы на глазах всего мира.

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент АПН

Нью-Йорк,
октябрь.

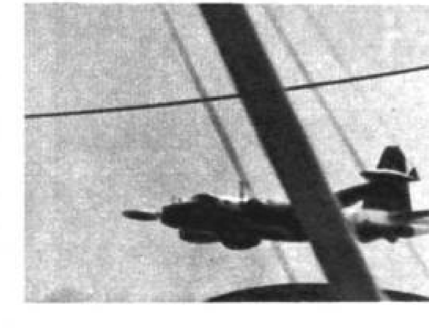
ми провокациями. Корабли военно-морских сил США не только преследовали и сопровождали советские суда, но и пытались произвести полицейский допрос: требовали сообщить название судна, фамилию капитана, род груза и его количество, порт назначения и т. д. Самолеты американских ВВС совершали опасные маневры, едва ли не касаясь мачт советских судов.

Не было дня, чтобы радиостанция Министерства морского флота СССР не получала радиограммы от капитанов о новых пиратских облетах. Советские моряки гневно протестовали против действий военщины США, грубо попирающей общепризнанные нормы международного права.

Как видно, горячие головы в Соединенных Штатах не хотят смириться с тем, что Куба навсегда вышла из фарватера американской политики, стала независимым и суверенным государством, которому монополии США уже не в силах диктовать свою волю. Чем иначе можно объяснить неслыханное по наглости и бесцеремонности решение президента Кеннеди задушить молодую республику морской блокадой? Никто не дал права американским пиратам устанавливать свои порядки на подступах к Кубе. Весь мир клеймит позором агрессоров!

Попытка установить «санитарный кордон» и блокировать судоходство на Кубу провалится так же, как провалилась торговая блокада острова Свободы. У революционной Кубы — верные и надежные друзья, которые не оставят ее в беде.

И. АСТРАХАНСКИЙ



→ Чуть не задевая мачты, летали над советскими теплоходами «Черняховск» и «Алапаевск» американские воздушные пираты.

Теплая, дружественная беседа состоялась во время приема Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым военной делегации Германской Демократической Республики во главе с министром национальной обороны генералом армии Г. Гофманом. В беседе приняли участие министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и генерал-полковник авиации Н. П. Дагаев.

На снимке: во время приема.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Шелк измеряется тоннами

КАК ОБСТОЯТ СЕГОДНЯ ДЕЛА у строителей и производственников Черкасского завода искусственного волокна? Ведь это их в преддверии всенародного праздника — 45-й годовщины Октября — ЦК КПСС и Совет Министров СССР сердечно поздравили с трудовой победой — вводом в эксплуатацию первого комплекса сооружений одного из крупнейших в стране предприятий «большой химии».

У ТЕЛЕФОНА НИКОЛАЙ ФЕОФАНОВИЧ ВОРОНЕЖЕВ, директор Черкасского завода.

— Десятимесячный план выполнили к двадцатому октября. Сейчас сверх плана выработано десятки тонн шелка.

— Цифра внушительная, только вот непривычно слушать, что шелк измеряется тоннами.

— Шелк нашего завода — это еще не ткань, а только нитка. Нитка измеряется на вес. Так вот, до конца года завод сверх плана выработает еще 35 тонн.

Есть у нас и еще приятные события: к 45-й годовщине Октября рабочие-строители вселяются в новый дом; пятьдесят человек получили звание ударников коммунистического труда; успешно строится второй корпус шелка — идет монтаж оборудования, теплофикация; к празднику управление машиностроения химии Черкасского совнархоза представило завод к премии.

— Спасибо за информацию о вашей работе, за приятное сообщение об успехах. Поздравьте, пожалуйста, с праздником коллектив завода.

Перевыполняют сменные задания и выпускают продукцию отличного качества комсомолки перемоточного цеха Г. Муравченко, Т. Смирнова, Г. Воробьева.

Фото К. Шамшина (ТАСС).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Хлеб России

Еще в июле, когда хлеб стоял в полях, основные хлебосеющие области Российской Федерации взяли на себя высокие обязательства. Вот примеры: Оренбургская — 180 миллионов пудов, Ростовская — 170 миллионов пудов, Саратовская — 180 миллионов пудов...

Трудным для хлеборобов было минувшее лето. В одних краях выдалась такая засуха, что зерно пожухло еще в пору молочной спелости, не успев налиться, в других лили непрерывные холодные дожди, угнетавшие посевы.

Да, трудно пришлось земледельцам. Но там, где душой принято слово Надежды Григорьевны Заглады, чей призыв прозвучал на всю страну, там хлеборобы с честью выдержали испытание.

Пришла осень, и одна область за другой рапортовали о выполнении обязательств. Зерно — в закромах!

Хлеб в пути не тягость... Пословицу эту, как всякую другую, народ не выдумал. Она рождена самою жизнью.

Мы в большом пути. И приятно и радостно еще раз повторить: хлеб в пути не тягость!

Фото М. Начинкина.

У подножия пирамид. Торжественное открытие чемпионата.

Фото ЮПИ.

[redacted]

— ЕСЛИ БЫ ФАРАОН Рамзес II, который славился своей меткостью, присутствовал на чемпионате мира, он, наверное, позавидовал бы меткости Елены Донской,— так заявил старый охотник-египтянин...

10 дней в окрестностях Каира, у подножия пирамид, соревновались сильнейшие стрелки 45 стран. И вот итог мирового чемпионата: команде СССР вручен переходящий приз — Большой серебряный кубок, учрежденный президентом ОАР Гамаль Абдель Насером. Советские стрелки завоевали 52 золотых, 14 серебряных и 4 бронзовых медали.

Мы лишены возможности показать всех чемпионов мира по стрельбе, но вот перед вами два их достойных представителя: врач Елена Донская (на снимке внизу) в стрельбе лежа из малокалиберной винтовки набрала 586 очков из 600 возможных и заняла первое место; Кира Долгобородова стала чемпионкой мира в малокалиберном стандарте. Она выбила из 900 возможных 864 очка.

[redacted]

Для нового хлеба

Первым на этой стройке мы встретили Анатолия Панина, монтажника «Мостопоезда-412» Главмосстроя. Анатолий—один из тех, кто строит мост через Чаган.

Река Чаган небольшая, но по весне коварная: если люди не разбирали временных переездов, то Чаган по собственной инициативе смывал их во время паводка.

Мост через Чаган стоит того, чтоб о нем рассказать. Его построили за восемь месяцев вместо года, как было предусмотрено планом. Его опоры выполнены на оболочках большого диаметра — так сказал начальник техотдела «Мостопоезда-412» Алексей Васильевич Должиков. Это значит, что опоры моста установлены, как в стаканы, в широкие поддонные гильзы. Бетон предварительно напряжен, ему не страшны трещины.

Однако жители города Уральска, Западно-Казахстанской области, радуются новому мосту вовсе не из-за оригинальности его конструкции. По мосту идет из хлебосовхозов области зерно; тяжелые грузовики с полосами красной ткани вдоль бортов, на которых радостные слова «Новый хлеб!», подруливают к элеваторам.

Д. МАРКИШ

АЛЮМИНИЙ, СТЕКЛО, ПЛАСТИК

У кинотеатра «Россия» скоро появится тезка.

В середине следующего года в Москве, на улице Горького, поднимутся девять этажей новой гостиницы «Россия». В строительстве впервые будут применены облегченные керамзито-бетонные панели с мозаикой. Алюминий, стекло, пластик сделают гостиницу одним из красивейших зданий столицы.

Строительство набирает темпы. Комплексная бригада коммунистического труда, возглавляемая знатным московским строителем Константином Евсеевичем Котовым, встала на трудовую вахту в честь 45-й годовщины Октября. К знаменательной дате бригада обязалась закончить монтаж третьего этажа и довести производительность труда до 150 процентов, монтируя по два этажа в месяц.

На снимке: ударник коммунистического труда, бригадир К. Е. Котов на работах по укладке монолита новой гостиницы.

Фото М. Лаврика.

ДВОРЕЦ СПОРТА И МУЗЫКИ

В Таллине появилось новое сооружение — Дом спорта. Директор Дома мастер спорта Юрий Гильде рассказал нашему корреспонденту:

— Наше здание площадью в семь тысяч четыреста квадратных метров дало любителям спорта возможность заниматься круглый год. Рады и болельщики: на трибунах тысяча двести мест. На арене одновременно могут тренироваться сразу сто спортсменов: здесь теннисный корт, баскетбольная и волейбольная площадки, секторы для всех видов легкой атлетики и для всех видов прыжков, сектор для гимнастов и беговая дорожка длиной около двухсот метров. В этом году у нас состоятся матчевые встречи по волейболу, первенство СССР по баскетболу и боксу. В начале будущего года намечены всесоюзные зимние соревнования по теннису и республиканские — по легкой атлетике.

Летом же, когда спорт переселяется под открытое небо, мы будем принимать не менее желанных гостей — представителей мира искусства. Таллинские архитекторы, под руководством Уно Тёльпуса проектировавшие наше здание, создали переносные конструкции: всего несколько дней работы, и наша спортивная арена превращается в зрительный зал на четыре с половиной тысячи человек. Свою работу наш Дом начал летом: первыми выступили у нас артисты московского балета на льду. Эти концерты посмотрели сто пятьдесят тысяч таллинцев. Затем у нас гостили кубинцы. Их эстрадный оркестр выступал два дня, и, разумеется, при полном зале.

На днях мы отпразднуем в Доме спорта юбилей эстонского комсомола, а потом разберем конструкции и превратим зрительный зал в спортивную арену до будущего лета.

Фото С. Розенфельда.

Кольцо больших скоростей

Закончено строительство Большой кольцевой дороги. 109-километровая магистраль опоясала столицу бетонным кольцом пятнадцатиметровой ширины. Очень нужна Москве эта дорога. Она отведет из города грузовой поток, разгрузит улицы, очистит воздух.

Дорога хороша. Две полосы ее разведены широким газоном с частым кустарником — встречные машины не будут слепить водителей светом фар. Ни светофоров, ни объездов здесь нет. Мы начали путь возле строящегося моста через канал имени Москвы и через несколько минут были на давно сданном в эксплуатацию восточном полукольце дороги. Стрелка спидометра, перейдя стокилометровую отметку, так и не отклонилась влево.

Уже немало рассказывалось и о самом дорожном полотне — отлично профилированном, и о «будильнике» на обочине дороги — специальных ребристых плитах, заставляющих часто вибрировать попавшее на них колесо автомобиля.

— Не только эти достоинства отличают новую магистраль,— рассказывает начальник Главмосавтотранса Иосиф Михайлович Гоберман.— На каждом пересечении с радиальными шоссе решено построить гостиницы для автомобилистов. Две из них строители уже заканчивают, посмотрите...

Это здание видно издалека. В нем много света, воздуха. Сто восемьдесят мест. Номеров — немногим меньше. Стоянка на 120 автомобилей. Гараж. Отличная ремонтная мастерская: здесь можно привести в порядок машину, исправить любую поломку. При необходимости даже покрасить автомобиль.

— Понятно, все это сделают сотрудники станции,— говорит заместитель начальника Главмосавтотранса Антон Федотович Косенко.— А владелец машины в это время может покататься на лыжах, посмотреть телевизор, отдохнуть.

Даже магазин запасных автодеталей будет возле этой гостиницы. А невдалеке от отеля расположена бензозаправочная колонка.

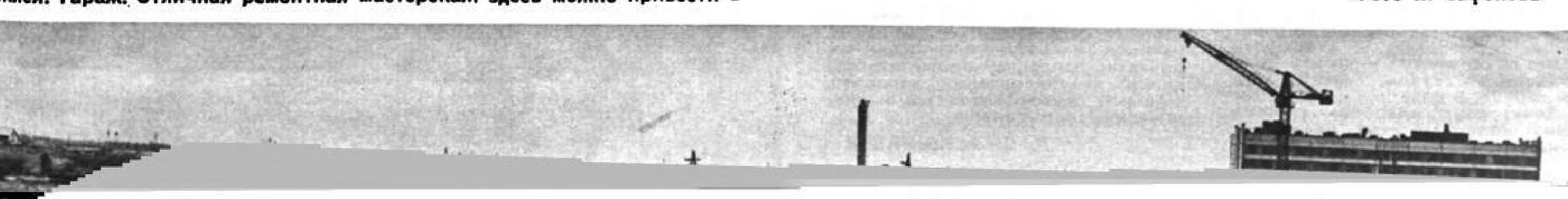
Еще одна, почти готовая гостиница на Варшавском шоссе. Отлично потрудились строители Мосстроя, возводя гостиницу и помещения автомобильного сервиса. Комплексную бригаду Николая Ивановича Кошелева можно было видеть на стройке и днем и ночью: торопятся, хотят сделать подарок к 45-й годовщине Октября. Хорошо поработали каменщики. Великолепное панно на стене одного из зданий — дело одного из них, Виктора Середина.

...Нет еще на карте этой дороги. Но уже тысячи автомобилей идут по ней ежедневно. Тысячи шоферов благодарят строителей.

Т. КОСИН

На снимке: на Большой кольцевой дороге.

Фото Н. Сафонова



Рабкоры повышают знания

СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА и общественные науки — этот важнейший вопрос обсуждался недавно на общем собрании Академии наук в Московском Доме ученых.

«Научные достижения призваны всемерно содействовать созданию материально-технической базы коммунизма, — сказал в своем вступительном слове президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш.— Но мы строим новое, коммунистическое общество, используя достижения не только естествознания и техники. Общественные науки, как указано в Программе КПСС, «составляют научную основу руководства развитием общества».

С докладом, посвященным этой теме, выступил академик Л. Ф. Ильичев.

В прениях приняли участие философы, экономисты, языковеды, историки, химики, физики, математики, геологи — словом, ученые, работающие в самых различных областях науки и техники.

На снимке: в президиуме (слева направо) К. Н. Руднев, Л. Ф. Ильичев, М. В. Келдыш, А. В. Топчиев.

Фото Галины Санько.

Оживленно у подъезда Дома культуры газеты «Правда». Сюда после рабочего дня со всех концов Москвы спешат необычные студенты: начались занятия городского университета рабкоров.

На его факультетах: стенных и многотиражных газет, городских газет, радиовещания и телевидения — выразили желание заниматься около тысячи человек. Это рабочие и служащие, инженеры и техники московских предприятий и учреждений, люди разных возрастов и профессий.

Самый многочисленный факультет — рабкоров низовой печати. Здесь занимается более 400 человек. Многие работают общественными инспекторами и корреспондентами московских городских и центральных газет, принимают участие в рейдах печати, проверяют письма и жалобы трудящихся, дежурят в приемных редакций, принимают посетителей.

Программа рассчитана на два года.

Лекции здесь читают профессора и преподаватели МГУ, Высшей партийной школы при ЦК КПСС, журналисты Москвы.

Ф. САФОНОВ

На снимке: В университете рабкоров идут занятия.

Фото М. Начинкина.

НАУКА

Телескопы нацелены на Солнце

Астрофизический цех Ленинградского оптико-механического завода. Здесь идет сборка новейших горизонтальных телескопов.

— До сих пор сравнительно немногие обсерватории располагали подобным оборудованием,— рассказывает заместитель директора Пулковской обсерватории доктор физико-математических наук Владимир Алексеевич Кратт.— Серийное производство горизонтальных солнечных телескопов открывает перед астрономами, изучающими Солнце, большие возможности. Ученые смогут вести наблюдения в широких диапазонах: на востоке — в Хабаровске, Иркутске, на западе — в Пулкове, Киеве, вплоть до Карпат.

С помощью новых горизонтальных солнечных телескопов можно наблюдать и фотографировать самые разные явления на Солнце, в частности, что весьма важно, фотографировать взрывы — хромосферные вспышки. Телескопы созданы с учетом последних мировых достижений в этой области. Управление ими весьма просто и легко: нажатием кнопки производится фокусирование телескопа на Солнце. Экспозиция съемки задается автоматически с помощью реле времени.

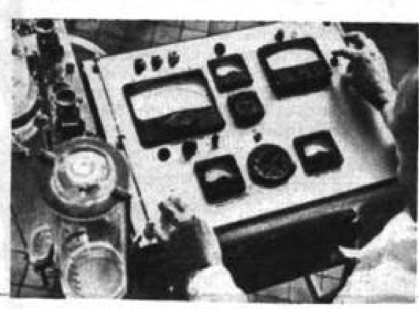
Завод собрал первую партию горизонтальных солнечных телескопов, один из них монтируется на Азербайджанской обсерватории.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: Оптик-механик Н. В. Кузьмин, сборщики-механики С. Е. Никитин и П. А. Кудаков ведут сборку солнечного телескопа.

Фото В. Самойлова.

СЕРДЦЕ—ЛЕГКИЕ ОБРАЗЦА 1962 ГОДА



Созданный несколько лет назад аппарат искусственного кровообращения позволяет отключать сердце от организма и производить операции на сухом, обескровленном сердце. В ряде клиник Москвы и Ленинграда «АИК-60» (такова марка аппарата) стал надежным помощником хирурга.

Недавно Научно-исследовательский институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов (НИИЭХАИ) разработал новый тип аппарата — «АИК-62». Об изменении и усовершенствовании нового прибора рассказывает один из его авторов, кандидат физико-математических наук Евгений Александрович Вайнриб:

— В новой модели автоматизирован процесс поддержания уровня крови в искусственных легких — оксигенаторе. С помощью аппарата можно создать глубокую гипотермию — охлаждение организма — до температуры, при которой производится операция. И, наконец, потребуется меньшее количество донорской крови, необходимой для заполнения аппарата.

Новый прибор готовится к клиническим испытаниям.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

ИСКУССТВО

Фото И. Ефимова.

КАК ЛУЧШИЕ ВОИНЫ в дни праздников проходят по брусчатке Красной площади, так актеры-исполнители лучших спектаклей поднимаются на подмостки Кремлевского театра...

Вот показывает свой спектакль «Финал» Костромской драматический театр имени А. Н. Островского. На сцену быстрой походкой, прищурив веселые глаза, выходит Владимир Ильич, и зрителям дорог каждый новый жест Ленина, каждая убедительная черточка, найденная вдумчивым актером народным артистом РСФСР С. В. Астафьевым. Роль М. Фрунзе исполняет заслуженный артист РСФСР К. И. Гулин (фото № 1).

Смеется и поет сквозь слезы простая женщина. Это Левониха (засл. арт. БССР З. И. Конопелько) в одноименном спектакле Белорусского драматического театра имени Якуба Коласа. Зрители видят, как терпеливая покорность перерастает в бунт против тех, кто мешает людям жить (фото № 2).

Оптимизмом и неповторимой прелестью национального искусства радует Народный театр Маргеланского Дома культуры Ферганской области Узбекистана (фото № 3).

Разные актеры. Разные театры. Разные республики. Общее только одно — убедительность таланта.

ФОТО С КОММЕНТАРИЯМИ

РАССКАЗЫВАЮТ ВЕТЕРАНЫ

Ф. З. Евсеев и Е. А. Алексеева у домика на Болотной.
Фото В. Лихачева.

Деревянному двухэтажному домику на Болотной улице Ленинграда суждено было навсегда войти в историю борьбы за власть Советов.

...Когда входишь во двор домика, тебя встречают малыши. Здесь сейчас размещается детский сад Выборгского района.

На фасаде — две мемориальные доски. Одна из них гласит, что здесь в 1917 году помещалась Лесновско-Удельнинская районная дума, председателем которой был Михаил Иванович Калинин. Другая отмечает, что 16 (29) октября 1917 года тут проходило расширенное заседание ЦК большевистской партии, на котором было принято решение: в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

Нам удалось разыскать двух участников исторического события. Это бывший рабочий Петроградского патронного завода Федор Захарович Евсеев, член КПСС с 1904 года, и работница завода «Айваз» Екатерина Алексеевна Алексеева, член КПСС с 1909 года. Оба они ныне персональные пенсионеры. Мы поднимаемся на второй этаж небольшого домика. Федор Захарович рассказывает:

— Шестнадцатого октября 1917 года я и рабочий Антонов приняли участие как представители Первого Городского района в расширенном заседании ЦК партии. Собирались сюда, когда стемнело. Владимир Ильич пришел в сопровождении Эйно Рахья — рабочего одного из петроградских заводов. Из осторожности к дому подходили по одному, по двое. В маленькой комнате царил полумрак. Всего собралось около тридцати человек. На меня произвел огромное впечатление доклад товарища Ленина, который продолжался около двух часов. Он убедительно доказывал необходимость немедленного вооруженного восстания, говорил, что есть диктатура генералов, а нам надо установить диктатуру рабочего класса. Заседание ЦК партии подтвердило резолюцию Ленина о вооруженном восстании...

Екатерина Алексеевна дополняет рассказ Федора Захаровича:

— С годами память слабеет, но я и поныне хорошо помню события тех дней. Работала я тогда на заводе «Айваз». На выборах в районные думы Петрограда большевики одержали победу. В нашу Лесновскую думу тоже прошли в основном большевики. Председателем районной управы был избран М. И. Калинин. Он-то и предложил мне перейти на работу в Думу. Шестнадцатого октября днем Михаил Иванович вызвал меня к себе и сказал, что сегодня собирается важное совещание и нужно быть начеку. Были приняты меры предосторожности. В первом этаже в кухне открыли окно, через которое можно было бы выбраться во двор и скрыться...

Во время перерыва я вошла в комнату, где заседали, и услышала чьи-то слова:

— Владимир Ильич! Если бы вы знали, как сейчас трудно работать на местах!

И тут я увидела Ленина. Он сидел в дальнем углу комнаты, у маленького столика. Был он в темном костюме, белый воротничок, галстук.

— Хотя место и глухое, безлюдное,— говорит Алексеева,— но меня беспокоило, что участники совещания вели громкий разговор. Прошлась по Болотной и опять вернулась в дом, подошла к комнате, где заседали, и сказала товарищу, стоявшему у двери, что обрывки разговора слышны во дворе. Раздался приглушенный голос: «Тише, товарищи, тише». Стали разговаривать вполголоса.

Когда и с кем ушел Ленин, я не видела. Последним покинул дом Калинин...

С. ЩЕТИНИН

Редкая находка

Телефонный звонок из Института океанографии в Музей истории и реконструкции Москвы. Просили научных сотрудников приехать и посмотреть...

В одном из подвалов институтского здания рыли яму для столба. Вдруг лопата уперлась во что-то твердое, звякнул металл. Показалась полуистлевшая мешковина. В нее были завернуты армейская винтовка, пистолет с полным магазином, обломки офицерской сабли и кортика, куски обоймы с позеленевшими патронами, револьвер «бульдог».

Как и когда могло попасть оружие в каменный подвал дома № 6 по Кропоткинскому переулку? Судя по всему, оно попало сюда в дни Октябрьских боев.

Сотрудник Института океанографии А. Г. Понсов рассматривает найденное оружие.
Фото Г. Агафонова.

Ведь именно здесь, в районе Пречистенки (Кропоткинская улица) и Остоженки (Метростроевская улица) в конце октября 1917 года шли ожесточенные бои между красногвардейцами Замоскворечья и юнкерами, прикрывавшими подступы к центру Москвы. Одним из важнейших опорных пунктов белогвардейцев было здание штаба Московского военного округа, выходившее во Всеволожский переулок и на Пречистенку. Отряды рабочих заводов Михельсона, «Поставщик», фабрики Цинделя, трамвайного парка, Телефонного завода цепью продвигались под непрерывным огнем юнкеров, засевших в домах по всей улице. Патронов не хватало. Только пять на каждую винтовку.

На углу Коробейникова переулка, в ночной чайной Бахтина, размещался красногвардейский штаб участка: поперек улицы красногвардейцы вырыли окоп. В штабе устроили перевязочный пункт.

После взятия Зачатьевского монастыря красногвардейцы усилили обстрел штаба МВО, а затем вышли на ближайшие подступы к этому зданию. Группа красногвардейцев незаметно подошла к окопу юнкеров у самого штаба, прорвалась в здание и заставила белогвардейцев сдаться.

В последние часы боев на Остоженке юнкера стремились спрятать свое оружие. Очевидно, один из таких арсеналов и был найден в подвале Института океанографии.

М. ШЕГАЛ,
А. КАЛМЫКОВА

ДЖОН РИД — СОВЕТСКИЙ КОНСУЛ

Джон РИД.

Карл Хови, редактор американского журнала «Метрополитэн», в котором сотрудничал молодой Джон Рид, такими словами нарисовал его портрет: «Рид был крупным мужчиной, широкоплечий и широкогрудый, с длинными стройными ногами, не то чтобы мускулистый, но плотный, с той особой, без напряжения, собранностью, которая отличает пловца, плавал он, и правда, великолепно. Голова у него была массивная, черты лица неправильные и не гармонирующие между собой; высокий чистый лоб, выступающий из-под шапки непокорных волос, глаза какого-то неопределенного цвета, пожалуй, все-таки серовато-зеленые, курносый, слишком маленький нос и слишком тяжелый подбородок, чуть насмешливо искривленные губы. В целом, несмотря на все недостатки, лицо это было красивым и значительным — молодое, обаятельное лицо человека, бурно радующегося жизни; и все же при взгляде на него было ясно, что эти спокойные глаза в любую минуту могут вспыхнуть гневом. Гордая посадка головы говорила о решительности и мужестве, а уверенность, с какой он держался, так естественно сочеталась со скромностью, что не могла производить неприятное впечатление».

Можно спорить, что этот портрет не во всех деталях точен, но в 1920 году, когда я впервые увидел Джона Рида в Москве, он произвел именно такое впечатление.

Спустя три месяца после Октябрьской революции он выехал в США. В 1919 году каким-то путем были доставлены в Москву две книжки в красных обложках, на них ясно было указано, что автор Джон Рид — советский консул в Нью-Йорке. Книжки были вскоре затеряны, и только недавно эти уникальные работы были разысканы. Они имеют общее название «Красная Россия» и изданы в Лондоне в 1918 году. На обложках помещен герб Советской России, сделанный неопытной рукой, и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Первая книжка посвящена триумфу большевиков, а вторая — организации Красной Армии в Советской России. Здесь же опубликовано следующее заявление Джона Рида: «Массы у власти... Утром 31 октября 1917 года после разгрома войск Керенского Ленин передал через меня обращение к революционному пролетариату всего мира: «Товарищи! Привет вам от первой пролетарской республики мира. Мы призываем вас взяться за оружие во имя международной социальной революции».

Что же произошло дальше? Об этом в 1921 году рассказал мне Вильям Хейвуд, вождь Индустриальных рабочих мира, нашедший политическое убежище в Советской России. Он сообщил: «В дни Октябрьской революции я находился в США, более того, в тюрьме. Только весной 1918 года я был выпущен под залог. Когда же вернулся в США Джон Рид, то он предпринял поездку почти по всей стране, агитируя за русскую революцию, и таким путем попал в Чикаго. Здесь он поселился вместе со мной. Можете себе представить, как много интересного я узнал от него, прибывшего из Советской России! Мне стало ясно, что русские рабочие опередили рабочих США, взяв власть в свои руки. Тогда же он мне сказал, что был назначен Советским правительством в качестве генерального консула в Нью-Йорке, причем с усмешкой добавил, что правительство США и не думало его признавать в этом качестве. Но не в этом дело — важно было то, что сам факт назначения Советским правительством своего дипломатического представителя в США говорил о мудрой дальновидности Ленина, Советской России. Когда же США начали интервенцию против большевиков, то некоторые американские рабочие стали требовать, чтобы их отправили в Советскую Россию, где они могли бы вступить добровольцами в Красную Армию, и в этом, несомненно, есть заслуга Джона Рида, как посланца Ленина в США, глашатая Октябрьской революции. Еще раз повторяю, что моя встреча с Джоном Ридом в Чикаго, его рассказ о русской революции потрясли меня раньше, чем вышла его знаменитая книга. Как только образовалась Коммунистическая партия в США, я вступил в нее. Так я стал коммунистом. Джон Рид ярким светом озарил русскую революцию перед рабочим классом США, и в этом свете многое стало нам понятно.

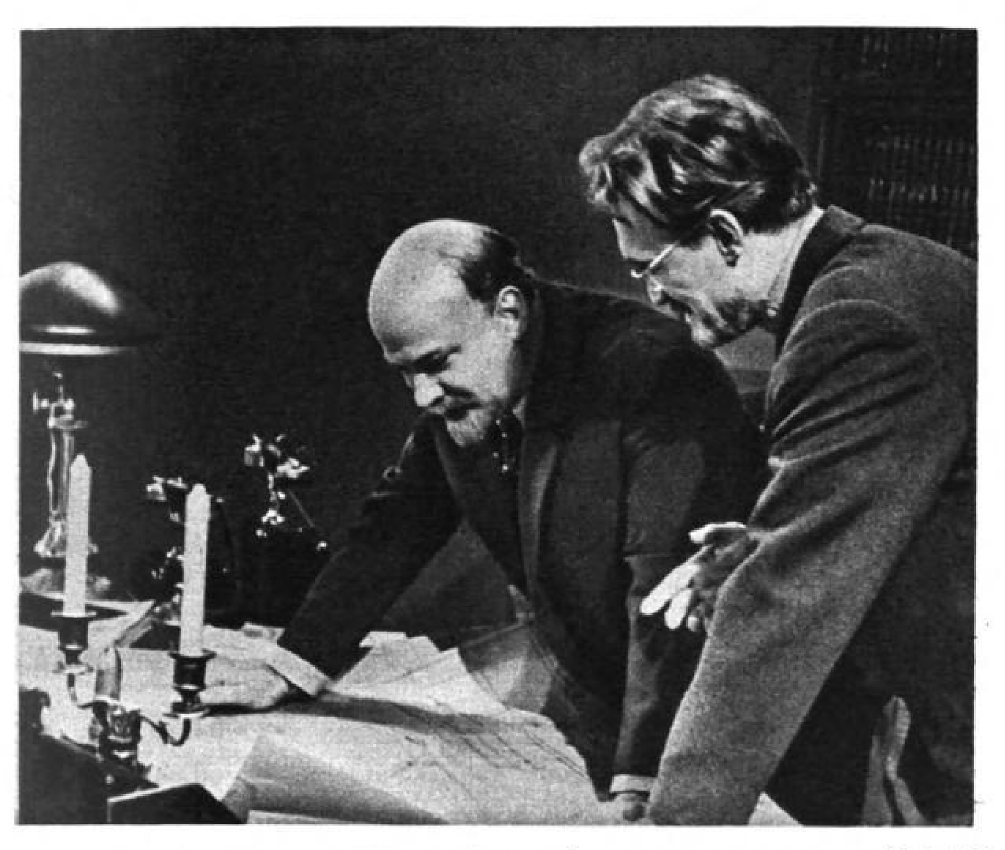
Рабочий класс США никогда не забудет Джона Рида»,— произнес в заключение Вильям Хейвуд.

Приезжавшая в 1922 году в Москву американская журналистка Луиза Брайянт, вдова Джона Рида, напомнила, что в феврале 1919 года на допросе в комиссии сената США Джон Рид сам подтвердил, что он был назначен Советским правительством в качестве генерального консула в Нью-Йорке. Далее она сообщила, что формально мысль о таком назначении возникла в связи с переговорами Советского правительства с правительством США о возможности снабжения Красной Армии. Американский посол в Петрограде Фрэнсис дал предварительное согласие на это назначение Джона Рида, о чем сообщил в Вашингтон. Таким образом, сенатская комиссия уже знала об этом, тем более что в американской печати сообщение о назначении Джона Рида произвело эффект разорвавшейся бомбы. Рид не мог официально стать консулом в Нью-Йорке, так как изменилось положение в Советской России: США не дали согласия снабжать Советскую Россию.

Выступая в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов с клятвенным обещанием рассказать американским рабочим великую правду о Советской России, Джон Рид тогда уже знал о возможном назначении его на пост советского консула в Нью-Йорке. Свое революционное обещание, данное советскому народу, он мужественно выполнил.

Появление брошюр Джона Рида в Лондоне с обозначением его звания советского консула в Нью-Йорке было организовано им самим в целях широкой популяризации исторического факта существования Советского правительства в России. Он сделал это, по свидетельству Луизы Брайянт, в 1918 году, возвращаясь из Советской России в США.

П. ЧУМАК



Кадр из фильма. В роли В. И. Ленина — Д. Масанов, изобретатель электроплуга — Б. Дубинин.

ОБЫЧНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ ДЕНЬ...

Много раз обращалось наше искусство к образу Владимира Ильича. И от каждой новой работы с трепетом ждешь: чем дополнит, чем обогатит она наше представление о самом простом и самом великом из людей?

«Рабочий день В. И. Ленина» — фильм телевизионный. Этим во многом объясняется и преобладание крупных планов, и подробности повествования, и неторопливость ритмов.

Фильм, поставленный В. Гейманом по сценарию В. Геймана и Л. Рябинина, документален, хотя в нем нет ни кадров хроники, ни архивных материалов. Документальность — в стремлении наиболее точно и полно воссоздать события одного ленинского дня.

С каждым кадром все ощутимее, все яснее видим мы, чем жила страна в один из самых трудных для Советской республики периодов — в начале 1921 года. Мы видим рабочие будни Ленина, ощущаем нерасторжимую связь народа с Лениным.

Крестьяне-ходоки у Ленина — эта тема в фильме не звучит повтором. Постановщику удалось свежо передать то удивительное чувство близости, которое связывает вождя революции и простых крестьян.

Встреча с изобретателем электроплуга, со шведскими коммунистами, выступление на рабочем собрании, беседа о плане ГОЭЛРО с Кржижановским... С каждым эпизодом фильма все ощутимее огромность задач, решаемых Ильичем. Все яснее мы видим единство, нерасторжимость ленинского действия и ленинской мечты. И неторопливое, подробное, деловое повествование вдруг становится поэтическим.

Роль Ленина исполняет Дмитрий Масанов. После блистательных работ Б. Щукина и М. Штрауха нелегко найти новые краски, новые интонации для этого образа. И несомненная заслуга актера в том, что он не повторяет своих предшественников.

...Уходят последние кадры фильма. Но остается радость от того, что в советской кинематографической Лениниане открыта новая интересная страница.

В. РЫБАКОВ

После выступления «Огонька»

Продолжаем разговор о телевизорах

По статье «Телеателье и телестрадальцы», помещенной в № 36 журнала «Огонек», Министерством связи РСФСР произведена проверка.

Указанные в статье факты неудовлетворительного обслуживания населения Челябинским телеателье подтвердились.

Министерством связи РСФСР приняты меры для улучшения работы Челябинского телеателье. Для оказания практической организационной помощи посылается опытный специалист.

А. ЧЕРЕНКОВ,
министр связи РСФСР

ИСКУССТВО ОСТРОВА СВОБОДЫ

В. БОРОВСКИЙ

Картины кубинских художников, полные красок и яркого солнца, воскрешают в памяти небо и море, горы и реки, вечнозеленый наряд прекрасной Кубы и образы ее мужественных сынов и дочерей. Автору этих строк вспоминается беседа с Фиделем Кастро в дни первого съезда кубинских художников и писателей, положившего начало их союзу. На осажденном врагом острове, где автомат в руках прохожего так же обычен, как в дождливой Англии зонтик, создаются все новые мастерские художников и скульпторов; роскошные виллы бежавших толстосумов становятся общежитиями будущих учителей рисования, музыки, танца. Повсюду широко развернулось самодеятельное искусство.

— Можем ли мы допустить,— страстно говорил тогда Фидель,— чтобы увядали наши цветы, когда мы сеем их повсюду, когда мы растим творческие силы будущего?

В живописи Кубы идут сейчас поиски нового. Каждый художник хочет определить свое место в революции. Охваченные единым стремлением, но по-разному, разными дорогами, разной поступью движутся они вперед.

Именно эти характерные черты подметили посетители Выставки живописи Кубы, организованной недавно в Москве Национальным советом культуры Кубинской Республики.

На выставке были представлены художники разных направлений. В творчестве некоторых заметно влияние французской и американской школ, импрессионизма и абстрактивизма. Но, как справедливо сказано в обращении Национального совета культуры Кубы к советским посетителям выставки, «зритель должен отметить также и те первые проявления искусства, стремящегося отразить новый мир, который Куба строит с головокружительной быстротой под постоянной угрозой и нападками агрессивного соседа».

Творческая судьба художников, участвующих в выставке, различна. Так, Марьяно Родригес, ученик замечательного мексиканского мастера Лосано и последователь реалистической школы Диего де Ривера, стремится сочетанием красок по-своему передать необыкновенно живописную природу своей родины.

В иной, реалистической манере пишет художник Сервандо Кабрера Морено. Его полотна, выполненные в характерной для стран Латинской Америки манере настенной живописи, обращены к широким массам. Революция принесла ему зрелость, дала большие темы, придала творчеству социальное звучание. Кабрера не приукрашивает суровой действительности. Грубо обыденны его герои, рабочие и крестьяне — гуахиро, с орудиями труда и оружием в руках. Белые, негры, мулаты, они как бы сливаются с природой, олицетворяют людской сплав, превративший Кубу в Остров Свободы. Они прекрасны своей силой, мужеством, решимостью.

Это особенно ярко отражено в картинах «Народная милиция» и «Убийство члена народной бригады». Как знамя, поднимают рабочие тело убитого товарища. В их глазах — ненависть к врагу и клятва верности революции. Подлинному художнику дано в обыденной действительности увидеть сказочно-прекрасное. Это огромное качество присуще таланту Кабрера.

Темы картин Адихио Бенитеса взяты из самой жизни, так же как его рисунки и карикатуры, публикуемые крупнейшей гаванской газетой «Нотисиас де Ой».

Прекрасно передает жанровые сцены в своих ярких, самобытных произведениях Кармело Гонсалес. Профессор кафедры гравюры Академии Сан Алехандро Гонсалес много работает и над книжной иллюстрацией.

Интересна композиция Орландо Янеса «Голубь всенародного взлета». Бережно выпускают в небо смуглые женские руки белую птицу — символ мира и жизни. Руки устремлены вверх, словно в клятве, благословляя и утверждая мир на земле.

Советские люди, побывавшие на Выставке живописи Кубы, в своих отзывах с большой теплотой отзываются о творчестве кубинских художников, высоко оценивают заботу революционного правительства об искусстве.

Глубокую благодарность выражают они также Национальному совету культуры Кубинской Республики, предоставившему возможность познакомиться с искусством Острова Свободы.

О. Янес. ГОЛУБЬ ВСЕНАРОДНОГО ВЗЛЕТА

С. Кабрера Морено. СБОР НАРОДНОГО УРОЖАЯ

КРЕСТЬЯНЕ

Красная рыба и черная икра

В. МОВЧАН,
член-корреспондент ВАСХНИЛ

Любите ли вы красную рыбу? Или черную икру? Задавать такие вопросы, видимо, бессмысленно. Все знают, как вкусны и полезны эти продукты. Но в последнее время осетровых, или красной рыбы, как называет их народ, становится все меньше и меньше. В чем же здесь причина? Как скорее добиться изобилия рыбных продуктов и во много раз увеличить рыбный промысел? Мы, советские ученые, изучающие богатства наших морей и рек, об этом не можем не думать.

Одна из основных задач ихтиологов — это разведение осетровых в самых разных районах страны, а не только в бассейне Каспия.

Вспомним о сибирских и байкальских осетрах — ведь это колоссальное богатство! Плодовитость байкальского осетра огромна. Наряду со стерлядью он является чисто пресноводной формой. Это чрезвычайно важное качество байкальского осетра позволяет акклиматизировать его во многих искусственных водохранилищах.

Когда знакомишься с проектами создания водохранилищ, невольно приходит мысль, что они должны привести не только к изобилию электроэнергии, но и той самой красной рыбы, по которой уже давно скучают в наших столовых.

Что делается сегодня?

Сегодня в Сибири планируется строительство ряда рыбоводных заводов и пунктов осетроводства на реках Селенге и Баргузине. На Ангаре возникнет каскад колоссальных пресноводных морей — одно лишь Братское море займет в длину примерно 650 километров! — которые, по замыслу ученых-рыбоводов, можно заселить ангарской стерлядью и ангарским и байкальским осетром. Собирается строить завод для разведения осетров и почти исчезнувшей теперь красавицы нельмы и Новосибирский совнархоз.

Очень важно путем гибридизации создать такие формы осетровых, которые бы жили и размножались в пресных водах рек новых морей и водохранилищ. Гибридные формы осетра и стерляди жизнестойки и хорошо приспосабливаются к измененным условиям среды. В этом направлении сейчас работают молодые ихтиологи на Куринском экспериментальном осетровом заводе. Они с успехом скрещивают осетра с шипом. Оказалось, что такой гибрид растет лучше и осетровых и шипов. Опытами установлено, что можно вывести новую пресноводную форму, которая будет давать потомство в новых условиях рек и водохранилищ.

Над преобразованием природы осетровых давно ведут работу профессор Н. И. Николюкин и доцент Московского университета Н. С. Строганов. Им удается выращивать осетровых в прудах карпового хозяйства Подольского района, Московской области. В связи с этими работами следует упомянуть исследования по акклиматизации гибридов осетровых, которые проводились на кафедре ихтиологии и гидробиологии Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Но, к сожалению, эти важные работы прекратились, как говорится, по не зависящим от научных сотрудников причинам. Эта кафедра, помогавшая практике рыбоводного дела, была ликвидирована Министерством высшего образования.

На одном из живописных островов в дельте Днепра, недалеко от Херсона, разведением осетра занимается Днепровская станция. К сожалению, ее производственная база небольшая — всего лишь 1,5 миллиона личинок осетра, несколько десятков тысяч окрепших осетров-подростков. Эту станцию обязательно нужно расширить.

А нерешенных проблем рыбоводства более чем достаточно. Возьмем, например, такую вкусную рыбу, как стерлядь. Вдвойне обидно, что она не имеет теперь промыслового значения. Ведь ее можно широко разводить в условиях специальных заводов, а также на нерестилищах, созданных природой.

Помню такой случай. Однажды мне показали купленную на рынке диковинную рыбу с колючими шипами. Я внимательно посмотрел и узнал одну из своих питомиц — пиковок стерляди, которых мы перевозили из Днестра в Днепр. Только теперь пиковки выросли, и передо мной была отличная стерлядь весом в два килограмма.

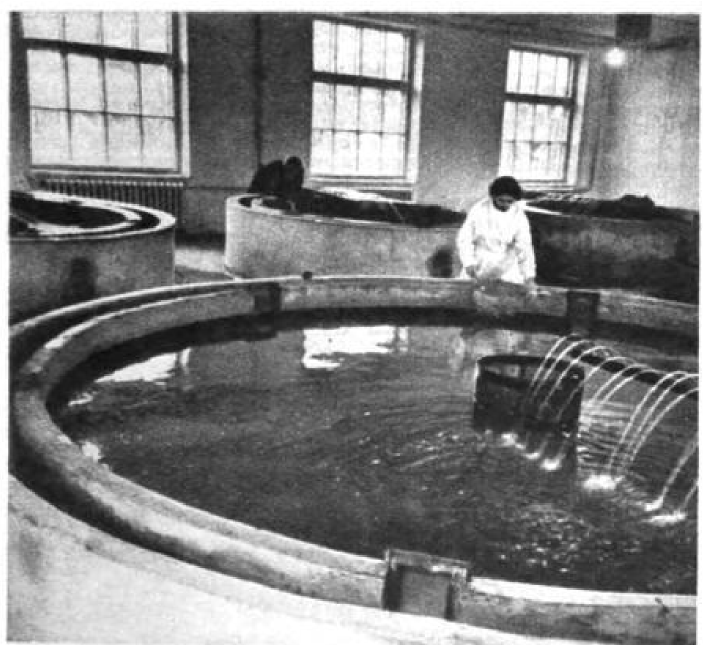
Я рассказал этот случай для того, чтобы стало ясно, что даже такую ценную рыбу, как стерлядь, можно с успехом перевозить из водоема в водоем и искусственно разводить.

Очень важный вопрос — сохранение икры осетровых в естественных условиях. Для защиты своей икры от многочисленных врагов рыбы откладывают ее между камнями и галькой, окраска которых сливается с икрой. Однако некоторые обитатели рек — гольцы, щиповка — умудряются проползать между камнями и лакомиться драгоценной икрой. Сами эти вредители, сколько бы ни ели очень питательной икры, больше мизинца не вырастают. Поэтому ихтиологам довольно трудно найти способ борьбы с этими лакомками в местах нереста осетровых.

Волнует ученых-рыбоводов и еще одна проблема. В нашей стране много научно-исследовательских институтов, кафедр ихтиологии университетов, которые изучают осетровых рыб. Но, как говорят, у семи нянек дитя без глазу. Нет единого научного центра, который организовал и проводил бы серьезные исследования по осетроводству, координировал бы деятельность учреждений и планировал исследовательские работы по разведению и охране этих ценнейших рыб в нашей стране.

В марте прошлого года в Москве состоялось совещание по вопросам развития осетрового хозяйства в водоемах СССР. На нем ученые и практики внесли много интересных предложений, обсудили проблемы по восстановлению запасов осетровых. Но от одних только резолюций не прибавится осетров и не станет больше черной икры.

Интересы рыбного хозяйства страны настоятельно требуют, чтобы ученые отправились на рыбные промыслы и создали там мощные рыбоводные станции и пункты — эти форпосты науки на реках и морях. Совместными усилиями с работниками производства можно добиться резкого увеличения стада осетровых в нашей стране и добывать в год до 700 тысяч центнеров осетровых. Если за дело возьмутся все — ученые, работники рыбного хозяйства, общественность, — красная рыба и черная икра будут в изобилии.



НА ВЫГСКОМ ЗАВОДЕ

Эти снимки сделаны в Карелии. Прошло только пять лет с тех пор, как построен и начал работать Выгский рыбозавод по воспроизводству ценнейшей рыбы из семейства лососевых — семги. За это время он выпустил в реку около миллиона семги в возрасте двух-трех лет.

На снимке слева вы видите зимние бассейны завода. Тут, в непрерывно протекающей, прозрачной воде косяками движутся юркие серебристые рыбки. На другом снимке: мастер-рыбовод Н. А. Муравьев, шофер А. С. Кудиныш и районный инспектор рыбнадзора А. А. Долгих выпускают подросших мальков в реку Выг

П. БЕЗЗУБЕНКО
Фото автора.

Создатели непобедим

Недавно мир узнал еще об одной победе человеческого разума над силами природы: искусственно синтезирован «непобедимый камень» — алмаз.

Десятки лет пытались люди искусственно получить алмазы. Но единственным, кто имел патент на изготовление этих драгоценных камней, был легендарный бог огня — Вулкан. Только он знал секрет, как из углерода приготовить и графит и алмаз.

Последние годы особенно настоятельно потребовали от ученых решения алмазной проблемы. Дело в том, что современная промышленность ни на один день не может остаться без алмазов. Они нужны везде: на машиностроительных заводах, в бурах геологов, в лабораториях ученых. Благородный брат графита — алмаз — стал не только символом богатства, но и технического прогресса.

Наш корреспондент Ванда Белецкая попросила руководителя работ по созданию искусственных алмазов, специалиста в области высоких давлений профессора Л. Ф. Верещагина ответить на вопросы, связанные с открытием советского метода получения этих драгоценных камней.

— Как был осуществлен синтез алмазов! Как произошло чудо алхимии XX века!

— Чтобы подробно ответить на эти вопросы,— сказал Леонид Федорович,— мне бы пришлось написать целый роман. Страницы его расскажут о человеческих трагедиях, поисках, разочарованиях, дерзаниях ученых и, наконец, о радости свершившегося открытия.

С тех пор, как узнали, что алмаз и графит братья — разновидности одного и того же элемента, углерода,— ученые стали стремиться искусственно получить алмазы.

Ученые выяснили, что различие в физических свойствах алмаза и графита происходит от неодинакового расположения в их кристаллической решетке атомов углерода. Если атомы углерода образуют октаэдр и расположены на равных расстояниях друг от друга, то перед нами алмаз, если же атомы размещаются слоями и их связи ослаблены, то всего лишь графит.

Но как узнать, что заставляет атомы соединяться в том или ином порядке?

Расчеты показали, что нужная перестройка возможна лишь при высоких давлениях и температурах. Начались эксперименты, но — увы! — все они оканчивались неудачей. Иногда казалось, что победа совсем близка, и в печати появлялись сенсационные сообщения об искусственных алмазах, но затем неизбежно следовали опровержения.

Так длилось почти столетие.

Лишь недавно драгоценный упрямец уступил натиску науки и техники. И сегодня каждый может увидеть аппаратуру для получения искусственных алмазов. Она выставлена в павильоне науки на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Искусственно мы уже получаем почти все разновидности алмазов, которые дает природа, начиная с желтого и кончая черным...

— Кому принадлежит открытие «разработок» искусственных алмазов!

— В наши дни,— ответил профессор Верещагин,— крупнейшие открытия рождаются, как правило, на стыке нескольких наук. Иными словами, мне хочется сказать, что век одиночек остался позади и сегодня большое, принципиально новое научное открытие по плечу лишь целому коллективу исследователей.

Представьте себе, что вы вернулись из Большого театра, где слушали «Русалку». Гениальные пушкинские строки, проникновенная музыка Даргомыжского еще звучат в ваших ушах. И в этом виновны не только поэт и композитор. Донести до вас их искусство помогли режиссер, артисты, музыканты, художник. Совокупность их труда, совместное творчество родило то волшебное впечатление, под властью которого вы находитесь и после театра.

Нечто подобное происходит и в науке. Возьмем раскрытие алмазного секрета.

Физики высчитали, что в принципе атомы углерода можно заставить занять положение, свойственное кристаллической структуре алмаза. Но для этого надо создать давление порядка ста тысяч атмосфер и температуру около двух тысяч градусов! А это значит, что ученым понадобятся новые материалы, которые смогут выдержать подобные чудовищные нагрузки, новые приборы, которые будут управлять сложными процессами, возникшими в веществе, понадобится надежная контрольная аппаратура. Поэтому над получением искусственных алмазов трудились физики, химики, математики, инженеры, конструкторы, механики — словом, люди самых разных специальностей.

Мне выпало счастье работать над решением этой важнейшей проблемы. Все сотрудники нашего Института физики высоких давлений, начиная от руководителя и кончая только что закончившим вуз инженером, знали, над чем они работают. Всех увлекала задача получить искусственные алмазы. В кабинетах и лабораториях писались формулы и цифры, на другом этаже цифры воплощались в чертежи и схемы. И вот уже механики склонялись над монтажом узла нового прибора...

КУДА ДЕВАЛОСЬ ЛЕТО?

В. А. БУГАЕВ,
директор Центрального института прогнозов

Московское лето 1962 года.

Вот и поздняя осень. Москвичи так и не почувствовали лета. «Ждали лета, ждали, а его так и не было». Обидно!

Что случилось с летом? Везде лето было такое или только москвичам «повезло»?

Может быть, климат изменился и теперь так будет каждый год?

На эти вопросы наши корреспонденты Римма Лихач и Виолетта Морозова попросили ответить директора Центрального института прогнозов, доктора географических наук В. А. Бугаева.

Необычная погода прошедшего лета, когда в одних областях было холодно и дождливо, а в других жарко и солнечно, возбудила законный вопрос: что же делалось в других странах мира? Отмечены ли и там аномалии в погоде, и были ли они продолжительными?

Устойчивые отклонения от обычных климатических условий существовали не только в нашей стране.

Они достались нам в наследство еще от весны, а распределение их по поверхности Земли отличалось интересной закономерностью. В общих чертах она состояла в следующем. Если над Западной Европой и частично над западом СССР было необычно холодно, то по соседству, восточнее, включая всю Западную Сибирь, было необычно, я бы сказал, излишне тепло. Еще дальше на восток существовала другая пара — холод-тепло, располагавшаяся над северо-востоком Азии и севером Тихого океана до американского континента. Над континентом Америки размещалась своя пара, и, наконец, четвертая пара холод-тепло существовала над Атлантикой. Таким образом, на пространстве северного полушария продолжительное время наблюдалась система из четырех неподвижных температурных волн холод-тепло, которым, в свою очередь, соответствовали четыре волны в распределении давления воздуха. При этом там, где было необычно холодно, давление было пониженным, перемещались циклоны и шли дожди; наоборот, в аномально теплых областях господствовали антициклоны, и там было жарко и сухо.

Теория общего движения атмосферы над Землей показывает, что генеральная схема циркуляции над северным полушарием как раз и состоит из четырех волн давления, размещающихся на полушарии

Так выглядит погода на карте.

Штаб действует.

«Увы! Дождь будет и завтра. Придется опять огорчить москвичей»,— думает синоптик Евгения Латухина.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

...ого камня

Член-корреспондент Академии наук СССР
Л. Ф. ВЕРЕЩАГИН

Много раз, когда казалось, что наконец ученых ждет несомненная удача, во время опыта происходили взрывы. Из сотрудников никто не пострадал, так как аппаратура находилась в бронированной камере. Но это значило, что где-то запряталась самая крохотная неточность. Молча мы расходились по лабораториям и кабинетам. Наступал вечер. Рабочий день заканчивался, но домой не уходил никто. Еще и еще раз проверяли выводы и расчеты. Однажды глубокой ночью нашли неточность в монтаже, и инженеры немедленно, не дожидаясь утра, приступили к подготовке аппаратуры для нового эксперимента.

Вскоре взрывы перестали мучить нас. Были получены первые кристаллы, но — увы — они обрадовали бы только ювелиров. Камни очень красивы, но их оказалось слишком мало. Было немало экспериментов, надежд и разочарований, пока наконец мы научились получать их в любом количестве.

Воля исследователей, упорный труд и, наконец, талант укротили дикий нрав этих драгоценных камней.

— Знакомы ли вы с американскими учеными, работавшими во главе с профессором Холлом над получением искусственных алмазов?

— С профессором Холлом я познакомился во время своей поездки в США и встречался потом несколько раз. Это очень крупный ученый, обладающий талантом, большими знаниями, смелостью экспериментатора. Под его руководством американские ученые создали аппаратуру для получения искусственных алмазов весом до четверти карата.

Но советские ученые работали параллельно и шли своим путем, отыскивая собственные методы синтеза алмазов.

Однако, когда я узнал, что искусственные алмазы наконец получены, у меня была примерно такая же реакция, как у моего американского коллеги. Холл пишет, что он в изнеможении опустился в кресло и в первую минуту не в силах был произнести ни слова. Я тоже был очень взволнован.

— Как проверяют ученые полученные алмазы?

— В этом исследователям помогает чувствительный щуп рентгеновых лучей. Он позволяет увидеть расположение атомов в кристаллической решетке вещества. И именно рентгеновский анализ принес ученым радостную весть, что синтез алмазов наконец осуществлен.

Правда, в тот день мы не поверили анализу. Мы хотели убедиться собственными глазами в алмазных свойствах полученного кристалла. И он не подвел создателей. Он резал стекло, металл, кварц и царапал сверхтвердый сплав, из которого раньше делали заменители алмазов.

А потом полученные кристаллы прошли проверку на прочность и другие свойства в целом ряде научных институтов.

— Какую роль в получении искусственных алмазов сыграл Украинский научно-исследовательский институт синтетических сверхтвердых материалов?

— Когда аппаратура была создана и первые алмазы получены, Академия наук СССР передала установку на Украину в Научно-исследовательский институт синтетических сверхтвердых материалов и инструмента Госплана республики.

Институт должен был отработать метод и наладить опытно-промышленное производство алмазов. И надо сказать, что сотрудники института отнеслись к работе творчески, они внесли много нового в отработку сложного процесса.

Совместная работа Института физики высоких давлений Академии наук СССР и Украинского института Госплана — пример плодотворного сотрудничества двух коллективов в решении большой общегосударственной задачи.

— Отличаются ли алмазы, полученные в лаборатории, по свойствам от своих естественных братьев?

— Да, отличаются. Искусственные алмазы еще прочнее, и поэтому применение их в промышленности на сорок процентов эффективнее естественных.

— А для ювелирных изделий, для украшений искусственные алмазы можно использовать?

Фото А. Гостева.

— Чисто женский вопрос.— Профессор Верещагин улыбнулся.— Я сказал, что искусственные алмазы прочнее, а о том, красивее ли они своих естественных братьев, судить не берусь. Но думаю, что суровой необходимости использовать их для украшений нет. Скажу вам по секрету, что до синтеза алмазов в лабораториях ученых 95 процентов всей мировой добычи этих драгоценных камней шли для промышленных целей и лишь 5 процентов — для ювелирных изделий. Думаю, что для украшений нашим женщинам вполне хватит алмазов, которые находят в Якутии,— пошутил профессор.— А вот для промышленности — дело другое. Тут без искусственных алмазов не обойтись.

приблизительно так, как это было летом текущего года.

Таким образом, когда нас спрашивают, что случилось в атмосфере, почему так необычна погода, не влияют ли на нее атомные взрывы, мы отвечаем: нет! Атомные взрывы тут совершенно ни при чем! На самом деле установился тип циркуляции, соответствующий генеральной схеме циркуляции атмосферы, и поэтому он очень устойчив.

Надо сказать, что существует еще огромное количество различных причин, влияющих на изменения погоды.

Возьмите такой пример. В этом году на июль месяц прогнозисты предсказывали по Московской области жару до 30 градусов, а москвичи все лето не снимали плащей и не выходили на улицу без зонтов. И мало кто знает, что в Москве некоторое время действительно могла бы быть такая температура, но она скрывалась за облаками. Воздух был слишком влажен и беспрерывно образовывал дождевую завесу. Эта сплошная пелена облачности спрятала от нас лето. Лишь в недолгие часы, когда появлялись небольшие окна в этой сплошной завесе, солнце напоминало нам о своем существовании, согревало и радовало своим теплом.

Подтвердить это обстоятельство могли бы жители Рязани, Тулы и некоторых городов Московской области, где действительно в июле чувствовалась эта тридцатиградусная жара.

Усиленная циклоническая деятельность в особенности затрудняет работу синоптиков. Они шутят, что все циклоны в этом году решили погостить в Москве, а самый упорный из них стоял, не двигаясь с места целую неделю, и поливал ни в чем не повинных москвичей проливным дождем.

Но можем ли мы предвидеть эти длительные и резкие уклонения погоды от обычных климатических условий?

Метеорологи давно работают над решением этой сложной задачи, шаг за шагом продвигаясь вперед. Опыт и теория помогли уже найти главные типы и формы движения атмосферы Земли.

Знаете ли вы, как сейчас предсказывается погода? Сколько работы надо провести, прежде чем вы услышите по радио ставшую уже такой привычной фразу: «Передаем прогноз погоды на завтра»?

Главный штаб погоды находится на одной из тихих улиц Москвы, в Центральном институте прогнозов. Дружный, жизнерадостный народ живет в этом доме. Именно живет, так как работа в стенах института ведется круглосуточно, не прекращаясь ни на минуту. Более чем с десяти тысяч метеорологических станций всего мира идут сюда различные сведения о погоде.

Они поступают сразу в зал, где установлены телетайпы. По фототелеграфу принимаются уже готовые метеорологические карты со всего мира. В отделе обработки метеосводок язык цифр, понятный синоптикам всех континентов, превращается в язык значков, и карты оживают, начинают говорить. Затем эти «говорящие» карты рассылаются в отделы долгосрочных и краткосрочных прогнозов.

Окончательный приговор погоде выносится после общих совещаний, где обобщаются все полученные данные, которые и приобретают единственно возможную форму точного прогноза погоды.

Для точных расчетов будущей погоды большие перспективы открывает нам использование быстродействующих счетно-решающих машин. Уже сейчас мы научились рассчитывать волны давления и некоторые другие, связанные с этим явления. Для прогнозирования погоды это немало, но далеко не все, что нужно, так как погода — это и давление, и температура, и влажность воздуха, и облака, и осадки, и шквалы, и грозы, и многое другое.

Необходимо отметить еще одну трудность в работе метеорологов. Ведь сведения, которые они добывают с помощью существующих средств наблюдения, охватывают слой высотой лишь в 20—25 километров от поверхности Земли А что происходит за этой гранью. до недавнего времени было недоступно для практического изучения. Только последовательное освоение космического пространства, запуск искусственных спутников Земли приоткрывают эту завесу неизвестности и дают безграничные возможности для полных и точнейших наблюдений за состоянием всей атмосферы Земли.

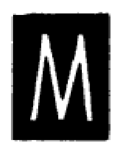
Ну, а чем утешить тех, кто испытал на себе холодное и дождливое нынешнее лето?

К счастью, формы циркуляции атмосферы определяются не только положением материков и океанов и взаимодействием между ними. Множество других причин накладывает тот или иной отпечаток, и генеральная схема то и дело видоизменяется и даже полностью разрушается. Ее устойчивое существование бывает не каждый месяц и тем более не каждый сезон.

И вместе с вами я надеюсь, что лето будущего года будет солнечным и теплым.

А. СТАРКОВ

МГНОВЕ

ожет быть, вы помните две напечатанные в нашем журнале корреспонденции — о смоленском сцепщике вагонов Николае Андрееве и студенте-киевлянине Александре Зарайском?

Андреев, увидев на рельсах замешкавшуюся женщину, бросился, столкнул ее с пути, а сам угодил под вагон, и ему покалечило ноги... Зарайский, спасая людей, кинулся выключать газовый вентиль, оказавшийся под током, и был тяжко обожжен...

У того и у другого была секунда на размышление.

Теперь я хочу рассказать еще об одном человеке, у которого тоже была в распоряжении секунда, нет, меньше секунды, какая-то ее доля. Но нам уже никогда не узнать, что́ он думал в это мгновение. Мы только знаем, как он этим мгновением распорядился.

Юлий Чигирин, как и Сашко́ Зарайский, был студентом. Точнее говоря, уже не студентом, инженером: за два дня до гибели он защитил дипломный проект. Я видел чертежи, расчеты, объяснительную записку, читал протокол государственной комиссии, оценившей проект на «отлично». А до этого была преддипломная практика в Казахстане, на постройке ветки Пески Целинные — Володарское, и под Кременчугом, на Крюковском шпалопропиточном заводе. А до того — в течение пяти лет — пятьдесят один экзамен и зачет и пять студенческих практик — геодезическая, геологическая, общестроительная, специальная по путям и путевому хозяйству, еще специальная по изысканиям и строительству железных дорог,— оставившие пятьдесят шесть отметок в его зачетной книжке, которая лежит сейчас вместе с дипломом № 024513 в несгораемом шкафу у ректора Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта. А до этого, до института, служба в армии, в строительном батальоне. А до армии — Новочеркасск, трест «Ростовгеолстрой», куда он прибыл на должность десятника из Киевского строительного техникума.

Дипломный проект был закончен и подписан 27 мая. Это был день рождения Юлия Чигирина, которого все называли Юрой. И это был еще и день свадьбы его друга Саши Михайлика, с которым они вместе служили в армии, поступили в институт на один факультет, в одну группу, спали в общежитии на соседних койках и с которым, а также еще и с Валентином Кононенко, они дали друг другу обет не жениться до окончания института. Михайлик нарушил этот тройственный союз, не дождавшись месяца до формального повода: торжественный выпуск был назначен на 27 июня... Так что день рождения Юры, которому исполнилось 27 лет, совпал с женитьбой Михайлика, и оба эти события отмечались в один вечер, хотя главным была, конечно, свадьба, и Юра держался чуть в сторонке и, принимая поздравления как новорожденный, тут же переадресовывал их новобрачным, а потом взял гитару и спел несколько старинных романсов в их честь. Голос у него, тихий, задушевный, был не для эстрады, не для концертов, а вот для такой маленькой, тесно сгрудившейся дружной компании. Он пел долго, и Михайлик, который хотел его сфотографировать, заслушался и щелкнул, когда Юра уже умолк, но гитара, правда, была еще у него в руках.

Защищались 15 июня. У Михайлика и Кононенко дипломные проекты были почти одинаковые: рельсы, исследование волнообразного износа рельсов, только у одного при скорости 120 километров в час, у другого при 140. А у Чигирина — шпалы, тоже износ, вернее, стойкость шпал, и как эту стойкость повысить. Проблема наиважнейшая: на каждый километр пути идет до двух тысяч шпал. Сколько же их на всех дорогах, подсчитайте! И льют над ними дожди, метет снег. Слякоть, жара, морозы. А какие нагрузки от проносящихся поездов! Долго ли тут продержишься? Надо както продлить жизнь шпал, а то лесу не напастись. Пропитывают всякими особыми маслами. Под давлением. Это довольно сложный процесс. Существуют специальные заводы—шпалопропиточные. У Чигирина — проект такого завода, с самой современной технологией, полностью автоматизированного.

Часть выпускников защищала дипломы в институте, а другие на производстве, в клубе станции Основа, под Харьковом. Михайлик попал в институтскую группу, а Чигирин с Кононенко — в клуб. Утром, прихватив свои чертежи, пошли сначала слушать Михайлика. Он что-то волновался, хотя давал слово не волноваться, но в общем-то защитился отлично и поехал с ребятами в Основу посмотреть, как они будут защищаться. Он уже был инженером, а они еще студентами!.. Комиссия заседала та же, но обстановка была все же иной. В институте все свои, а тут, в клубе, кроме студентов и преподавателей, много незнакомых людей, работников железной дороги. Юра вышел к доске первый. Михайлик и Кононенко помогли развесить чертежи, и Михайлик напутственно ткнул его в бок,— держись мол. Но он сразу заговорил спокойно, уверенно и, можно сказать, даже весело. Когда председатель комиссии задал ему простенький, казалось бы, но таивший подводные рифы вопрос о размерах шпал, Юра легко обошел сию опасность и при этом победно подмигнул сидевшим в зале друзьям. Тут его Михайлик и сфотографировал.

Это было в пятницу.

А в субботу трое свеженьких, горяченьких, только что со сковородки, молодых инженеров-путейцев — Валентин Кононенко, Александр Михайлик и Юлий Чигирин — явились в свой бывший—да, да, уже бывший! — институт, чтобы уточнить срок выезда к месту назначения. Да и само это место требовалось уточнить, потому что оно передвижное. Строительно-монтажный поезд, мехколонна. Движется с участка на участок с экскаваторами, грейдерами, бульдозерами. Сейчас в Фастове идет отсыпка железнодорожного полотна, укладка шпал. Вот туда и прибыть к 1 июля трем вновь назначенным мастерам... Так сказали в деканате.

Это было в субботу.

А в воскресенье...

Обычно воскресенья они проводили вместе. На этот раз не было коллективного плана. Михайлик, как известно, выпал из их холостяцкого союза, он жил теперь у жены и в воскресенье собирался с ней куда-то уехать. У Кононенко было назначено свидание. Он встречался последнее время с Ниночкой Даргель, студенткой-вечерницей, тоже защитившей на днях диплом. Но Ниночка пришла к общежитию не одна, с подружкой Лорой.

— Валь, мы решили ехать купаться. Такая жарища...

— Ну что ж, поедем,— согласился без особого энтузиазма Валентин.— Может, Юрку позовем?

— Ага, обязательно. Пусть гитару захватит.

Кононенко пошел наверх за Юрой. Застал его лежащим на кровати. Юра читал книгу о Джеке Лондоне из серии «Жизнь замечательных людей». Сине-розовая обложка с портретом писателя на фоне бушующего моря... Юра был в некоторой меланхолии: девушка, с которой он должен был увидеться в это утро, заболела. Тогда он отправился к тетушке, которой обещал наколоть дров на зиму, но тетки не застал, сарай был закрыт, и он вернулся в общежитие, лег на койку.

— Юр, поехали купаться,— сказал Кононенко.

— Неохота.

— Поедем. Нина ждет, Лора. Ты знаешь ее, Нинина подруга, тоже с вечернего.

— Ладно, поедем,— вяло протянул Юра и нехотя поднялся.

— Гитару возьми.

— Ну, еще гитару. В речку, что ли, с нею лезть? Не возьму.

— Я тоже с вами, ребята,— сказал Костя Кривошеев, поселившийся недавно в комнате вместо Михайлика.— Можно?

— Давай!

Так образовалась компания из пяти человек.

Предусмотрительные девушки прихватили с собой две сумки со всякой снедью. Из Лориной торчала даже пара бутылочных головок. Но Кривошеев, присмотревшись к ним, разочарованно шмыгнул носом: «Харьковская», минеральная.

— Зайдем в магазин,— предложил Кривошеев.— Надо бы чего посущественней. Диплом спрыснуть.

— Не стоит, Костя,— сказал Чигирин.— У нас еще представится такая возможность. А сегодня нет настроения.

— Как будто у тебя бывает когда-нибудь настроение выпить,— сказал Кривошеев и обернулся к Валентину, ища в нем сочувствия. Но поддержки не встретил.

— В очереди толкаться? Не хочу. Поехали скорей.

— Не огорчайся, Костик,— сказала Нина.— Солнышко, смотри, как светит. Погреемся на солнышке.

— Трава сырая,— буркнул Кривошеев.

— А я одеяло везу, подстелишь.

— Ясли! — сказал Кривошеев.— Комната матери и ребенка... До чего докатилась современная инженерия!

— Ну, ладно,— сказал Чигирин.— Мы тебе кукурузного напитка купим по дороге.

Приехали на Южный вокзал. Взяли билеты во вторую пригородную зону. Через две минуты отходила электричка на Мерефу. Примчались на перрон, успели вскочить.

— Куда едем? — спросил, отдышавшись, Валентин.

— Предлагаю в Липовую,— сказала Лора.— Озеро там, роща красивая.

— Давайте,— сказал Юра.— Я там ни разу не был.

— Был,— сказал Кононенко.— Помнишь, в мае? Мы с дипломом запарились, поехали купаться...

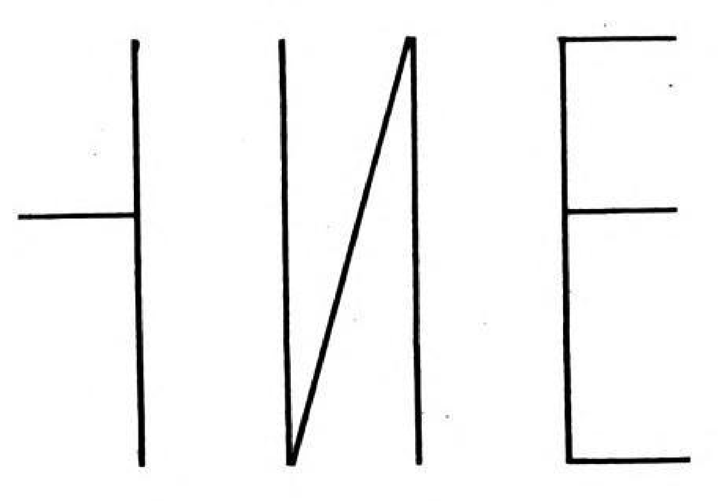
— Разве в Липовую? У меня тогда набитая голова была, помню, что ездили, а куда, не помню... Раз уже были в Липовой, давайте куда-нибудь подальше.

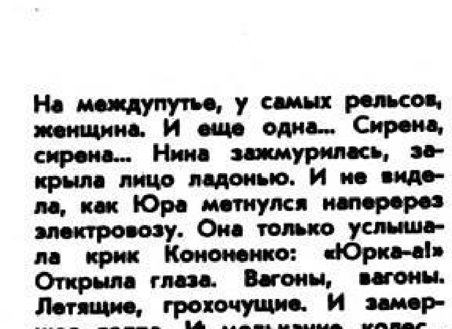
— В Высокое! — сказала Нина.

— Место историческое,— добавил Валентин.

— Чем же оно историческое? — спросила Лора.

— А ты не знаешь? Нина жила там когда-то в детском садике.





— Правильно. Жила. Детский сад был от маминой работы. А потом я туда ездила в пионерский лагерь. А прошлый год в дом отдыха.

— Рос, понимаете, ребенок,— пояснил Кривошеев.— От яслей до дома отдыха!

— Я хорошо знаю эти места,— продолжала Нина, игнорируя ехидную реплику.— В Высоком полно прудов. Любой можно выбрать.

— Решили!— сказал Юра.— Выходим в Высоком. Поклонимся земле, на которой вырастала наша Ниночка...

Ребята остались покурить в тамбуре. Нина и Лора пошли в вагон. Потом к ним присоединился Кононенко. Лора перелистывала книгу о Джеке Лондоне, которую ей дал Юра. Нина с Валентином тихо переговаривались о чем-то своем.

Новоселовка. Липовая. Покотилово. Научный... Юра крикнул в открытую дверь:

— Приготовиться! Следующая — наша.

Кононенко подхватил сумку у Нины, Кривошеев у Лоры.

— А я что понесу? — сказал Юра.— Дайте мне хоть моего Лондона.

Он сунул томик под мышку. И первым спрыгнул, когда электричка остановилась. Сошло много народу. Большинство приехало к ребятишкам в лагеря, в детские сады. А это в поселке, на той стороне. С толпой перешли через соседний путь, поднялись на другую платформу.

— Теперь куда? — спросил Кривошеев.

— Можно налево,— сказала Нина.— Видели, мы мимо пруда проезжали?

— Это у самой-то дороги? — сказал Юра.— Крошечный. Костя залезет, всю воду вытеснит. И место голое. Нет ли тут чего поинтереснее?

— Тогда направо. Вон горушка. Поднимемся, спустимся. Пруды, лес...

— Айда! — сказал Юра.

И они пошли по платформе направо. Направо. Навстречу поезду, который показался в полукилометре из-за поворота.

Впереди Лора с Кривошеевым. За ними в десяти шагах Нина с Валентином и Юрой. Юра шел с края платформы, ближе к путям.

Сирена, сирена, сирена. Крик: «Же-енщины!» Мчащийся поезд. На междупутье, у самых рельсов, женщина. И еще одна... Сирена, сирена... Нина зажмурилась, закрыла лицо ладонью. И не видела, как Юра метнулся наперерез электровозу. Она только услышала крик Кононенко: «Юрка-а!» Открыла глаза. Вагоны, вагоны. Летящие, грохочущие. И замершая толпа. И мелькание колес...

Машинист электровоза рассказывал мне:

— 17 июня в восемь часов утра я взял на станции Иловайское скорый поезд № 10. Кисловодск — Москва. Плечо до Харькова, 380 километров, без остановок. Провел по графику через весь Донбасс. Проследовал Мерефу, Комаровку, Харьков близко. Пошли дачные платформы. Ох, не любим мы их, особенно, когда электричка стоит, тут уж гляди! Скорость — заданная, 100 километров, иду не сбавляя. Только вывернулся из-за кривой, вижу: электричка у платформы. И народ, конечно, сыплет на левую сторону: спешат люди, под поезд угодить лезут. Я сигналю, сигналю, толпа, смотрю, схлынула, все равно сигналю, сирена, знаете, как ревет, душу раздирает! И тут мальчишечка из вагона, за ним мужчина, отец, наверно, с сыном, быстро проскочили на другую сторону. Шепнул я им про себя пару нежных слов. Ну теперь, думаю, все перешли, открыта дорога. Нет, еще женщина, молодая, в платье с цветочками, сошла на междупутье и старушке помогает сойти. А та боится, ступеньки высокие, молодая тянет ее за руку, тянет и пятится к соседней колее. Ступила старушка на землю, споткнулась, узелок уронила, и обе теперь у самых рельсов, по которым несется мой поезд. Не только я, уже и помощник мой сигналит. Беспрерывные сирены. А те, как не слышат, пятятся, а до них метров двести, а скорость у меня, как сказано, вся сотня. Торможу, но что теперь тормоза! Вы поймите положение машиниста, он все видит, полный обзор перед ним, видит, что людям — гибель неотвратимая, а что может сделать на такой скорости? Все, думаю, накрыл, погибли, бедные... И вдруг паренек этот в голубой рубашечке-безрукавке. Невысокий, худенький, черноволосый. Выбежал из толпы на платформе, прыгнул. Наискосок, с расчетом на ветер. Правая рука вперед, левая немного оттянута, в левой, я заметил, книжка... Я вам про это долго рассказываю. Тут ведь мгновение! Пролетел перед электровозом, не задело. И сразу удар, еще удар... В депо оглядел я машину, на боковине вмятина, подножка сбита. Видно, его в последнее мгновение, когда он уже столкнул женщин, прикрыл их, боковиной ударило. По левому чуть оттянутому назад локтю...

Юлий Чигирин.

Поезд пронесся мимо платформы, замедлил свой бег и остановился вдали. Толпа хлынула на полотно. Молодую женщину, бледную, окровавленную, подняли, повели под руки. Старушка, отброшенная к вагонам электрички, сама встала, пошла. Юра лежал на боку. Казалось, тоже встанет и пойдет. Но он не поднимался. Он лежал возле самой колеи. Он, видимо, ударился затылком о рельс. Голова, руки на шпалах. Шпалы, шпалы... Левая рука в крови. Подбежал Валентин, сдернул с себя ремень, хотел перетянуть Юре руку, чтобы остановить кровь, но она уже не шла, она запеклась. Валентин и Костя подняли Юру, понесли. Положили на скамейке в сквере за станцией. Пришла сестра из медпункта, хотела сделать укол, но, пощупав пульс и вглядевшись, сказала:

— Деточки, он мертвый...

Они стояли над ним, плача, но еще не веря сестре.

Прибежал какой-то мальчишка, крикнул:

— Дяденька, возьмите!

И протянул книжку «Джек Лондон» в сине-розовой обложке с пятнами крови, ключ от комнаты в общежитии, спичечный коробок и 15-копеечную монету.

Кононенко припал на колени и закрыл Юре веки. На руке у мертвого тикали часы, стрелки совершали свой обычный путь...

... Жил человек, которого звали Юлий Чигирин, Юра.

Есть в Харькове улица Чигирина. Есть Чигиринский мост. Есть студент Чигирин, навечно зачисленный в список первой группы пятого курса строительного факультета.

Лежат фотографии, подготовленные для уголка Чигирина в музее. Много снимков. Вот самые последние: Юра с гитарой на свадьбе, Юра, весело защищающий диплом, Юра в гробу, в венках. Эти снимки делал Саша Михайлик, он их, рыдая, и проявлял, они лежали в одной ванночке.

Хожу, расспрашиваю людей, хочу узнать, каким он был, Юлий Чигирин, хотя уже по его подвигу знаю, какой он был.

В институтской многотиражке прочел о нем: «Тихая твердость характера». Все говорят: был тихий, вперед не лез, но когда нужно, оказывался впереди, у края платформы, у рельсов...

Он был тихий, близоруко щурился, но — боксер, гимнаст, мотоциклист.

Он был тихий, щуплый, но мог вдруг выказать недюжинную силу, ловкость, выносливость. Да и последний, смертный прыжок его по размеру своему был бы просто непосильным, невозможным для обыкновенного, нетренированного человека.

Он был тихий, неречистый, но ясный, изнутри светящийся. Мне рассказывали, как он сдавал однажды зимнюю сессию. Все экзамены на пятерки, оставался последний. А тут так: все пятерки — повышенная стипендия, хоть одна четверочка — обычная. Юра жил трудно, только на стипендию, и лишние деньги никогда не были для него лишними. И вот сдает последний экзамен. Вышел в коридор немного растерянный. Ребята окружили: «Юра, неужели четверка?» Он только растопыренную ладонь показал, со спрятанным большим пальцем. «Чудак, иди пересдавай, обидно терять повышенную». «Не пойду». «Иди! Ты же знаешь на пятерку, всем нам помогал». «Не пойду. Поставили справедливо. Подумают, что вымаливаю». «Ну так мы за тебя пойдем, попросим, чтобы переспросили». «Попробуйте только!». И все знали: пробовать нечего. Ради стипендии он пересдавать не будет.

У него осталась мать. Он у нее был единственный. Она — в Черкасской области, в селе Русская поляна. Учительница. У нее много детей, чужих. Мальчишки и девчонки, первоклашки. Но Юры нет.

Вот и подошла к концу эта маленькая печальная повесть. Но я хочу сказать тебе, Юра, кого ты спас. Ты должен знать об этом. Ты ведь так и не увидел этих женщин в лицо, они были к тебе спиной. Я расскажу тебе о них.

Ты спас Анну Фадеевну Сафонову, семидесяти трех лет, главу огромной семьи. Своих детей у нее было четверо: сыновья и дочь. Двоих сыновей унесла война: Александра под Смоленском, Алексея, когда дрался за материнский дом, за Харьков. Десять внуков у Фадеевны: слесарь Анатолий, медицинская сестра Майя, доярка Людмила, свинарка Лилия, токарь Евгений, сборщик моторов Аркадий, учительница Валентина, монтажница Зинаида, слесарь Владимир, фрезеровщица Лариса. И двенадцать правнуков: школьники, дошкольники и совсем крохотные, грудные. Всю жизнь Фадеевна работала—накладчицей на литографском станке, дворником, санитаркой.

Ты спас ее внучку Майю Ивановну Савенкову, тридцати четырех лет. Она медсестра в областной больнице. С ней, с Майей, с ее мужем и сынишкой бабушка приехала в поселок Высокое на свадьбу к своей самой младшей внучке Ларисе.

Ты тоже недавно гулял на свадьбе своего друга.

Свадьбы — начала новых жизней на земле...

...Человек прожил на свете 27 лет 21 день и одно мгновение.

Нам никогда уже не узнать, что он думал в это мгновение. Но мы знаем, как он им распорядился.

Хорошо ли вас обслуживают?

Е. ТЕМЧИН

АВТОМАТЫ ТУНЕЯДЦЫ И ТРУЖЕНИКИ

В столичном «Гастрономе» стал я как-то свидетелем маленького происшествия. Ветхая бабка сунула в автоматную щель монетку, и с этого все началось. Автомат, призванный продавать спички, был подвешен довольно высоко, старушке пришлось подняться на носки. Она тянулась и что-то сердито бормотала. Потом подергала вверх-вниз рычажок, сунула руку в блестящий никелированный лоток, куда полагалось выпадать спичечному коробку, ничего там не нашла и очень удивилась. Опыт был повторен еще и еще раз. В очереди веселились. Бабке давали советы.

Она вдруг обиделась и на железный ящик, глотающий монеты, и на директора магазина, и на продавцов, и на очередь.

— Тьфу, прости господи! — выкрикнула старушка фальцетом.— Смеются! Тут плакать нужно! Понавешали дураки этих ящиков под потолком, не дотянешься! Да вдобавок они еще и товар не отпускают. Деньги берут, а товар не дают. Ну, чего смеетесь?..

Старушка оказалась с характером.

— Мне давай книгу жалобную. Опишу там все!..— требовала она у кассирши.

Появился директор, кругленький, ласковый. Проникновенным голосом все объяснил старушке: и почему автоматы пришлось повесить так высоко — от мальчишек, и почему ящик деньги берет, а товар не отпускает — не включен. И посоветовал:

— Вы, мамаша, со своей копейкой лучше бы в штучный отдел обратились. Проще.

Бабка еще долго ругалась и сравнивала спичечный автомат с тунеядцем. Спички она получила в штучном отделе.

Вот с этого маленького происшествия в «Гастрономе» мне и хотелось бы начать разговор о торговых автоматах, о переменчивости в их судьбе и о многом другом.

Спичечный автомат в «Гастрономе» обозвали тунеядцем. Люди, которые создавали его, думали (и не без оснований!), что создают механизм-труженик. Иначе зачем было тратить столько усилий, государственных средств на проектирование и изготовление? Перед ними стояла цель: создать механизм, который действовал бы на радость покупателю безотказно и днем и ночью, в любую погоду! Автомат сделали. А дальше началось то, чего не мог предусмотреть ни один конструктор. Повесили его в «Гастрономе» рядом с отделом штучных товаров, и все запроектированные преимущества разом пошли насмарку, вся идея, ради которой его создавали, тотчас оказалась лишенной смысла. Чтобы купить коробок спичек, ведь по-прежнему нужно заходить в магазин. Мало того, висит автомат высоко. Нужно обладать хорошим ростом, чтобы дотянуться до монетной щели. Неудобно. И еще: дотянулись, опустили монету, а механизм не включен.

«Нет. Не нужно мне такой техники! — решает покупатель.— Уж лучше в штучном взять эти спички».

Логично, не правда ли?

В большом табачном магазине тоже поставили автомат. Бросите в щель гривенник, выскочит пачка сигарет. Хорошо, не правда ли? Только никто не бросает гривенники в автомат. Почему? Да очень просто: на прилавках богатейший выбор папирос и сигарет.

В писчебумажном магазине стоят автоматы для продажи тетрадей и карандашей. Смысл?.. Не ищите его — не найдете.

Так новенькие крепкие автоматы, способные работать, уподобились тунеядцам. Самые простые и дешевые — тетрадные и карандашные — обошлись государству в полтора миллиона рублей. И это по далеко не полным расчетам. А сколько металла ухлопали, сколько электропровода, сколько всевозможной электроаппаратуры и, наконец, сколько труда вложено в производство нескольких тысяч только тетрадно-карандашных тунеядцев!

А вот еще один автомат. Он в центре Москвы, на улице Чехова, в витрине нового магазина. Торговля идет бойко. У автомата постоянно толпятся люди. Он продает молоко, кефир, ряженку. Проектировщики полагали, что автомат будет продавать за день от силы шестьсот бутылок молочных продуктов, а он продает по восемьсот — девятьсот штук. Вот это труженик!

В чем же секрет его успеха? Оказывается, действует целый комплекс причин. Во-первых, механизмы работают безотказно, можно спокойно опускать монеты. Во-вторых, продукты здесь всегда свежие, бутылки «со слезой», прямо из холодильника, встроенного в корпус автомата. В-третьих, он на бойком месте, на улице. Не нужно заходить в магазин за бутылкой молока. Идешь мимо, опустил монеты, и клади молоко в сумку. В-четвертых, автомат работает и в такие часы, когда обычные магазины уже закрыты. В-пятых...

Но довольно. Дело в том, что за последние дни активность автомата несколько снизилась. У него появился очень сильный конкурент. Его имя «Прогресс». Это магазин-автомат. Там продаются не одни так называемые бутылочные молочные продукты, но и фасованные: масло, всевозможные сырки, пасты, кремы... Они тоже «со слезой». Наш автомат — лишь деталь целого комплекса торгующих механизмов. Он встроен в витрину магазина «Прогресс».

Расскажу о том, чего не увидят посетители магазина, о чем не знают они и, вероятно, не догадываются. Но прежде чем начать рассказ, сделаю небольшое отступление.

Несколько лет назад на тележках для продажи газированной воды установили автоматические дозаторы. Раньше все было в руках продавца: по своему усмотрению он мог прибавить и убавить газ, на глазок отмерить сироп. Автоматика положила этому конец. И случилось непредвиденное: установки начали часто ломаться. Торговые работники разом заговорили о техническом несовершенстве дозаторов. Конструкторы бросились искать причины. Снова и снова они проверяли, как работают механизмы. Узлы действовали вполне надежно. Инженеры недоумевали. Но вдруг поломки прекратились. Почему? Опять стали выяснять. Оказалось, автоматические дозаторы можно очень легко обманывать. Нужен лишь определенный навык. Не довел до упора одну рукоятку, и дозировка будет нарушена. Проще простого.

А теперь вернемся в магазин-автомат. Там, скрытые от глаз покупателя, стоят всевозможные вычислительные механизмы. Они ведут строгий учет и проданным продуктам и выручке. Не может пропасть ни одна копейка. Но еще задолго до открытия магазина один за другим стали подавать в отставку так называемые материально ответственные лица. Не хотят они работать здесь. Говорят, что не интересно. И невольно припоминается история с новыми дозаторами.

Я не хочу бросить тень на славную армию работников торговли. У прилавков трудится много честных людей. Они хорошо, добросовестно выполняют свое дело. Они настоящие патриоты советской торговли. Но семья не без урода.

Спичечный автомат, его родные братья — тетрадные, карандашные, сигаретные — продают штучный товар. Их монетные механизмы работают надежно. Все это хорошо. Но плохо, что при всех своих положительных качествах выручку они дают мизерную. Они нерентабельны. Срок окупаемости чрезвычайно велик. И отчасти это объясняется прохладным отношением к автоматам работников торговли. Больше того. Дискредитировать новинку, оказывается, очень просто. Если сигаретный автомат установить в табачном магазине, дискредитация его обеспечена независимо от технических качеств. А поставьте такой автомат на каком-либо оживленном перекрестке и заставьте продавать не один сорт сигарет, а несколько, да следите, чтобы он всегда был заряжен, да пусть он работает круглые сутки — и успех его обеспечен. Идет человек вечером по городу. Курить хочется. Где сигареты купить? Табачные киоски уже закрыты, магазины тоже. Вот тут-то и выручит автомат.

Я не говорю здесь о рентабельности всех автоматов. В сущности, никто эту рентабельность по-настоящему не проверял. Опыта разумной эксплуатации никто не накопил. Ведь нельзя же считать разумной эксплуатацию автомата, если стоит он в магазине?

Мне довелось беседовать с многими работниками торговли. И все они очень плохо отзываются и о сигаретных, и о спичечных, и о других аналогичных автоматах.

— Не нужны они нам,— говорят работники торговли.—Выручка маленькая, а следить за ними нужно. Нет. Пустая это затея!

Даже у того автомата, что стоит в витрине «Прогресса», было немало противников. Но автомат работает хорошо. План перевыполняет. Разговоры утихли. У самого «Прогресса» есть противники. Его построил по собственной инициативе, на свои средства Государственный комитет Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению. Странно, не правда ли? Комитет позаботился, чтобы у Министерства торговли появился «Прогресс». Обычно бывает так: если какое-то ведомство заинтересовано в приобретении новой машины, оно отпускает деньги и всячески помогает рождению первенца. С «Прогрессом» так не случилось. И это характерно. Вообще торгующие организации весьма прохладно относятся к автоматам. Вот, например, хорошая штука — автомат для продажи соков. А торговые организации заказали для всей республики на будущий год всего четыреста штук. Автоматов для продажи молока стаканами, если верить заявке министерства, оказывается, нужно всего сто двадцать пять, а для продажи пива — сто. Цифры смехотворно маленькие.

Сейчас в торговле у нас занята большая армия — около пяти миллионов человек. Через двадцать лет объем торговли вырастет минимум в десять раз. И здесь без автоматов не обойтись. Разумеется, они — только они — еще не решат всю проблему. Будут развиваться и другие прогрессивные формы торговли. Но в выполнении всей задачи немалую роль сыграют автоматы. Это нужно понять всем, от кого сегодня зависит их судьба. И в первую очередь работникам Министерства торговли. Нужно наконец объективно, с государственных позиций отнестись к новорожденной отрасли народного хозяйства. Довольно плодить тунеядцев. Выведите их на улицу, поближе к идущему мимо покупателю, заставьте работать и днем и ночью, без выходных и перерывов на обед. Они для этого рождены!

Недавно создана специализированная организация — Глававтоматторг. Ей и карты в руки. Нужно провести широкие исследования, выявить наши потребности в автоматах, дать задания промышленности и, наконец, организовать разумную эксплуатацию механизмов.

В АДРЕС МОСКВА ОГОНЕК

Спасибо тебе, арабский друг!

Вот какое событие произошло в городе Виннице. Монтажница «СМУ-425» «Укрэлектромонтажа» Люба Ребренюк переходила улицу вблизи медицинского института и не заметила, как прямо на нее мчится легковой автомобиль. Девушка растерялась. Еще миг, и машина собьет ее.

Но тут рядом оказался студент 1-го курса Винницкого мединститута араб Нури Атта Алла Кхазаль. Нури Кхазаль кинулся на помощь. Он подхватил Любу за локти, пытаясь оттолкнуть ее в сторону. Но уже поздно: машина была слишком близко. Тогда Нури вместе с Любой подпрыгнул как можно выше. В ту же секунду капот машины прошел под ними. Оба упали на капот, и Нури выбил локтем стекло в кабине. Машина затормозила, остановилась.

Девушка горячо поблагодарила своего спасителя.

В. ТОХТАРОВ

Винница.

Люба Ребренюк и Нури Кхазаль. Фото Ф. Лемешкова.

Кровати движутся к морю

На песчаном берегу Черного моря, почти у самой воды, белеет красивое здание, похожее на летящую чайку. Это детский костно-туберкулезный санаторий «Затока».

В жаркие месяцы два раза в день от здания к морю тянется необычный поезд из кроватей. Это лежачие больные едут купаться в море.

Впервые больных костным туберкулезом стали купать в море в евпаторийских санаториях. Примеру евпаторийцев последовали и в «Затоке». По песку проложили рельсовую дорогу — на ширину кровати. Сейчас от боковых крыльев санатория к воде прокладываются еще две дороги.

Результаты нового метода превзошли все ожидания. Морские купания тонизируют организм, помогают ему лучше бороться с болезнью, и выздоровление наступает быстрее. В прошлом году каждый третий больной выписывался с восстановлением функций пораженного сустава.

Широко введена в «Затоке» трудотерапия. Организованы кружки парикмахеров, фотографов, киномехаников, сапожников, столяров, машинописи, кройки и шитья.

Е. ЗАЗИМКО

Надежда Григорьевна Заглада выступает на совещании передовиков сельского хозяйства Украины. 1961 год

ЧЕЛОВЕК, БОГАТЫЙ СОВЕСТЬЮ

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Вот и Высокое.

— Где правление колхоза? — спрашиваем у первого встречного.

Человек останавливается:

— Видите телевизионную антенну? То и есть хата Надежды Григорьевны... А правление, так оно рядом.

Откуда же человек узнал, что нам нужна именно Надежда Григорьевна Заглада?

Отвечает просто:

— Теперь до нее все едут... Из города, из сел. Всем нужна наша Григорьевна...

Имя Надежды Григорьевны Заглады широко известно в стране. Знаменитую звеньевую знали задолго до того, как была опубликована ее статья «Дорожите честью хлебороба!», обошедшая всю нашу печать. Но разговор о совести, затеянный ею, затронул самое сокровенное. Вот и потянулись люди к ней. Что она за человек такой, какие университеты прошла в своем Высоком?

...Она вышла навстречу из уютного беленького домика.

— Надежду Григорьевну? Я и есть... Сегодня как раз шестьдесят девять годков, как Надежда.

И вскоре, сидя за столом, именинница листает страницы своей жизни. Не будем мудрить, изложим этот рассказ по порядку.

* * *

Ее родословная? Отец батрачил у пана Благи. Мать — у пана Толочки. Надийке было восемь лет, когда мать отдала ее в няньки. К кулаку Кригеру. Подросла, стала работать в хозяйстве владельца пивного завода Вебера, потом у станишовского попа.

Каким-то образом слух о бойкой и выносливой работнице вышел за пределы волости. Отца не было в живых, когда из Житомира приехал к матери барон Шодуар и забрал Надежду в город. За шесть рублей в год на хозяйских харчах. Стакан чаю, ложка сахару, сухарик. А деньги барон платил так: даст половину, а потом из другой половины еще половину. Так и счет потеряешь... Сбежала Надя со службы в городе, а куда денешься? Опять к кулаку, на этот раз к Иргелу...

Заневестилась девушка. Но кто же возьмет бесприданницу? Был любимый хлопец Петро. Всем хорош, но тоже ни кола, ни двора... Вскоре Петро женился на вдове с двумя детьми: у нее хата была. Надежда вышла за вдовца. У него тоже двое ребятишек и хата своя. Через короткое время в той хате появилось еще четверо детей...

После революции появился свой надел земли. Полегчало. Да новая беда: банда избила мужа до полусмерти. Таяла жизнь Гавриила.

— Надя,— говорил он,— не оставайся одна с малыми детьми, выходи замуж, легче тебе будет...

Дети, дети... Мал-мала меньше. А тут еще соседка умерла — осталось грудное дитё. Где шестеро, там и седьмой. Взяла Надежда маленькую Варю, выкормила своей грудью... Выросла Варя в семье Заглады, вышла замуж и сейчас работает в звене названной матери. Но это все позже, позже... А тогда осталась одна с ними, семерыми. Конечно, любой бы взял в дом такую работницу, но дети... Начнутся упреки, оскорбления. Не в ее характере терпеть унижения. Так и жила. Одна...

1929 год. В селе заговорили о

колхозе. Его зачинателями были Терентий Трамко и Петро Миколайчук. И еще учитель Буката. Хороший человек, это посаженный им сад шумит и посегодня. Буката посеял семена ленинской правды в души односельчан. Поверили люди ему, пошла за ним и Надежда Заглада.

Была она сначала членом правления, работала и воспитательницей в интернате. Потом стала звеньевой. В звене одни старухи. Ее матери семьдесят семь лет, тетке Марье восемьдесят три года, двум соседкам за шестьдесят, и только жене брата под сорок. Трудно было, но Надежда не унывала.

Вскоре ее приняли в партию. Но вот началась чистка 1933 года. Неумные люди проводили чистку в Высоком, неумные и безразличные к судьбе партии, ее сынов и дочерей. «Что читаете?» — спросил Загладу один из комиссии.

— Что я могу читать? Я только ликбез окончила.

Ее исключили из партии за малограмотность. «И чего им надо?—недоумевала женщина.—Работаю, как могу, иконы повыбрасывала...» Это было настоящее горе. Надежда Григорьевна знала, чувствовала, что ее исключили неправильно, она верила, что правда возьмет свое. Быть может, поэтому рук не опускала.

Позже ее вернули в партию. Это были годы ударных рекордов, годы пятисотниц. Взялась тогда за свеклу и Заглада. Обязалась собрать пятьсот центнеров с гектара, а собрала больше. Радовалась.

— Но это же не та свекла! Демченко вырастила сахарную, а у вас кормовая,— развел руками агроном.

— Берись, Надежда, за лен,— посоветовал председатель колхоза.

И Заглада стала выращивать лен. Более девятнадцати центнеров волокна и восемнадцать с половиной центнеров семян с гектара — таков был первый результат. Это в десять раз больше, чем собирали тогда в колхозе. На сердце отлегло: смогла! А когда за этот урожай правительство наградило звеньевую орденом Трудового Красного Знамени, стало совсем весело на душе. Звено Заглады решило собрать в 1939 году 25 центнеров волокна с гектара, а собрало по 33 центнера!

— Все говорили: мировой рекорд, мировой рекорд, а что это такое, я и понятия не имела,— вспоминает Надежда Григорьевна.— Тут мне сообщили, что за границей никто не верит в такой урожай. Я сказала: дам больше!

Но в 1940 году чуть не сорвалось дело. Лето выдалось засушливое. Вернулась Надежда Григорьевна из Москвы, с выставки, а лен маленький, неказистый.

— Ох, и наплакалась я тогда. Набросилась на подруг: почему не поливали?

— Агрономы не советуют поливать,—отвечали подружки,—жара сильная...

Полила как-то Надежда Григорьевна свой ленок ночью. И ожили посевы! С того дня участок стали поливать под утро — пожарную машину выкатили в поле. А когда этот лен убрали, взяли да посеяли второй раз. И опыт удался! В тот год два урожая дали— более 40 центнеров волокна с гектара. Это была совершенно новая страница в науке и практике льноводства.

...Страшным было лето сорок первого. В селе знали: не пощадят Надежду Григорьевну фашисты. Колхоз дал подводу. Положила она на воз свою тяжело больную Марийку — и на восток... Пятьдесят восемь суток труднейших скитаний. Бомбежки, обстрелы с воздуха. Бывало, по десять раз на день настигали коршуны. Одна Надежда Григорьевна не могла отойти от телеги ни на шаг: не оставишь же под огнем больную девочку. И лежали они как живая мишень для стервятников, мать и дочь. Потом пали лошади, пришлось запрягаться самим...

За Волгой пересели в поезд — и в Узбекистан.

В колхозе имени Чкалова, Андижанской области, и сегодня, наверное, вспоминают энергичную худощавую украиночку. На новой земле пришлось осваивать хлопок. Не растерялась Надежда Заглада, у нее и хлопок получался. Только с питанием было трудно.

— Давайте ворошиться, искать выход,— подбадривала Заглада земляков и всех других эвакуированных.

Узнал как-то ее адрес академик Трофим Денисович Лысенко, прислал книжечку о выращивании овощей. За книжечку и совет Заглада поблагодарила, но попросила семян. И семена прибыли из Ташкента. Колхоз отвел под овощи междурядья молодого сада. Осенью варили настоящий борщ!..

Вернулись на Житомирщину в сорок четвертом. От односельчан узнала, как настойчиво немцы разыскивали «ту, что рекорды по льну ставила...».

Мужиков в Высоком почти никого — кто погиб, кто воевал. Пришлось Надежде Григорьевне возглавить колхоз. Позже, когда вернулись фронтовики, попросилась опять в звено.

Когда в 1947 году передовики сельского хозяйства Украины собрались в Киеве на совещание, Надежду Загладу выбрали в президиум. Здесь познакомилась с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

— Золотые у вас руки, Надежда Григорьевна,— сказал тогда Никита Сергеевич и посоветовал:— Вы попробуйте-ка посеять кукурузу, она и в Полесье должна дать хороший урожай.

— И кукуруза будет, Никита Сергеевич. Будет! Только у нас семян нет.

Через несколько дней в Высокое на имя Заглады прибыли две посылки с семенами кукурузы.

— Ну, ну, посмотрим,— нашлись скептики,— занималась бы лучше льном, кукуруза никогда на наших землях не родила...

И действительно, первые всходы недружные были. Тревога охватила сердце. Собрала звено, поговорила по-своему. Решили, что рано сдаваться. Посоветовались с агрономом. Звеньевая, а за ней Ольга Нониk, Любовь Дикая, Мария Редька—вся ланка (звено по-русски) любовно обрабатывала каждый стебелек, присыпала свежей, влажной землей удобрения. Через несколько недель кукуруза зашумела, словно молоденький лесок. На участок повалило чуть ли не все село.

— Не иначе, как приворожила Надежда урожай!

Механизации тогда еще никакой не было, и Заглада «ворожила» вручную. А осенью собрала не по 20 центнеров зерна кукурузы, как обещала, а по 39! Еще через год — 60 центнеров, через два — 70, потом и 90 центнеров с гектара!

Вся трудовая знать Украины помнит горячие слова полесской ланковой:

— Я счастлива, что прошла весь путь строительства социализма и дожила до того времени, когда наша страна строит уже коммунизм. Меня иногда спрашивают: сколько вам лет? Говорю — шестьдесят семь. Да вам,— советуют,— и на пенсию пора бы. А я отвечаю, что стыжусь... Коммунизм же, товарищи, сам не придет. Нужно засучить рукава и хорошо поработать!..

Герой Социалистического Труда Надежда Заглада вместе со своими ближайшими помощницами — юной Надей Хабчук, Варей Камареус, своей приемной дочерью, и Любой Дикой, со всем звеном своим взялась еще и за свеклу, только на этот раз за сахарную. Но мало самой сеять, надо и другим доказать. Вырвала недавно один корень, повезла в соседнее село Краевщину. Там не поверили, а на следующий день в Высокое приехала целая делегация.

— Где та оранжерея, в которой Заглада буряк выращивает?

Им показали участок в поле. Гости извинились и начали расспрашивать об агротехнике.

— Это—другое дело,— ответила Надежда Григорьевна,— пожалуйста, слушайте и на ус мотайте...

Сколько добрых слов, советов посеяла Надежда Заглада в своем Высоком, в Черняховском районе, в Житомирской области, по всей Украине! И не только как звеньевая, а и как депутат Верховного Совета республики, делегат XXII съезда партии, просто как старший человек и друг. Сейчас по ее почину в стране идет большой разговор о трудовой чести. Это уже не агротехника, а значительно большее — это человековедение, забота о духовном мире строителя коммунизма. Меркой Заглады начинают мерять свои дела и мысли не только хлеборобы!

Своевременно, мудро и просто ставит вопрос труженица полей: без труда, без совести ныне не проживешь, не возьмешь тех рубежей, что намечены в Программе КПСС. Все надо делать с душой. Пусть каждая пчела несет свою каплю нектара в общий улей.

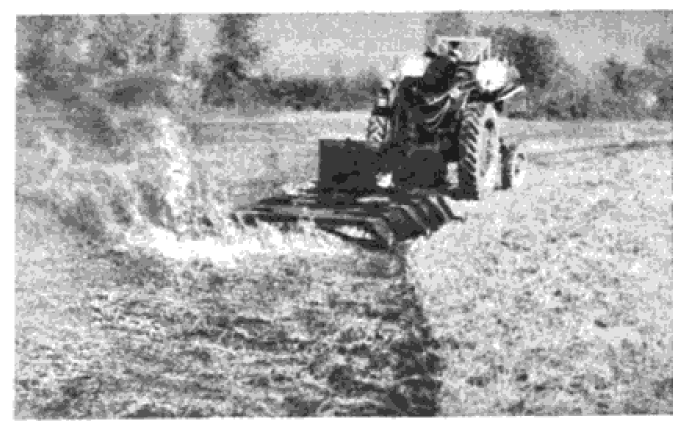
Идут и идут к ней письма — сотнями, тысячами.

— Приятно, когда тебя люди понимают и поддерживают,— говорит Надежда Григорьевна.

Люди и земля — вот главный вопрос, который больше всего волнует Загладу. Она берет его очень широко, включая сюда не только отношение человека к земле, но и отношения людей между собой. Человек и общество, честь и совесть нашего современника — вот о чем болит душа крестьянки. Не терпит Надежда Григорьевна пустой земли, не терпит пустых людей.

Все у нее есть, могла бы жить припеваючи, отдыхать, радуясь на внучат. Но, как сама говорит, время не то. Вот и не знает покоя!..

ПОВИЛИКУ ВЫЖИГАЮТ ОГНЕМ



Работает огневой культиватор.

Повилика, или кускута,— сорняк, опасный и коварный враг многих растений. Жертвами повилики становятся главнейшие технические культуры — свекла и хлопок, лубяные травы, некоторые овощи. Много вреда может причинить сорняк и виноградникам.

Особенно широко распространилась повилика в республиках Средней Азии и на юге Казахстана.

После многочисленных исследований как в нашей стране, так и за рубежом ученые пришли к выводу, что наиболее эффективное и экономичное средство борьбы с повиликой — обработка полей с помощью особых огнеметных орудий и приспособлений — огневых культиваторов.

Огневой культиватор — это платформа, самоходная или буксируемая трактором. Внутри платформы непрерывно горит распыленное дизельное топливо или сжиженный горючий газ. При огневой культивации растения, зараженные повиликой, после снятия урожая полностью выжигаются. Одновременно гибнут и семена сорняков.

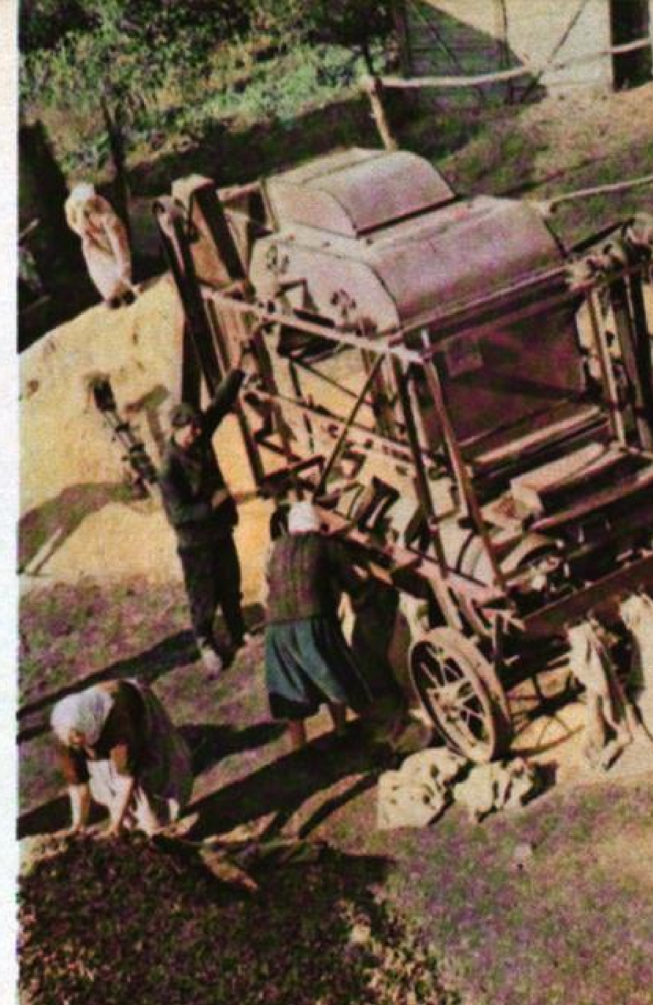
По полям, ровным, как гладь водоема, по холмам, по откосам дорог и берегам арыков идет, выжигая повилику, культиватор, который сконструирован инженерами и техниками Фрунзенского завода сельскохозяйственного машиностроения.

А. ЧЕРНОВ

Председатель колхоза имени 1 Мая Владимир Михайлович Хабчук и Надежда Григорьевна Заглада осматривают кукурузу, выращенную на ее делянке.

Богатый урожай хмеля собран в колхозе.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.



Очистка семян для посева.

Внучки Надежды Григорьевны Наташа и Шура помогают разбирать обширную корреспонденцию, которую она получает со всех концов страны.

Надежда Григорьевна Заглада беседует с членами своего звена.

САМУИЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ МАРШАКУ— 75 ЛЕТ

Если бы мне предложили назвать имя выдающегося советского писателя, органически сочетающего в себе качества высокоэрудированного литератора и опытного педагога, мастера поэзии и острого публициста-газетчика, серьезного литературоведа и озорного автора кукольного театра, то я, не задумываясь, произнес бы имя Самуила Яковлевича Маршака.

Нет нужды перечислять все те вехи, которыми отмечен многолетний творческий путь этого замечательного реформатора отечественной литературы для детей. Миллионы юных сердец не одного поколения советской детворы были покорены волшебством слова маршаковских стихов и сказок. Да что говорить! Поэт, драматург, сатирик, переводчик, критик — неутомимый Маршак живет среди нас, не переставая удивлять современников многообразием своих творческих поисков и новых открытий почти во всех жанрах современной литературы.

Подлинный талант всегда щедр. Делясь с другими, он никогда не теряет, а только приобретает. Сила таланта Маршака прежде всего в его жизнеутверждающем оптимизме и его драгоценном свойстве — аккумулируя это качество, входить в контакт со всем творчески ярким и талантливым, заряжая других и самозаряжаясь.

Серость и трафарет, бездарность и пошлость не оставляют Маршака равнодушным. Он обрушивается на них со всей непримиримостью взыскательного художника, считающего дело всей литературы своим личным делом.

Семьдесят пять лет для человека — возраст почтенный. Но это еще далеко не старость для того, кто полон действенной душевной энергии и любви ко всему новому.

Таков Самуил Маршак. Таким мы знаем его. Всем этим он нам дорог. За это мы ему благодарны.

Сергей МИХАЛКОВ

Фото Ю. Кривоносова.

Карл Шаброд с семьей.

Земельный суд Дюссельдорфа приговорил коммуниста Карла Шаброда за «угрозу государству», «нарушение запрета КПГ», «руководство антиконституционной организацией» к двум годам тюрьмы.

Мужественный патриот уже не в первый раз оказывается узником немецкой реакции.

О жизненном пути и отважной борьбе этого человека рассказывает очерк немецкого журналиста

Герхарда Дезомбра

Верность, мужество

Судьи четвертой Уголовной палаты Дюссельдорфского суда сидели в своих креслах в напряженных солдатских позах, с застывшими лицами. Их каменная неподвижность должна была изображать «величие» западногерманской Фемиды. Стаж некоторых из судей восходил к гитлеровским временам, и уже тогда они специализировались на расправах с коммунистами и другими передовыми людьми Германии.

Так было и в летний день 1958 года, когда был вынесен приговор коммунисту Карлу Шаброду. Его вина? Он воспользовался правом, предоставляемым боннской конституцией, и выдвинул свою кандидатуру на выборах в парламент земли Северный Рейн — Вестфалия.

— Господа судьи! — говорил Карл Шаброд.— Когда меня арестовали, я познакомился с господином прокурором Штинсгофом. В кабинете прокурора стояли друг против друга два мира. Господин Штинсгоф олицетворял собой авторитет государства, а я отстаивал как гражданин свои избирательные права, полагая, что они являются частью всякого демократического порядка. Но под демократией господин прокурор понимал одно: право государственной власти поступать по ее усмотрению; что же до суверенных прав народа, то об этом государственная власть не желает много размышлять...

Шаброд родился в первый год нашего столетия в маленьком немецком городке Перлеберге. Отец его, столяр, обучил тому же ремеслу и сына. Так юноша Карл Шаброд стал столяром-мебельщиком и строителем. В возрасте девятнадцати лет Карл в рядах социалистической молодежи и социал-демократической партии.

Молодого рабочего потрясла и возмутила измена социал-демократических правых лидеров — он сердцем пролетария почувствовал, что предатели роют могилу всему немецкому рабочему классу. И в 1924 году он пошел к коммунистам. В их рядах он завоевал признание как один из боевых работников партии. Имя его стало известно и заклятым врагам трудящихся: молодой рабочий-коммунист оказался талантливым и деятельным журналистом; несколько лет он редактировал газеты «Бергише фольксштимме» в Ремшейде и «Фрейхейт» в Дюссельдорфе, неся трудящимся набатное слово, зовущее на борьбу против коричневой чумы.

Карл Шаброд был из первых, кого гестапо бросило в только что созданные концентрационные лагеря. В 1934 году фашистский прокурор потребовал для него смертной казни. Гитлеровский суд «облегчил» его участь, заменив смертный приговор пожизненным заключением. Тридцать шесть дней и ночей подряд фашистские палачи избивали и мучили рабочего-коммуниста, чтобы выжать из него «признание». Все было напрасно.

О том, как ему пришлось свести знакомство с нацистским «правосудием», он поведал на суде в Дюссельдорфе:

— Из двенадцати лет, которые я провел в заключении в период фашистской власти, шесть с половиной лет я просидел в одиночной камере. Я сумел все это вытерпеть и силы находил в том, что был всегда уверен: тирания не может быть вечной, она развалится и погибнет в огне развязанной ею грабительской войны. Гитлеровская диктатура может быть и будет уничтожена, ей на смену придет свободная, демократическая Германия.

Сразу же после того, как в 1945 году Карл Шаброд вышел на волю из ворот тюрьмы, его мысли, все силы его души были отданы осуществлению этой великой цели. Он горячо включился в борьбу за возрождение родины как свободолюбивого, демократического государства. Шли годы. Он был депутатом ландтага земли Северный Рейн — Вестфалия, председателем коммунистической фракции ландтага, членом городского самоуправления Дюссельдорфа. Его устами коммунистическая фракция ландтага вносила один за другим проекты законов, улучшающих положение народных масс, и некоторые из них удалось провести, несмотря на упорное сопротивление реакции.

Январь 1950 года... Карл Шаброд поднимается на трибуну ландтага, чтобы решительно протестовать против назначения высоких пенсий фашистским генералам и старшим офицерам.

— Я должен заявить,— сказал он,— что имею серьезные политические возражения против повышения на 75 процентов размера пенсий генералам и офицерам. Ибо это в значительной мере содействовало бы возрождению милитаристской касты и созданию для нее преимущественного положения.

Сегодня весь мир знает, что офицерский корпус бундесвера — это в большинстве своем генералы и офицеры гитлеровского вермахта. Все сто сорок генералов и адмиралов занимали при Гитлере высокие военные посты. Слова Шаброда, произнесенные почти тринадцать лет тому назад, получили полнейшее подтверждение...

1956 год... Коммунистическая партия Германии вне закона. Для Карла Шаброда, как и для его товарищей, началась новая полоса травли и преследований. После запрещения КПГ он снова взялся за пилу и рубанок, снова стал рядовым рабочим. Но уже через два года Шаброд выпускает в Дюссельдорфе журнал «Свободное мнение». Реакция отвечает на это полицейским террором. В конце 1960 года по распоряжению министерства внутренних дел издание было прекращено.

Наступил срок всеобщих выборов в бундестаг ФРГ. В избирательном округе Дюссельдорф — Меттманн кандидатура Карла Шаброда была выставлена против кандидата ХДС Герхарда Шредера, который тогда был министром внутренних дел и приказал арестовать своего соперника на выборах.

Перед нами письмо Карла Шаброда к жене из тюремного заключения. Оно датировано 22 августа 1961 года.

«Сегодня — месяц после моего ареста. Еще один месяц вычеркнут из жизни, еще один месяц — за тюремной решеткой. Попробуем подсчитать:

Февраль 1933 — апрель 1934: 13 месяцев 2 дня тюрьмы. Июль 1934 — май 1945: 129 месяцев 16 дней предварительного и тюремного заключения. Сентябрь 1958 — октябрь 1958: 1 месяц 2 дня в заключении под следствием. Июль 1961 — август 1961: 1 месяц 1 день — пока под следствием.

Каков же общий итог? 144 месяца 21 день. Иначе говоря, около 12 лет — пятая часть всей моей жизни. Столько времени прежние и теперешние власти не могли себе позволить оставить меня на свободе!

Сейчас моя тюремная камера снова стала для меня классной комнатой. Я снова обучаюсь той истине, что общественный строй, который в последнее полустолетие дважды ввергал нас в военную катастрофу и один раз навязал нам кровавую бесчеловечную диктатуру,— это больной, обреченный строй, не заслуживающий оправдания».

Западногерманской юстиции пришлось тогда выпустить Карла Шаброда из тюрьмы. Но он недолго пробыл на свободе. В июле 1962 года Шаброда вновь бросили за решетку. 19 октября мужественному борцу-антифашисту исполнилось 62 года. В четырнадцатый раз он встретил день рождения в тюремной камере...

Если сегодня в Дюссельдорфе спросить рабочего: «Кто такие коммунисты?» — он ответит:

— Это такие люди, как наш Карл Шаброд.

Я слушаю

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

1

Ветер приносил музыку. Это духовой оркестр играл в городском саду на танцевальной площадке.

Музыка летела над вечерней землей — над садами и крышами домов, над голубятнями и сараями. Ее приносил теплый ветер фён, который к вечеру дул с гор.

Минька, Ватя и Аксюша сидят у ворот, слушая музыку. Иногда в нее врывается скрип трамвайных колес, паровозные гудки или шум грузовика где-нибудь на дороге.

Мягко и глухо трубят в звездной тишине баритоны и валторны — играют вальс. А потом ударят медные тарелки, загремит барабан — это мазурка. А потом ветер принесет кларнеты, и флейты, и какие-то особенно звонкие колокольчики — это уже краковяк.

Первым уходил домой Ватя. Ему надоедало сидеть молча в темноте и слушать.

Собирался вслед за Ватей и Минька, говорил Аксюше:

— Ну, я пошел.

— Иди,— говорила Аксюша.

— Ну, а ты?

— Иди, Минька, иди,— повторяла она нетерпеливо.

Минька прислонялся к воротам и оставался на месте.

Ворота к ночи делались влажными и прохладными. Иногда начинал потрескивать сверчок: он жил где-то в воротах между досками.

Уже многие ушли с улицы, а Аксюша не уходит.

Стоит и Минька.

Над вечерней землей все плывут звуки флейт и кларнетов, трубят валторны и баритоны.

Потрескивает в воротах сверчок.

2

Чаще всего музыка приходила из города в субботу.

Аксюша в такие вечера всегда делалась чужой и для Миньки и для Вати. Сидела и не разговаривала. Думала о чем-то своем, мечтала.

Может быть, ей хотелось танцевать, как танцуют сейчас другие, там, в городском саду? Или просто гулять, как гуляют сейчас другие, там, по дорожкам городского сада?

Ведь многие старшие уходят вечером из слободы.

Когда собираются уходить, в каждом дворе суматоха: бегают, занимают друг у друга сапожный крем, запонки, модные галстуки. Девушки накручивают волосы на бумажки, греют утюги, меняются шарфами, лентами, примеряют платья друг дружки, туфли.

Встречаются все на трамвайной остановке. И вся улица видит, кто с кем поедет в город и кто во что оделся.

Родные говорят, что дети уже совсем взрослые, самостоятельные, повырастали прямо на глазах.

Говорят такое, а сами ждут их допоздна. Сидят у ворот и калиток в темноте и смотрят на трамваи, которые долго не привозят из города повырраставших детей.

Однажды по двору начала бегать и Аксюша — стирала свое белое платье, потом крахмалила его, потом сушила, потом грела для него утюг.

Минька несколько раз останавливал Аксюшу, о чем-то спрашивал. Она отвечала на ходу: ей было не до Миньки.

Тогда Минька пошел домой и спрятал спички. Начал ждать, когда бабушка спохватится и пошлет его за спичками к соседям.

Бабушка спохватилась. Минька отправился к Аксюше.

Дверь открыла она сама. На ней был халатик и старые большие шлепанцы. На голове — две бумажки узелками, чтобы получились локоны.

Аксюша растерялась, когда увидела на пороге Миньку. Сердито спросила:

— Ну, чего тебе?

— Спичек. Кончились у нас спички.

— Все это ты, конечно, выдумал.

— Нет. Не выдумал. Спроси у бабушки.

— Некогда мне спрашивать.

Аксюша пошла в кухню за коробком. Минька пошел за ней.

В комнате на кровати он увидел Аксюшино белое платье. Оно было так накрахмалено, что напоминало зонтик от солнца.

— Вот.— И Аксюша сунула Миньке в руку коробок со спичками. Потом помолчала и совсем дружески, как они разговаривали всегда, сказала: — Хочешь, оденусь? Поглядишь, что получится!

Минька кивнул.

— Тогда подожди здесь.

Минька остался в кухне. Он понимал, что Аксюша пойдет сегодня в городской сад со старшими девочками. Ей, очевидно, разрешили.

Аксюша крикнула из-за двери:

— Входи!

Минька вошел.

Аксюша стояла в накрахмаленном платье и в новых туфлях. Под рукав платья был спрятан кружевной платочек, торчал только его уголок.

Бумажки с головы исчезли, а вместо них на лоб спускались две висюльки, как стручки акации.

— Мне не нравится,— сказал Минька.

— Что тебе не нравится?

— Вот это.— И он показал на висюльки.

— Ничего ты не понимаешь. Это локоны.

— Все равно не нравится.

— Ну, и... ну, и...— На глазах у Аксюши появились слезы.— Не нравится — и катись!

Аксюша сердито захлопнула дверь.

Минька уныло побрел домой, где бабушка ждала спички.

Вечером к трамвайной остановке пошли старшие девочки и с ними Аксюша. Висюлек на лбу не было.

Она шла мимо всех немного торжественная в своем накрахмаленном, как зонт, платье, в новых узеньких туфлях и с кружевным платочком, уголок которого торчал из-под рукава.

Она шла в городской сад слушать музыку.

Минька и Ватя остались у ворот.

Пришел на остановку трамвай и увез Аксюшу.

Вскоре в городском саду заиграла музыка. Она полетела над вечерней землей — над садами и крышами домов, над голубятнями и сараями.

Ее принес теплый ветер фён, который к вечеру подул с гор.

Иногда музыка прерывалась — это значило, что музыканты отдыхают,— и начиналась снова.

Минька знал: где-то рядом с оркестром стоит Аксюша, слушает.

Минька стоял здесь, в слободе, у прохладных, влажных ворот. Потрескивал в воротах сверчок.

Из города прибывали трамваи. На одном из них вернется и Аксюша.

ДЕТСТВО

Михаил КОРШУНОВ

Рассказы

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

НЕБО ДО САМЫХ КРАЕВ

Вечером вышли в степь Минька, Ватя, Таська Рудых, Санька Казанцева и Лешка Мусаев. Надели теплые куртки, потому что пробыть в степи надо будет долго. И не просто пробыть, а лечь на землю и считать звезды.

Лягут они голова к голове, ладони согнут уголком и приставят к глазам. Каждый будет считать звезды, которые в его ладонях. А потом цифры сложат — и получится общее число звезд. Сколько же их над слободой, больших и ярких?

Одному, конечно, сосчитать невозможно, а впятером они сосчитают.

Ребята идут на широкое, открытое место, чтобы не загораживали небо дома или деревья. Небо нужно сейчас им все, до самых краев, до которых раскатились звезды.

Где-то высоко летает ночной ветер, а здесь, на земле, тихо и спокойно. Ветер иногда колышет звезды, и они, стукаясь друг о друга, высекают искры, словно кремни. Эти искры, то вспыхивая, то затухая, падают на землю. А на небе от них остается след. Он медленно исчезает, рассыпаясь в красноватый пепел.

Изгибается под ногами тропинка. Темная и мягкая, она заглушает шаги. И кажется, ребята не идут, а крадутся к звездам.

Наконец место выбрано — открытое и широкое. Ребята ложатся голова к голове.

Остро и пряно пахнет земля. В ней поселилась ночь. Она караулит Венерины башмачки. Башмачки спрятаны в траве, как два белых цветка; затаились, налитые темнотой.

Хлопают крыльями ночные птицы. Долго не умолкая, стучит где-то колесами поезд. Слышно даже, как проходит стрелки. Слышно, как трубят рожки стрелочников, провожают поезд.

Минька, Ватя, Таська Рудых, Санька Казанцева и Лешка Мусаев лежат в степи, шевелят губами, считают звезды, которые у каждого в ладонях, чтобы узнать, сколько же их, больших и ярких, раскатывается над слободой.

ОКОП

Миньке исполнилось пятнадцать лет, когда он выкопал первый окоп.

Это была щель, в которую следовало прятаться во время налета на город самолетов.

— Щель должна быть при каждом доме! — так приказал дежурный ПВО.

Борис ушел в армию, дедушка болен, поэтому копает Минька один.

Сверху земля сухая и ложится на лопату пыльной горкой. Чем земля глубже, тем она прохладнее и уже берется кирпичиками. В этих кирпичиках — быстрые и ловкие сороконожки, гнилые стебли трав и цветов.

Скоблят, царапают лопату мелкие камни. Все глубже и глубже вталкивает ее Минька в бывший огород. Начинают попадаться корни, и он их рубит краем лопаты, как топором.

Может быть, это корни береста, который растет посредине двора? Берест — единственное большое дерево во дворе.

Минька знает шершавость его коры, потому что, когда он еще не умел ходить, его сажали в тень под берест, и он гладил его ладонью. И ходить Минька научился возле береста. Он помог ему подняться, встать на ноги, и Минька, держась за ствол, впервые на собственных ногах обошел вокруг береста, как вокруг земной оси, и увидел мир со всех четырех сторон.

Знает Минька запах грозы и дождя, который бывает в весенних листьях береста. И запах старого вина, который бывает в его листьях осенью.

Знает и то, что где-то на ветке спрятана буква «А» — что значит: «Аксюша». Букву вырезал Минька. Давно еще.

Берест растет и уносит теперь букву все дальше от Миньки.

Сейчас краем лопаты Минька отсекал бересту корни, твердые, будто проволочные прутья.

Когда Минька бил по ним краем лопаты, он бил точно самого себя по пальцам. Но что он мог сделать: дежурный ПВО приказал копать щель именно здесь. И он копает.

В Миньке появилось такое, чего не было прежде: суровость к самому себе и всему детскому, что в нем, может быть, еще осталось.

Миньке было жарко, и он поминутно пил из ковша воду.

Прежде, совсем еще недавно, рядом с ведром стоял не этот ковш, треснувший и с обломанной ручкой, а зеленая эмалированная кружка. Бабушка отдала ее Борису, когда он собирал свой дорожный мешок, чтобы идти на призывной пункт.

Минька вырос при этой зеленой эмалированной кружке, а теперь она уехала вместе с Борисом на фронт. Уехало на фронт и что-то от Миньки самого, от его детства.

Пот заливал Миньке глаза, воспалились ладони, горели от напряжения мышцы плеч и спины. Но Минька копал и копал. Уже в этот вечер могут прилететь самолеты. Он понимал, что остался вместо Бориса, и заботился не о себе.

Когда было совсем тяжело, Минька прикладывал ладони к влажной земле, прижимался к ней спиной — и ему делалось легче.

Он стоял и думал, что вот бывает такое в жизни людей, когда они, живые и сильные, должны копать самим себе глубокие ямы. Должны стараться оставить над собой как можно меньше лучшего, что есть на земле,— солнца, неба, ветра, шелеста деревьев, пения птиц, запаха цветов. Потому что, чем меньше этого лучшего, тем лучше выкопана яма.

НА СТАРОМ ВЕЛОСИПЕДЕ «КУЗНЕЧИКЕ»

1

Борис с Минькой часто уходили или уезжали на старом велосипеде «кузнечике». Если уезжали, то Минька садился на раму, а Борис на седло: «кузнечик» отлично выдерживал двоих.

Казалось бы, Борис все вокруг знает: где какой лес, поляна, речка. Где растет шиповник или терн, где кипят холодные пузыристые ключи.

Но он находил все новые удивительные места: новый лес, новую поляну, луг, где раскачивались высокие травы, а в них шумели жуки; где солнце было особенно горячим и пахло мятой, где со дна реки светились белые ступеньки песка; где ветер застревал среди густых деревьев и где не было еще проложено никаких дорог или тропинок.

В каждом таком новом месте Борис строил дом, придумывал его, сочинял. Не для себя — для людей.

Минька, Борис и зеленый «кузнечик» лежали в высокой траве. Дымились над ними облака. Летала паутина, будто старые лохматые нитки. Паутину подхватывали ласточки, куда-то уносили. Иногда подкрадывались коричневые удоды, смотрели, чем они здесь занимаются.

Минька лежал рядом с Борисом и слушал его.

— Вокруг дома обязательно все должно быть красивым,— говорил Борис.— Чтобы росла высокая трава, гудели жуки, стояли над крышей облака. Цвели деревья, бежала речка, звякала о камни. И сам дом обязательно должен быть красивым. Чтобы в нем пахло мятой, вот как здесь, Минька. Чтобы каждая доска была гладко остругана, ровно отпилена. Стены сложены аккуратно, под шнур. Двери и окна были светлыми и легкими: толкнул — и они открылись. Чтобы каждый гвоздь в доме был согрет солнцем.

Борис говорил все так про дом, потому что все это умел делать: пилить и строгать, складывать под шнур стены, навешивать двери и оконные рамы.

Минька слушал и уже видел в руках Бориса рубанок, как он стелется по доске, выбрасывает из-под ножа желтые пружины стружек. Видел пилу, как она рассекает бревно и льются из-под ее зубьев мягкие отруби опилок.

Видел, как Борис строит дом. Не для себя — для людей.

2

Борис не вернулся с войны. Не постучал тихонько в окно того дома, из которого ушел на войну.

Бабушка долго его ждала, не верила, что погиб. Ей все казалось, что Борис вот-вот постучит в окно поздно вечером, как он стучал обычно, чтобы она вышла и открыла калитку.

Но он не стучал, не возвращался.

3

Я сам пройду по всем тем местам, по которым мы с Борисом ходили или ездили на старом велосипеде «кузнечике».

Где раскачиваются высокие травы, а в них шумят жуки; где солнце особенно горячее и пахнет мятой; где со дна реки светятся белые ступеньки песка; где ветер застревает среди густых деревьев; где еще не проложены дороги и тропинки.

Я отыщу все эти места и покажу их людям. Чтобы они пришли с рубанками, молотками и пилами. Чтобы полетели желтые пружины стружек, посыпались мягкие отруби опилок. Чтобы люди построили себе дома, в которых каждый гвоздь согрет солнцем.

ПОД КРЫШЕЙ НИЧЕГО НЕТ

1

Впервые я залез на чердак в детстве. Залез, чтобы изведать неизведанное, таинственное.

Я был уверен — на чердаке что-то спрятано. Надо только как следует поискать в темноте.

Для этого необходим фонарь — и все. Да, и еще необходима осторожность, потому что на чердак лазить не разрешают: «крошатся потолки и растаптываются по квартире».

Я выбрал удобный момент, когда меня никто не видел, и полез на чердак. Лестница гнулась, скрипела. Старая деревянная, побитая дождями, обожженная солнцем — ее словно мучал ревматизм.

Наконец я добрался до чердака, до узкой невысокой дверцы. Повернул колышек, на который она была закрыта, еще раз оглянулся — как будто все в порядке, никто не видит — и влез внутрь.

Я долго бродил с фонарем по чердаку старого маленького дома, искал свое счастье...

2

Мне уже скоро сорок лет. Я давно не живу там, где когда-то жил, где я впервые поднялся на чердак.

Но я опять живу в старом маленьком доме. Он построен из толстых бревен и покрыт шифером.

Вокруг дома лес — березы и сосны.

Каждое утро я взбираюсь на чердак по такой же старой, побитой дождями и обожженной солнцем лестнице.

Я не стремлюсь изведать на чердаке то неизведанное и таинственное, что хотел изведать в детстве. Не стремлюсь найти то свое счастье, которое хотел найти прежде. Нет. Я здесь работаю, пишу рассказы.

Я привожу их отовсюду, где бываю: из Крыма, с Тамани, Урала, Валдая, верховьев Волги.

Привожу в старый дом, сюда, на чердак. Привожу, как свое самое большое счастье, которое отыскиваю в разных местах, среди разных людей.

На чердаке стол и скамейка. Я сам сколотил их из досок. На столе чернильница, стопка чистой бумаги, географические карты, справочники, записные книжки.

Окна на чердаке нет, поэтому я сижу у открытой дверцы. Вижу березы и сосны. Прилетает ветер, раскачивает пустое осиное гнездо возле дымохода. Осы в гнезде не живут, куда-то перебрались. Я хотел гнездо выбросить, но потом оставил. Смотрю и удивляюсь его совершенству.

Если ветер пытается закрыть дверцу, я подпираю ее планкой, которую специально держу под рукой.

Часто по крыше ходят птицы, царапают крышу лапами.

Сквозь щели в досках солнце простреливает чердак из конца в конец длинными полосами. Рано утром эти полосы светло-желтые, почти белые. К вечеру — темно-желтые, почти красные.

Иногда я хожу вдоль чердака, но очень осторожно, чтобы «не крошились потолки и не растаптывались по квартире».

Для этого я проложил доски. Они как тропинки. Вот и хожу по ним осторожно. Пересекаю солнечные полосы — светло-желтые или темно-красные, думаю о своем.

Здесь, на чердаке, думается и мечтается особенно хорошо. Может быть, потому, что впервые поднялся на чердак еще в детстве. Поднялся за своим счастьем. И нашел его. Только не завернутое в тряпку и спрятанное под крышей, а совсем другое, в котором тоже никогда не кончаются тайны и поиски.

3

Со мной в доме живут ребята-соседи — Вова и Максим. Вова моложе, Максим постарше — осенью пойдет в первый класс.

Вову еще зовут Сыроёжка. Это потому, что когда Вова находит какой-нибудь гриб, он кричит:

— Сыроёжку нашел!

Так для всей нашей улицы Вова стал Сыроёжкой.

У Максима и Сыроёжки своя жизнь, свои интересы, заботы и свои слова.

Отсюда с чердака мне очень удобно наблюдать и слушать Максима и Сыроёжку. И почему-то ребята, их разговоры не мешают мне, а даже дополняют то, что я делаю. Они как солнечные полосы в моей работе.

— Узнай, что я держу в руке? — спрашивает Сыроёжка Максима.

— Яблоко,— отвечает Максим.

Я кладу ручку, прислушиваюсь.

— Нет,— говорит Сыроёжка.— Не яблоко.

— Орех?

— Нет.

— Шишка?

— Нет.

— Цветок?

— Нет.

Я тоже начинаю думать: что же такое в руке у Сыроёжки?

— Палка? — продолжает допытываться Максим.

— Нет.

— Мяч?

— Нет.

Максим теряет терпение.

Теряю терпение и я: поднимаюсь из-за стола и выглядываю в дверцу чердака.

Сыроёжка стоит ко мне спиной. Одну руку засунул в карман штанов, а в другой руке, которую спрятал за спину, держит кошку.

Максим не сдается.

— Банка?

— Нет.

— Чашка?

— Нет...

За ребятами присматривает Варвара Петровна, их тетка. Она очень полная, и ей трудно ходить. Поэтому в лавку за хлебом или за сахаром она отправляет Максима.

Максим ходит, но неохотно. Причина в том, что напротив, через улицу, живет пес — маленький, беспредельно вредный и ко всему подозрительный. Он, как частный сыскной агент из какого-нибудь западного детективного романа: все что-то вынюхивает и выслеживает.

Зовут пса Джимом, но вся улица зовет его «Пес в штатском». Не хватает ему только черного котелка и штучных полосатых брюк.

Максим очень его боится. «Пес в штатском» быстро это понял и ни за что теперь не пропускает Максима в лавку или из лавки. Обязательно выследит и наскочит.

Я сидел утром на чердаке. Как всегда, работал. Вдруг слышу сердитый голос Варвары Петровны:

— Максим, где же молоко? Я тебя посылала за молоком.

— Кончилось молоко,— отвечает Максим.

— В лавке, что ли, кончилось?

— В лавке не кончилось, а в бидоне кончилось.

— Ничего не понимаю...

— Ну, было и нет его.

— А где же оно?

И тут выясняется, что Максим отбивался молоком от «Пса в штатском».

Варвара Петровна не может удержаться от смеха. Я тоже смеюсь, но тихонько, чтобы не услышал Максим и не обиделся на меня.

Потом в доме наступает тишина: Сыроёжка и Максим отправляются играть куда-нибудь к березам или соснам.

Если они начнут играть в прятки, то первым водить будет Сыроёжка. Потому что Максим, как наиболее грамотный, скажет считалку и при этом обязательно выйдет, а Сыроёжка останется.

Применяется считалка одна и та же:

Плакса, вакса, гуталин —
на носу горячий блин.

Потом они будут наблюдать за муравьями, которые перестраивают у нас во дворе гнилой пень под свое жилье; прыгать через сухую канаву — кто перепрыгнет, а кто в нее свалится; искать белку, которая сбрасывает с вершины сосны разломанные шишки; учиться свистеть, зажав травинку между ладонями.

Все это время на улице будет торчать «Пес в штатском», как всегда, беспредельно вредный и недоверчивый.

А я, что же... я продолжаю работать, сидеть на чердаке за письменным столом или ходить по доскам-тропинкам и все думать о своем.

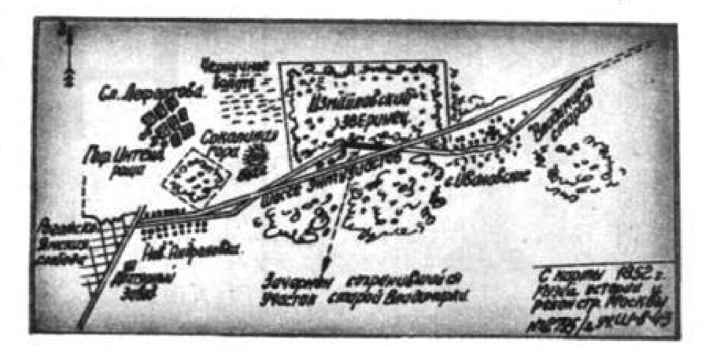
4

Максим и Сыроёжка еще маленькие.

Но когда подрастут, тоже, очевидно, захотят взобраться на чердак, потому что ребят всегда тянут к себе чердаки. Захотят изведать неизведанное, таинственное.

Будут бродить с фонарем, искать свое счастье.

ЦЕПЯМИ ПРОБИТАЯ



Мой приятель инженер Мишин живет в нынешнем Калининском районе Москвы. Он свидетель всех перемен, которые произошли здесь за годы Советской власти.

Однажды мы встретились с ним на площади Ильича у камня, на котором высечено: «1783 года. От Москвы 2 версты».

Утро. Прохожих еще мало. Перед нами убегающая вдаль асфальтированная лента — шоссе Энтузиастов.

Когда-то здесь пролегала печально знаменитая Владимирка. Брели по ней заключенные в ссылку, в Сибирь. Из тюрем Москвы стягивались вот на эту площадь. Каждое воскресенье формировались тут этапы ссыльных.

Ссыльных вели по людным улицам — для устрашения населения и сбора подаяния.

Весь колоссальный путь люди шли пешком. Желтые «тузы» на спинах арестантских армяков, бритые лбы, лица, обезображенные клеймами, по земле волочатся цепи... Потому-то и назвали Владимирку «дорогой, пробитой цепями»...

Мы доехали на трамвае до остановки «Измайлово».

— Теперь куда? — спросил я.

— В лес пойдем. Там покажу кое-что особенно интересное.

Вот четыре заросшие травой неглубокие канавы.

— Это кюветы старой Владимирки,— говорит мой спутник.— Здесь шло ее главное полотно.

Потом я беседовал со многими старожилами этого района. И они рассказали мне любопытную историю. Помещик Баулин, дом которого стоял неподалеку, запретил проводить дорогу мимо своей усадьбы, по улице принадлежавшей ему деревни Владимирки. Власти уважили каприз помещика и провели дорогу левее...

После реформы 1861 года, когда земли, о которых идет речь, стали общинными, дорога пошла вдоль деревни Владимирки, там, где теперь пролегает шоссе Энтузиастов.

Неужели в черте современной Москвы, совсем рядом с многоэтажными жилыми домами уцелела старая Владимирка?

Чтобы удостовериться, я обратился к фондам Музея истории и реконструкции Москвы. Да, совершенно точно: перед нами была старая Владимирка.

В годы гражданской войны часть полотна дороги распахали под огород, потом Алешинский совхоз засадил его черной смородиной. Затем кусты выкопали и стали сажать тут картошку.

Не здесь ли и наблюдал пролетарский поэт Демьян Бедный, как распахивали Владимирку?

«Туго врезалась в твердую землю соха. «Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха». «Да, крепка. Утоптали. Была ведь дорога. Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней в старину... Кто узнал бы тебя нынче в виде таком, Роковая путина, «Владимирка старая»?!»

Владимирка — своеобразный памятник не одному поколению русских революционеров. Стоит поставить на бывшей Владимирке гранитный столб. И пусть каждый москвич, проходя тут, добрым словом помянет:

«Всех, кто в оные, злые, проклятые годы ради нас проходил этот жертвенный путь!»

И. СМИРНОВ

ЛИСТОВКА ФРАНЦА ХИЛЬПЕРТА

Kameraden
der 1. Kompanie
des 20. Kradschützen-Batl

den 12. April 1943.

Приводя в порядок свои фронтовые блокноты, я нашел в старой полевой сумке какую-то скомканную бумажку, исписанную карандашом. Язык немецкий. Черновик листовки, составленной перебежчиком Францем Хильпертом.

...Весна 1943 года. Как-то на рассвете прибежал посыльный из штаба, разбудил меня и сказал, что есть перебежчик, да еще с пулеметом. Это был обер-ефрейтор Франц Хильперт. Он рассказал мне:

— До прихода нацистов к власти я входил в коммунистическую молодежную организацию. Нацисты разгромили ее. Когда меня призвали в армию, я задался целью: будь что будет, а перейду к русским. По специальности я слесарь, поэтому меня определили в ремонтную роту при танковой дивизии. Оттуда бежать было нельзя. После разгрома под Сталинградом нас, молодых, здоровых, начали отправлять на передовую.

Вот таким образом вчера вечером я и очутился здесь на посту, с ручным пулеметом. Выбрав удобный момент, когда мой напарник отлучился, я взвалил пулемет на плечи и скрылся.

Франц сказал, что в Берлине у него остались родные.

— Что теперь с ними будет? Как бы известить их, что я в плену, жив и здоров.

— Это можно,— сказал я.— Напишите письмо, а мы забросим его на ту сторону в виде листовки.

Франц вырвал листок из своего блокнота и стал писать. Он слишком волновался, и текст вышел неуклюжий, длинный, путаный. Пришлось ему переписывать. А черновик я скомкал и машинально сунул в свою полевую сумку. Наконец Франц протянул мне листовку.

«Сослуживцы первой роты двадцатого моторизованного батальона! Я нахожусь в русском плену и могу сообщить вам, что со мной ничего такого не случилось, как об этом все время говорили наши офицеры. Русские со мной хорошо обращаются... А вы, друзья, как думаете? Кончайте с войной, пока не поздно, сдавайтесь в плен! Это единственный для вас выход. Спасайте свою жизнь! Ради чего вы должны умирать? Война проиграна. Сообщите моей матери Лине Хильперт в Берлин-Панков, Туленштрассе, 17, что я нахожусь в плену и после войны мы снова увидимся. Приветствую вас. Обер-ефрейтор Франц Хильперт».

К листовке Франц посоветовал приложить его фотографию.

С тех пор я ничего не слышал о Франце. И вот теперь скомканная бумажка напомнила мне о нем. Как же сложилась его судьба? Я попросил своих берлинских друзей разыскать Хильперта. Они пообещали, но предупредили, что это будет очень трудно, ибо в Берлине Хильпертов столько же, сколько в Москве Петровых. И все же полгода спустя мне прислали адрес Франца, а затем я получил от него письмо.

«Дорогой советский друг,— писал Франц.— С большой радостью узнал я, что ты меня разыскиваешь. Прости, что я обращаюсь к тебе на «ты». У нас, членов СЕПГ, так принято. А мы оба — коммунисты...»

В одном из следующих писем Франц поведал мне дальнейшую историю его листовки. Бывшие сослуживцы Хильперта, найдя ее, тайком от офицеров отправили почтой в Берлин. Можно себе представить, сколько экземпляров отослали солдаты, если, несмотря на жестокую цензуру, три листовки все же достигли адреса.

Вернувшись в 1946 году домой, Франц не застал в живых матери. Нацисты не пощадили ее: много раз вызывали в гестапо, подвергали длительным допросам, угрожали, запугивали. Не выдержав издевательства, она умерла.

Сестра Франца сохранила один экземпляр листовки. Мой друг Франц Хильперт прислал мне эту листовку.

М. ОЗЕРОВ

Над гранитной скалой

В 1888 году, когда Николаю Михайловичу Пржевальскому было под пятьдесят, он отправился в экспедицию с твердым намерением на этот раз достигнуть Лхасы.

Болезнь застала Николая Михайловича в окрестностях Каракола, ныне Пржевальска. На охоте, в жаркий день, он выпил воды из реки и заболел тифом. Болезнь протекала тяжело. Чувствуя приближение смерти, Николай Михайлович завещал: «...Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на берегу, но чтобы не размыло водой. Надпись просто: путешественник Пржевальский. Положить в гроб в моей экспедиционной одежде...»

20 октября (1 ноября) 1888 года Пржевальский скончался. В 1889 году здесь был сооружен памятник, который и поныне стоит на высоком берегу Иссык-Куля, рядом с могилой Пржевальского.

Над гранитной скалой распростер крылья бронзовый орел. В клюве он несет оливковую ветвь. Под ним — карта Азии с маршрутами путешествий Пржевальского.

Н. СУШКИНА

НЕДЕЛЯ ФОТОИСКУССТВА

В Таллине закончилась неделя фотоискусства. В гостях у таллинских фотолюбителей побывали представители фотоклубов Москвы, Ленинграда, Волгограда, Брянска, Таганрога, Пушкина, Монина. На встречу с эстонскими фотолюбителями приехали мастера. Они выступили на заводах и в школах Таллина, в фотоклубах Тарту, Пайде, Кохтла-Ярве и Нарвы. Обсуждались работы 90 эстонских фотолюбителей.

На выставке таллинского фотоклуба.
Фото С. Розенфельда.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рассказ

Ночью зазвонил телефон. Анна Петровна проснулась, но продолжала лежать. Два, три, восемь раз... Наконец, тишина. Ночью им никто не может звонить, это ошибка. Если бы Виктора не было дома, она кинулась бы к телефону, как каждая мать, которая волнуется, когда ребенка нет дома. Все равно, сколько лет ребенку — двенадцать или сорок. Вите двадцать пять, и он спит у себя в комнате.

Он вернулся из кино с последнего сеанса. Сказал:

— Мамся, я голодный, как бобик.

Он всегда называет ее «мамся», когда в хорошем настроении. Уплетал холодные котлеты, хлеб, сыр—все, что было на столе. Она радовалась, что у него хорошее настроение и такой аппетит. А он рассказывал:

— Уговорились пойти вчетвером: Петька с женой, Светлана и я. Ты понимаешь, мамся, все эти женатые и замужние ужасно любят сватать. Они прямо видеть не могут, когда человек ходит на свободе.

— На свободе? — Анна Петровна смеется.— Как будто женатые — арестанты. По-моему, Петя и Галя живут прекрасно.

— Как сказать. Иногда прекрасно, а иногда рычат друг на дружку так, что противно смотреть. Сватают мне Светку со страшной силой. Пока не сватали, я к ней относился нормально, ходили вместе в кино, в бассейн, на лыжах. А теперь у меня такое чувство, будто я медведь, а кругом охотники, которые хотят меня изловить живьем.

— Глупый медведь, ешь и иди спать.— Анна Петровна дает ему яблоко и шоколадку, как маленькому.

Он жует и наспех досказывает:

— Светлана мне позвонила и предложила: «Пойдем вдвоем». Я говорю: «Нет, мы договорились все вместе». Она: «Ах, так!» — и бросила трубку. В общем, мы были с Петей и Галей. Светка, оказывается, сказала Гале, что ее в последний момент пригласил куда-то какой-то знакомый. Собственно, не какой-то, а тренер есть один, Мошкин. Сам он тоже женатый, а к нему приехал друг из Тбилиси. И они позвали Светлану. Так она сказала Галке и велела передать мне. Ты бы видела, мамся, как Петр и Галка многозначительно мне толковали, что я прозеваю такую девушку! Что у меня ее уведут из-под носа. Подумаешь! А я чувствовал себя совершенно счастливым, как... как медведь, которому на этот раз удалось уйти от охотников. Светлана дуреха. Спокойной ночи, мамся.

...Снова телефонный звонок. Это несносно. В конце концов разбудят Витю. Анна Петровна встает и идет к телефону.

— Слушаю.

В трубке раздается слабый, несчастный голос:

— Анночка, это вы? Ради бога, простите, что я вас разбудила. Вы спали, да?

Очень странный вопрос! Звонить среди ночи и осведомляться, спит человек или нет. Но, значит, что-то случилось. Ирина Васильевна — женщина деликатная и зря беспокоить не станет. Они старые знакомые, даже приятельницы, зовут друг дружку Анночка, Ириша, но на «вы».

— Что случилось, Ириша?

В трубке булькает, хлюпает и прерывающийся голос отвечает:

— Светы нет дома. Я вернулась с дежурства, на столе записка: «Ушла на последний сеанс с Виктором. Ключ взяла». Все. Но ведь сейчас уже третий час. Я не выдержала и решила звонить вам. Витя не возвращался?

— Витя давно спит,— говорит Анна Петровна.

— Боже мой! Что же теперь делать? А записка? Ведь ясно же написано, что она пошла с Витей. Анночка, родная, не ругайте меня, войдите в мое положение, я с ума схожу! Разбудите Витю.

Конечно, надо разбудить, как ни жаль. Анна Петровна — отзывчивый человек. И, самое главное, она тоже мать. И тоже бывали ночи, когда она ждала и представляла себе, что сын попал под машину или еще что-нибудь. Но так, кажется, было только два раза. На третий раз, когда он не удосужился позвонить и явился навеселе под утро, она — очень непедагогично — влепила ему две оплеухи и объяснила: «Одна от меня, другая за покойного отца, он бы тебе еще и не так прописал!» С тех пор Виктор всегда звонит, если где-нибудь задерживается. Надо будить.

— Витек, милый, проснись.

Виктор сопит, чмокает, зарывается в подушку, натягивает на голову одеяло.

— Витенька, Ирина Васильевна спрашивает, где Света! Где Светлана?

— Кажется, мне уже и ночью покоя нет от этой Светланы. Утоплю ее в бассейне.— И снова валится на подушку.

Анна Петровна трясет его за плечо.

— Ты понимаешь, что ты сказал? Ее нет, пропала, сейчас три... нет, уже четвертый час, а ее нет дома!

Она снова бежит к телефону.

— Ириша, милая, хотите, я приеду к вам? Или лучше вы к нам? Дома оставьте на всякий случай записку, а тут мы все вместе будем звонить, узнавать...

Через двадцать минут в квартире появляется Ирина Васильевна. Перед ее приходом Анна Петровна успела привести себя в порядок: надела халат, туфли, причесалась. Зато Ирина Васильевна — на нее жалко и страшно смотреть: землисто-серое лицо, мешки под глазами, вся дрожит, косматая. Она уже давно не обращает на себя внимания, все только для Светы и для Светы: платья, самые дорогие туфли, сумки.

Анна Петровна снимает с нее пальто и укутывает своим белым пушистым шарфом. Сажает на диван, предлагает сварить кофе. Но Ирине Васильевне не до кофе. Она впивается в Виктора.

— Ты же с ней ходил в кино?

— Мы с ней в кино не были,— глядя в сторону, говорит Виктор.— Галя сказала, что ее пригласил Мошкин... с женой, у них друг из Тбилиси...

— Какой Мошкин из Тбилиси? Первый раз слышу! У Светочки никогда не было от меня никаких тайн.— Ирина Васильевна закрывает лицо руками и валится на подушку.— Нет ее, нет больше моей девочки!

Анна Петровна предлагает немедленно звонить Петру и Галине. Да, действительно, как это они уже давно не додумались позвонить Пете и Галке?

— Ночью их будить? — тоскливо спрашивает Виктор и накручивает номер.

Долго никто не подходит к телефону. Наконец заспанный, злой Галкин голос спрашивает:

— Алло? Кого это черти ночью расхватывают?

Но когда она поняла, что это говорит Виктор и что-то спрашивает про Светлану, она начала кричать так громко, что стало слышно по всей комнате:

— Днем корчишь из себя неприступного, а ночью подавай ему Светлану!

Анна Петровна выхватила у сына трубку.

— Галочка, вы не поняли, это не ему нужна Светлана, она ему абсолютно не нужна, это ее мама сидит здесь у нас. Света пропала!

Секунду Галина молчит, потом говорит:

— Светка не ночевала дома? Странно. Между прочим, у Мошкина телефона нет. Можете звонить ему в бассейн с восьми утра. Запишите номер.

— Придется звонить в бас-

сейн,— говорит Анна Петровна и смотрит на часы.

Только еще пять, значит, до Мошкина осталось целых три часа. За эти три часа несчастная Ириша сойдет с ума. О том, что сама Анна Петровна не находит себе места и не сомкнет глаз до утра, она не думает. Ей жаль Виктора, он притих, сидит на стуле такой пришибленный, в пижаме, наверно, ему холодно, и лицо как будто осунулось. Еще так недавно он подсмеивался над Светланой, назвал ее дурехой, а теперь, конечно, мучается, представляет ее себе, страшно сказать, мертвой.

— Витя, а ты оденься и поезжай к ним на квартиру.

— Зачем? — не подымая головы с подушки, глухо спрашивает Ирина Васильевна.

— А если Света позвонит домой, а там никого нет?

— Мертвые домой не звонят,— трагическим шепотом произносит Ирина Васильевна и опять рыдает и задыхается.

— Надо вызвать неотложку, ей плохо!

— Не надо неотложки, дайте мне умереть,— стонет Ирина Васильевна.

— Витя, беги на третий этаж к Анфисе Николаевне. Она медицинская сестра. Правда, она на пенсии, но у нее муж — сердечник, и у нее, конечно, все есть. Позови ее. А потом все-таки пойдешь на квартиру к Ирине Васильевне и будешь там сидеть. Вот ключ. Оденься и беги сперва на третий этаж, потом туда.

Виктор наскоро одевается и убегает. Как ужасны могут быть пятнадцать минут, наполненные ожиданием! Когда в прихожей раздается звонок, обе женщины бросаются открывать дверь. Вероятно, это Анфиса Николаевна, но мало ли кто может быть еще... Это Анфиса Николаевна, медицинская сестра. Она сердита.

— Как всегда, больные думают только о себе и забывают о других. Ваш сын звонил к нам как сумасшедший, а у меня муж — сердечник. Все-таки надо соображать. Что тут у вас?

Ей рассказывают во всех подробностях то, что есть, и то, что, может быть, уже случилось. Анфиса Николаевна знает Светлану, ей интересно, и она даже забывает о своем муже-сердечнике. Делает укол. И говорит афоризмами:

— Нет детей — плохо, есть дети — еще хуже. Молодость безжалостна. Любовь зла.

— При чем тут любовь? — вздрагивая от укола, спрашивает Ирина Васильевна.

— Семьдесят процентов несчастных случаев, по сути дела, от любви,— говорит Анфиса Николаевна.— Мчался на свидание — попал в больницу. Влюбился, разочаровался, напился, подрался — пожалуйста! Говорят, у ревности зеленые глаза. Не только. У ревности еще и кулаки и...

— Спасибо вам большое, и простите, что мы вас потревожили,— прерывает ее Анна Петровна.— Идите отдыхать, дорогая, теперь я как-нибудь сама.

Но Анфисе Николаевне уже не хочется отдыхать. Когда собираются три женщины, ни одна из них не хочет уходить первой. Кроме того, девушки пропадают не каждую ночь, и получить новости из десятых рук было бы обидно. Нет, нет, главное, конечно, в том, что она здесь может принести пользу, именно из-за этого она и остается. И не просите!

— А как же ваш муж?

— А, ничего, он привык,— спокойным голосом говорит Анфиса Николаевна и внимательно выбирает конфету из коробки, которую поставила перед ней Анна Петровна.— Пока молоды — погуливают, выпивают, конечно, не поголовно, однако многие. И заметьте, позволяют себе всякие излишества вплоть до пенсионного возраста. Но тут природа вступает в свои права. Жена сколько бы ни говорила: не пей, не кури,— ноль внимания, а природа толкнет в бок, даст по затылку — и в момент отучит от всяких глупостей. Такими домоседами становятся, что любо-дорого! Только, к сожалению, преподносят своим женам в виде премии за верность свой атеросклероз, гипертонию, подагру и, наконец, психастению с ее симптомами: болезненным самомнением и болезненным мудрствованием.

Теперь Анна Петровна даже довольна, что Анфиса Николаевна не ушла к себе. Что бы она тут делала одна с несчастной Иришей!

Анфиса Николаевна больше не выбирает конфеты, а ест все подряд, сохраняя на лице задумчивую рассеянность.

Ирина Васильевна вдруг поднимает голову с подушки.

Новая волна отчаяния вызывает новый приток энергии. А времени еще мало — всего шесть часов. Дежурный в милиции спрашивает приметы. Анна Петровна отвечает:

— Среднего роста...

— Высокая! — кричит Ирина Васильевна.— Высокая, стройная, рост 162 сантиметра, талия — 56, самая тоненькая талия в их научно-исследовательском институте!

— Волосы русые,— отвечает в трубку Анна Петровна.

— Не русые, а золотистые! — прерывает Ирина Васильевна.

Нет, ни о каких русых и золотистых потерянных девушках сведений в милицию не поступало.

— В больницы я буду звонить сама,— говорит Анфиса Николаевна.— Меня все везде знают, и я всех знаю.

И звонит до семи часов, все номера телефонов у нее в памяти. Удивительная память.

— Может быть, еще раз домой? — предлагает Анна Петровна.

— Нет у меня теперь никакого дома,— шепчет Ирина Васильевна.— Я не вернусь туда, где мне все будет напоминать...

И снова удушье, и опять работа для Анфисы Николаевны. Очень хорошо, что она не ушла.

Анна Петровна звонит. Гудки, гудки, почему-то Виктор не подходит к телефону. Неужели набрала не тот номер? Надо перезвонить. Снова длинные гудки, и наконец веселый голос:

— Да-а? Мамся, это ты? Она дома.

— Что?? — растерянно спрашивает Анна Петровна.

Ирина Васильевна зорко следит за выражением ее лица. Она вскакивает с дивана, отталкивает Анну Петровну так, что та летит прямо на буфет, подхватывает трубку и кричит диким голосом:

— Где она? Нашли?

И тут обе женщины видят, как лицо Ирины Васильевны из дикого и страшного становится блаженным, глаза сияют, щеки порозовели. Интересно знать, что такое сказал ей Виктор. Это можно приблизительно понять из того, что говорит ему она.

Рисунок Ю. Черепанова.

— Витенька, голубчик, и давно?.. Ах, уже часа полтора! А почему же вы оба раньше не позвонили? — Не отнимая трубки от уха, она косит сердитым глазом на Анну Петровну.— Да, да, у нас тут действительно все время висели на телефоне, разве дозвонишься, безобразие!.. Витенька, передай ей трубочку... Как? Она под душем? Ну, тогда не беспокой ее, пусть освежится. Витюша, а она тебе не говорила, где была, почему не позвонила?.. Ничего страшного? Ну, слава богу.

Анна Петровна думает: «До чего дешевая слава! Девчонка где-то прошлялась всю ночь, а богу — слава. Если десять минут тому назад она готова была все сделать, чтобы найти Светлану, то теперь она надавала бы ей оплеух, как когда-то Виктору. А Виктор? Что он там делает целых полтора часа?..»

— Витенька,— никто никогда не слышал такого медового голоса у Ирины Васильевны,—детка, я сейчас вернусь, ты только скажи, она не сердится на меня, что я подняла весь этот шум и тебя разбудила среди ночи?.. Нет, даже довольна? Ну и слава тебе господи!.. Да что ты, милый, конечно, ни в чем упрекать не буду. Я на коленки встану, ручки ей буду целовать: вернулась, ласточка моя, белочка! Бегу...

— Но где все-таки она была? — приступает с допросом Анфиса Николаевна.

— Не все ли равно! Главное, что она дома, солнышко мое!—веселится Ирина Васильевна.

Анфиса Николаевна уходит, хлопнув дверью. Ирина Васильевна наматывает себе на голову пушистый шарф Анны Петровны, не помня себя от радости.

— Да, но действительно, где же она была? — строго спрашивает Анна Петровна.

— Ах, не все ли равно!—повторяет Ирина Васильевна и, опрокинув стул, бежит в прихожую.

— Скажите Виктору, чтобы скорее возвращался! — кричит ей вслед Анна Петровна.— Ведь мальчик не спал всю ночь. И как следует отругайте Светку за то, что она вас так измучила.

— Даже и не подумаю! — уже с лестницы отзывается Ирина Васильевна.

Анна Петровна снимает трубку и звонит. Веселый голос Виктора произносит:

— Да, слушаю!

— Витя, почему ты не идешь домой? Ты же не спал всю ночь, а тебе на работу.

— Иду, мамся.

«Ага, значит, у него хорошее настроение».

— Но все-таки она тебе объяснила?

— Да, полный порядок. Она...

В трубке слышится смех Светланы. Очевидно, она отнимает трубку. Виктор произносит скороговоркой:

— Она это устроила для меня, чтоб меня позлить. Ночевала преспокойно у подруги.

Светланин голос:

— Полный порядок, Анна Петровна!

Анна Петровна готовит Виктору завтрак, ждет, смотрит на часы и разговаривает сама с собой:

«Полный порядок? Две матери не спали всю ночь, одна чуть не отправилась на тот свет. Разбудили Анфису Николаевну и ее мужа-сердечника. Теперь звон пойдет по всему дому. А Виктор доволен, смеется. А сам говорил, что Светка дуреха и что он счастлив, как... как медведь, который ушел от охотников. Не ушел, а попал, медведь на цепи... Неужели? Боже мой... Или не нужно вникать в их жизнь и самой жить поспокойнее? Но разве матери могут поспокойнее? Анфиса Николаевна права, что дети безжалостны. Или это мы, матери, безжалостны, когда хотим, чтоб дети любили только нас, матерей, и никого больше?.. Но не любит же он ее, эту пустую девчонку? Это было бы ужасно... Чтоб заставить его ревновать, измучила всех, поганка! И даже не подумала о собственной матери. Но разве они думают о ком-нибудь, когда влюблены... Она влюблена в Виктора, это ясно. А он? Нет, нет! Но почему он до сих пор не возвращается? Тоже не думает о матери... Ах, хоть бы кто-нибудь разумный сказал: кто прав, кто виноват? Неужели мы неправильно воспитываем своих детей и растим их эгоистами? Или мы сами эгоистки, когда нянчимся с ними для собственного удовольствия, поддакиваем, потакаем во всем? Кто бы ответил, объяснил?»

* * *

Эту историю про ночной звонок мне рассказала сама Анна Петровна. И задала вопрос: неужели мы неправильно воспитываем своих детей?

Анна Петровна, дорогая, спросите меня что-нибудь полегче. А вам, вероятно, подробно и эрудированно ответят те, которые правильно и четко разбираются в вопросах воспитания.

Владимир ЦЫБИН

СТРОИТЕЛИ НОВОСЕЛЬЯ

В стороне густых потемок,
где пургой полны боры,
в пади ставили поселок
крепко наши топоры:
к взмаху взмах,
размах к размаху!
Бревна к бревнам,
к плахе плаху!
К стуку стук,
к суку сук,
к стенке стенка,
к срубу сруб!
Мы отчаянно, по-русски
прикипали
к топорам.
С бревен стесанные стружки
сами падали к ногам.
Как вздохнешь —
летит пороша!
Как взмахнешь —
валится роща!
Мы ломы в кострах калили,
мы зимой гранит кайлили,
забивали в землю сваи
и с пургой в обнимку спали!
Проморозив нас до нитки,
Яр-мороз всех сна лишал.
И казалось нам:
опилки,
а не снег вокруг лежал.
Поплевав себе на руки,
мы рубили избы зло,
так,
что на сто верст в округе
до корней тайгу трясло!
Пригоняли плаху к плахе,
дав замаху топорам,
так,
что лопались рубахи
на лопатках пополам!
— Эй, смахни на ухо шапку!
Кто кого?
А ну, а ну!
Чтоб пошел топор вприсядку
по сосновому бревну!
Чтобы кто-нибудь когда-то
вспоминал о нас добром:
«Поработали ребята!
Крепкий дом!
Надежный дом!»
Ох, чечетку раз по сорок
выбивай с утра, топор,
чтобы встал скорей поселок —
к дому дом,
к двору двор,
к новоселью новоселье,
к тыну тын,
к дыму дым...

* * *

Я чуда жду.
Я верю в чудо,
не в силах страха побороть,
что это до поры, покуда
не обретут слова вдруг плоть.
Они придут совсем иные,
чем пестовал в себе я их,
чужие вовсе,
не простые.

А я хотел своих, простых,
обыкновенных, как прощанье,
лесных,
как дождик по борам,
таких,
чтоб сердца полушарья
разорвались напополам!
Я жду,
я добиваюсь сплава,
чтоб сами подымались травы,
чтоб птицы сами шли в зенит!
А слава что?
На отдых право?
Не греет и не холодит!
Кто чувствует хитро и щупло,
тот любит песенную прыть!
Нет!
Песня сторонится шума,
коль суждено ей долго жить!
Я не хочу,
чтоб песня била
поклоны низкие челом!
Нет!
Песня — это меч и било,
ей быть щитом,
а не шутом!
Не торопи ее ретиво —
она сама приходит в срок.
Над славой шумной, суетливой
державный суд ее жесток.
Я песни жду
такой же летней,
простой, как дождь,
как в поле рожь...
Всю жизнь живешь для песни этой,
которой, может, не споешь!
Но если сам себя причислил
к певцам,
то трепещи всю жизнь!
И, вглядываясь в звук и смысл,
своим прозрением казнись!
Не жди его, как ливня с неба,
не жди, а сам ты смей посметь!
Не мучайся, что слово немо,
а верь: ему дано прозреть.
Живи, дыши широкогрудо,
веселый, как гусей прилет.
И вот тогда, я знаю, чудо
к тебе, певец, само придет.

* * *

Пусть сгорает память,
как комета,
и, сгорев, воскреснет наяву!
Ты же не комета,
ты бессмертна
в сердце у меня,
пока живу.
Чем мне искупить свои сомненья?
На колени!
Глянь: я весь — смиренье!
Прикажи — я дуб согну в дугу!
«Сильным будь!» — Со мной не будет
слада!
Прикажи: «Дай славы!» — Будет слава!
Прикажи: «Забудь!» —
И не смогу!
Забывает ссоры моя верность,
обретает силу моя нежность.
От тебя бегу и не сбегу!
Скажешь: «Верь!» — И я во все поверил!
Скажешь: «Жди!» — И я для всех потерян!
Скажешь: «Пожалей!» —
И не смогу!

Я хочу лишь одного покуда,
чтоб в меня врастала
вера в чудо.
Этим чудом я тебе клянусь,
что отречься от тебя боюсь!
Пусть сгорает память,
как комета,
и, сгорев, воскреснет наяву!
Ты же не комета,
ты бессмертна
в сердце у меня,
пока живу!

В РАЙОННОЙ СТОЛОВОЙ

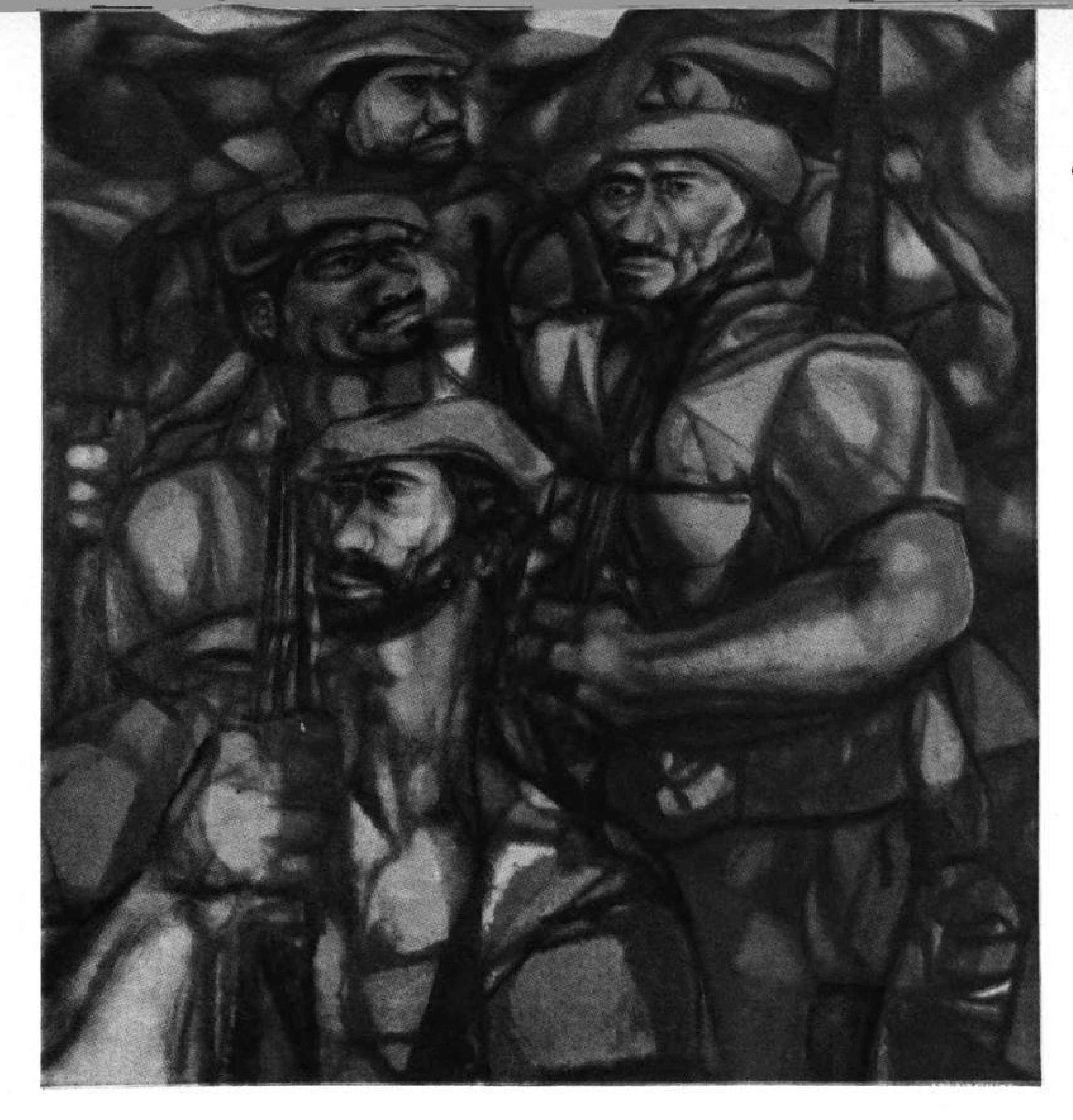
В нашей районной столовой
пахнет смолой сосновой,
опилками и щепою,
рабочей едой крутою!
Ребята — ого!
Вначале
наполнят столовку стуком.
Заденут косяк плечами —
вышибут одним духом!
Парни смеются — потеха! —
рукасты, широколицы.
От гулкого грузного
смеха
качаются половицы!
Опарой взбухают кружки,
пампушки, будто подушки,
вареники здесь
сельдями
на блюдцах дышат боками.
Как у буфетчицы Нюры
бусы на шее ярки,
на пальчиках — маникюры,
на локоточках — ямки!

Поет гитара, охая,
дрожит, как камбала.
— Так прощевай, далекая
планета Колыма!
— Нет пива без селедочки,—
чего еще гадать?
Нет жизни посередочке:
работать иль гулять?

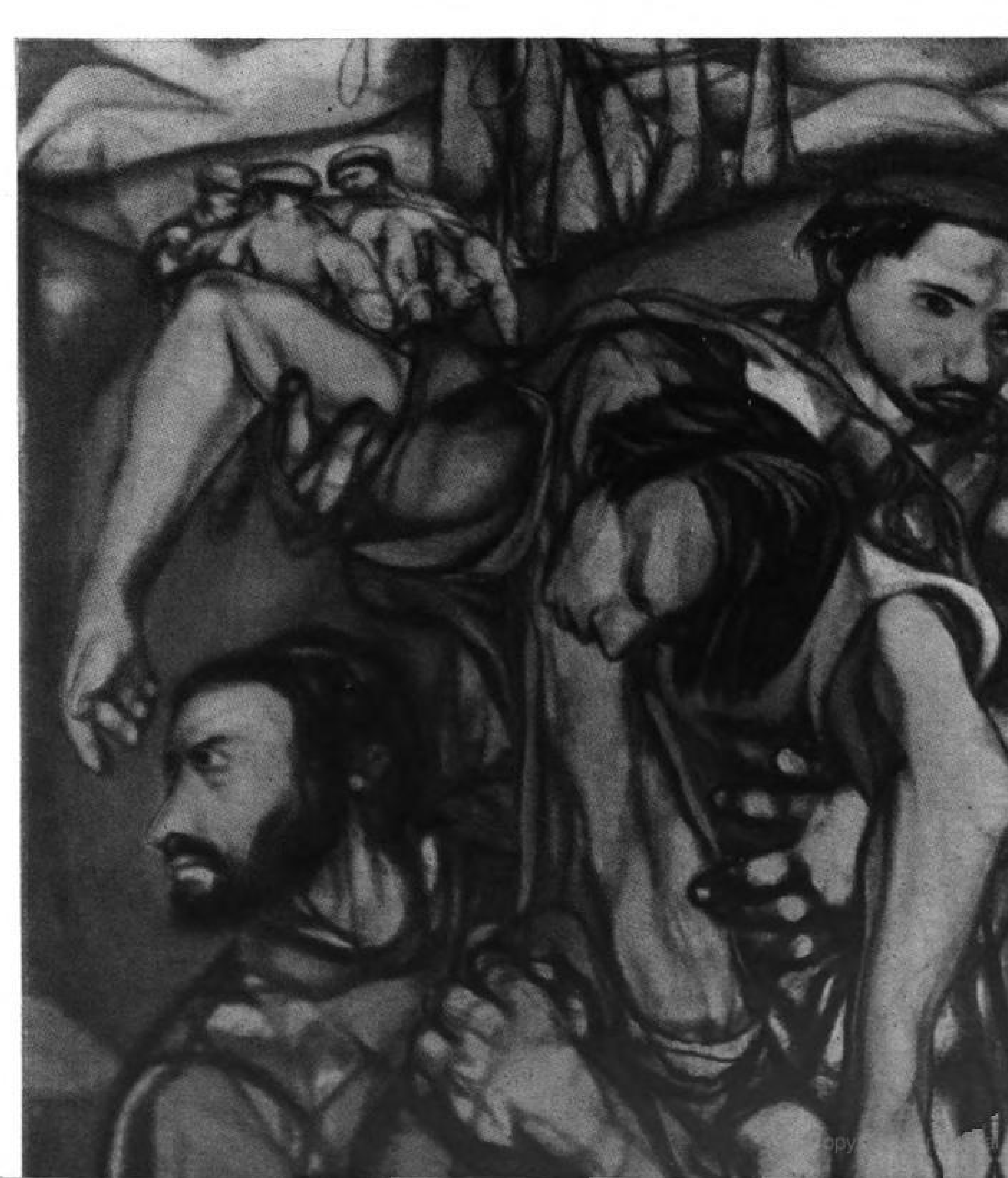
Сидят ребята — не ссорятся,
сидят, не огорошены.
Брови лишь круче сходятся,
на стол кулаки положены.

В углу шофер старается
ногами гопака:
радешенек!
Качается:
подбросил левака!
В руке звончей тальяночки
хрустят рубли:
— К нашей стояночке
давай! Подрули!
Колени заляпаны,
рукава закатаны,
брюки приспущены,
сапоги приплющены.
Ох!
Дороженька ковыльная,
колесная жизнь,
колесная, колымная,
но только держись!
Стоит шофер, поскользается,
под взглядами пригибается.
Чтоб от службы разогреться,
чтоб прошиб здоровый пот,
разогреться,
разговеться
ходит местный рыжий поп.
Он припал губами к кружке,
ловит грешный пенный след.
За пять лет — в седьмой церквушке,
да и в той народу нет!

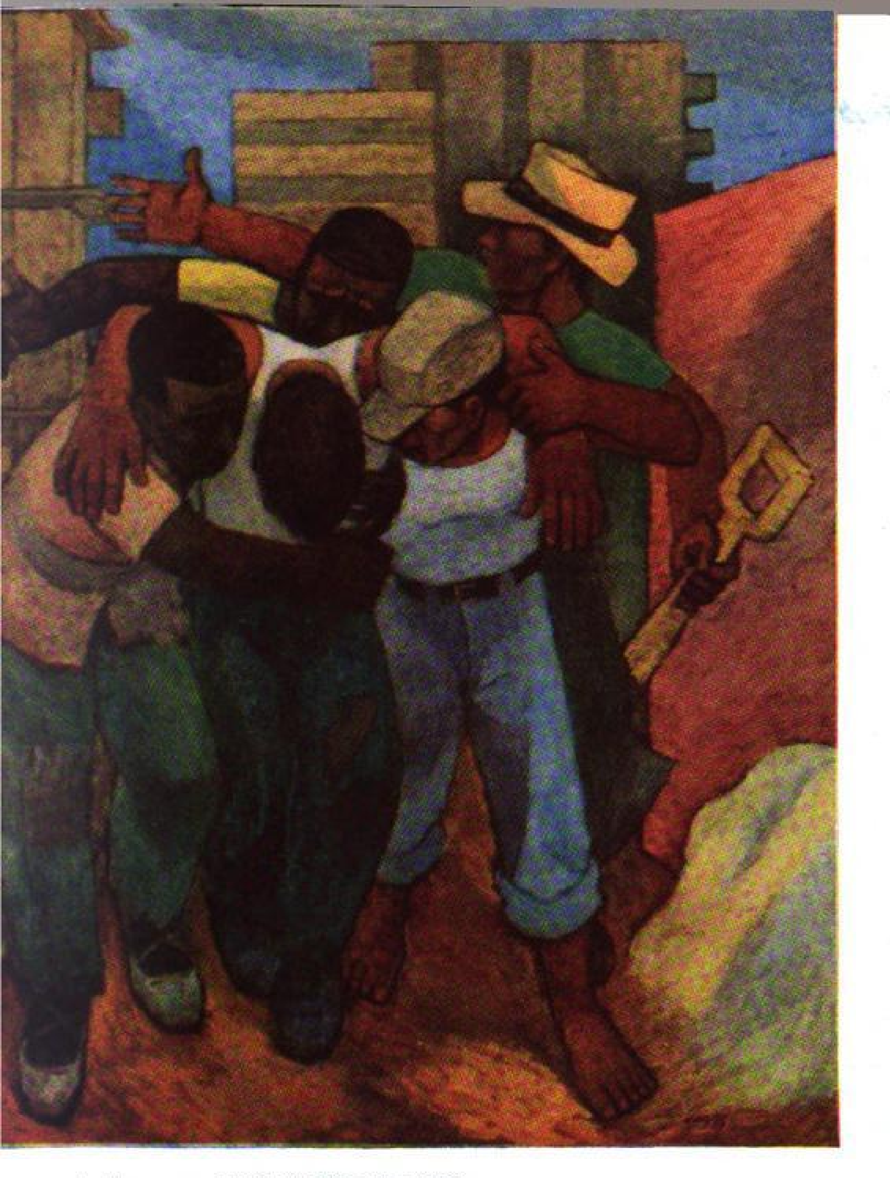
На попика смотрят хмуро
ребята: «Служитель бога!»
И буфетчица Нюра
провожает их до порога.
И, гася под бровями истому,
«Еще заходите!» — скажет.
Лишь самому молодому,
отвернувшись,
платком помашет...



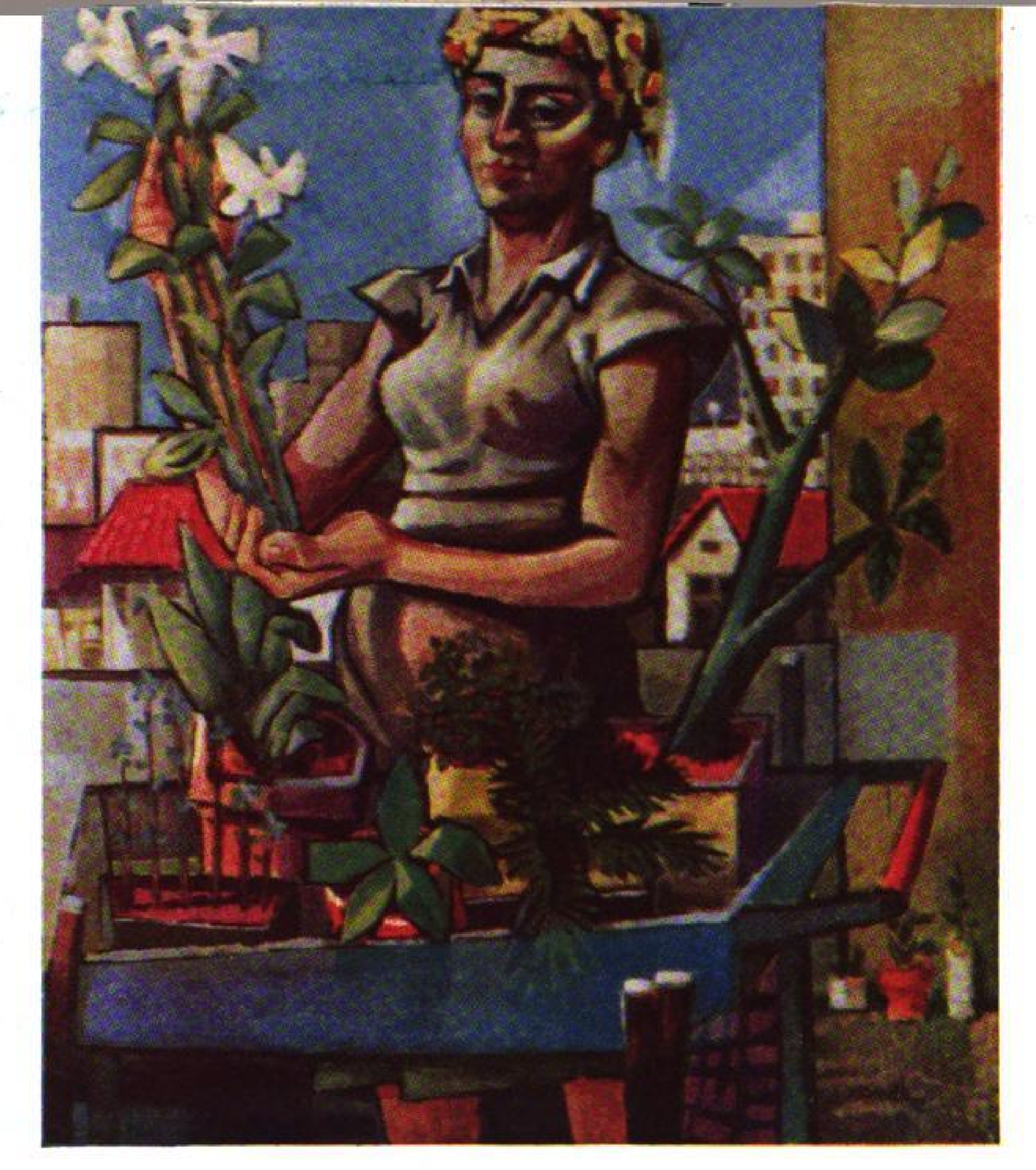
С. Кабрера Морено. НАРОДНАЯ МИЛИЦИЯ



УБИЙСТВО ЧЛЕНА НАРОДНОЙ БРИГАДЫ

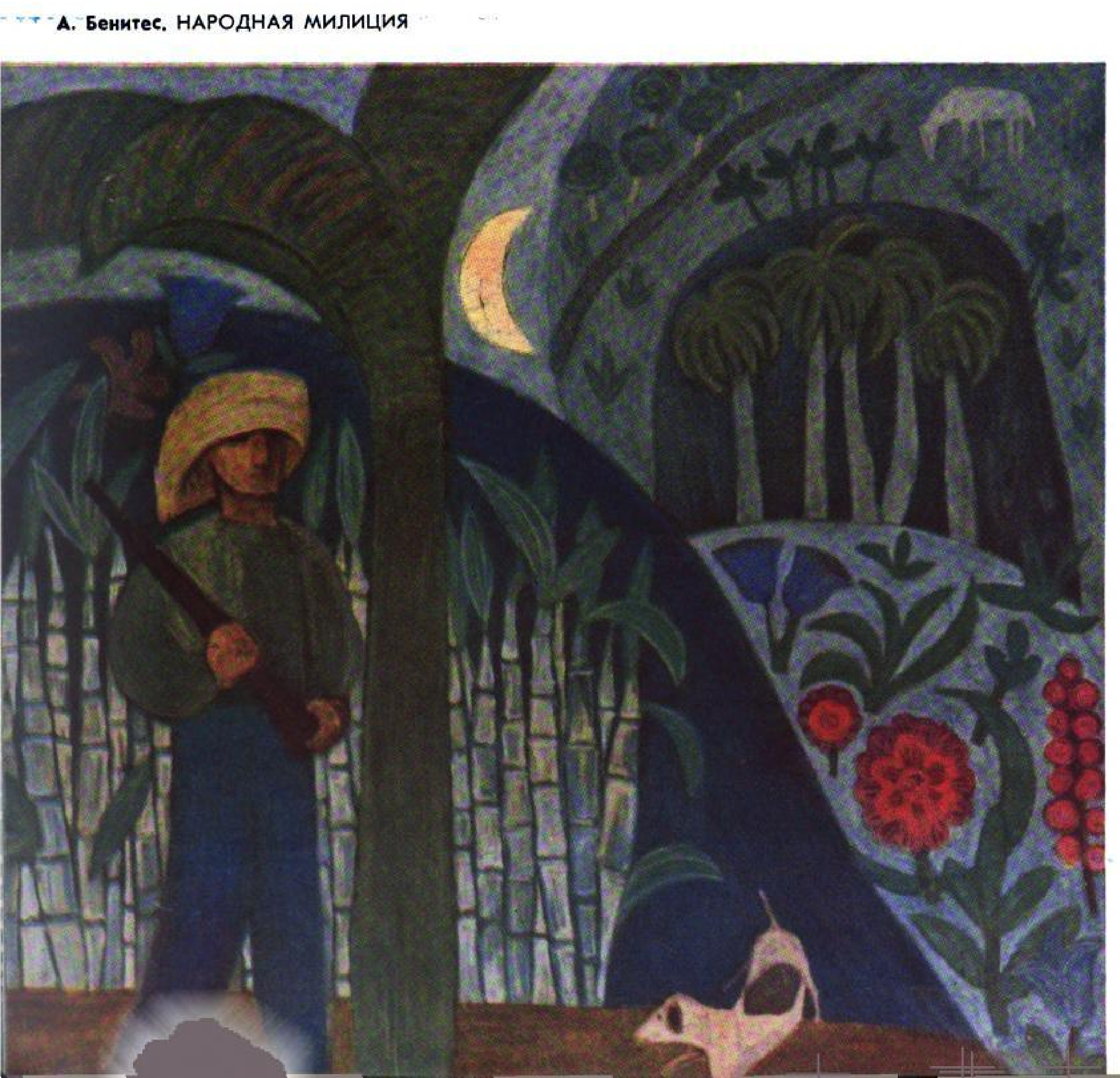


А. Бенитес. РАНЕНЫЙ РАБОЧИЙ



К. Гонсалес. ЦВЕТОЧНИЦА

А. Бенитес. НАРОДНАЯ МИЛИЦИЯ



СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Все просто и понятно, когда герой о высоком говорит высоко, о трагическом — трагично, а о больном — с нескрываемой болью. Налицо завидно прямой и открытый характер. Для юмора, для усмешки в этом случае остается сфера явлений, которые так хорошо известны нам по многим сатирическим сборникам: поссорились соседки на кухне, прохожий ненароком угодил в канаву... Когда один из молодых прозаиков попытался недавно весело, смешно рассказать о жизни передового рабочего парня, критика без улыбки назвала его комедиантом и смехачом. Забыты все уставы чопорного классицизма, а этот охраняется бережно: гумор суть признак низкого штиля.

Что же делать, как судить новую повесть Вадима Кожевникова «День летящий»? Трепетный момент. Цыпланов на фронте впервые открывается в своем чувстве женщине, любимой навсегда. И в такой-то момент, как утверждает автор, Люся больше всего «беспокоилась, как бы у Сидора Ивановича не открылась от этого рана, с которой еще швы не были сняты». Чему улыбается автор?

А вот о страшном. В годы разгула культа личности, потрясенный несправедливостью к другу, Цыпланов дерзнул написать самому Сталину, попросить разъяснений. «Разъяснение пришло скоро. Оно пришло в сапогах, ночью. И вот вместо того, чтобы продолжать строить столь не нравившийся Люсе роскошный полунебоскреб в Москве, Сидор Иванович оформился на север работать в специфических условиях. На эту работу ходил организованно, в строю...». Кажется святотатством, когда о своем Цыпланове — мужественном и мудром, ведущем за собой целый коллектив дорожников-строителей, автор вдруг возьмет да расскажет, как тот начал молодиться перед женой-красавицей: уже «мало ему мотоцикла, представляете, в футбол стал играть». И того пуще,— затесался в самодеятельность, «испуганно глядя в зрительный зал, топчась и поеживаясь от смущения, потея в тугом воротничке с галстуком, сиплым голосом пел фронтовые песни».

Почему этой повести не страшно смешное, как не страшно оно самому Цыпланову? Если честно говорить, Цыпланов-то втайне хорошо понимает: кроме футбола и песен, есть за ним и еще кое-что, немаловажное для их любви. Есть тот день на войне, когда они вдвоем с Люсей — сапер и медсестра — спасли батальон от немецких танков. Есть письмо, за которое Цыпланов угодил в «специфические условия». Тот случай, когда он отказался от солидного и заслуженного поста в тресте, снова пошел на передовую — рядовым прорабом, строителем дорог на целине, в тайге. А здесь, в тайге, «люди гордились тем, что работают с таким человеком, как Сидор Иванович», и строптивому новичку, вздумавшему усомниться в Цыпланове - начальнике, тут говорят между прочим: «Ты это брось. Это, знаешь, какой человек,— душа! Будешь ему грубить, мы тебе такую свою грубость покажем, пешком с трассы убежишь, как тот самый Гарун, быстрее лани».

У повести характер Цыпланова: юмор в ней не столько пристрастие к каламбурам, даже не столько признак стиля, сколько признак мировосприятия, особого понимания человеческих характеров: улыбчивы сильные, насмешливы смелые, веселы люди, уверенные в себе. Вместе с ними повесть серьезно размышляет о нашем времени, о жизни. И до слез смеется, издевается, хлещет по морде некоего Финикова, который попытался было за счет борьбы с культом личности благоустроить собственную, бесконечно любимую личность.

Нет, уже не юмор,— беспощадный сарказм, художническая ненависть сдирают с Финикова слой за слоем: отработанный годами «демократизм», хищническую хватку, циничный расчет, в котором карьерист учел, сбалансировал для себя и наши победы, и наши недостатки, и возможные наши промахи. Финиковы, быть может, самое чудовищное, что оставлено нам в наследство от времен культа личности. В своем стремлении выжить, приспособиться, акклиматизироваться они готовы высосать все соки из любого живого дела. Нужно вовремя обрубить их цепкие плети, добраться до корня — вот что требует автор. Повесть помогает открыть глаза на действительную задачу нашей сатиры многим современным юмористам.

И есть в повести страницы поистине трагические, особенно та, где уже пожилые супруги Цыплановы, ожидая ребенка — святую свою надежду,— в бурю уходят на помощь лесникову мальчику. Совершая чудо, строители за несколько часов пробивают в тайге дорогу, чтобы дать пройти машине «Скорой помощи» к Люсе и спасенному ею лесникову мальчишке.

Сегодня летит сквозь дали стремительная автомагистраль, построенная Цыплановым, его товарищами, его женой, «а та времянка, проложенная в тайге, наверное, совсем заросла чащобой, и про нее никто не знает, и если кто набредет на эту дорогу, то только удивится и подумает: «Какой это головотяп и халтурщик прокладывал такую дорогу, кому она была нужна? Да никому эта дорога не нужна...».

Повесть «День летящий» отчасти повторяет тему известной книги Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев», но вместе с тем и осложняет ее, поворачивает иными, неожиданными сторонами. Эти ее стороны и характеры героев повести всякий раз словно высвечивает, делает прозрачными до дна неуступчивый, мужественный юмор, далекий от какого-либо смехачества. Этот юмор понимаешь как насущную силу, необходимую для полноты темы, захватившей художника: нравственность коммунистического человека, его труд, его счастье.

В. ЛИТВИНОВ

Вадим Кожевников. День летящий. Повесть. Журнал «Знамя» № 10, 1962.

НАСТОЯЩУЮ НЕЖНОСТЬ НЕ СПУТАЕШЬ

Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха. Если это так, если подлинная нежность не терпит шума, эстрады, то в какой мере это качество может быть свойственно стихам Евтушенко — поэта громкого, полемического, умеющего перекричать и аплодисменты и насмешки? В такой ли, чтобы выносить его в заголовок новой книги? Не следовало бы назвать книгу скорее «Эффектность» или «Популярность»?

Но давайте бегло взглянем, что такое пресловутая «поза» Евтушенко. Она едва ли была следствием эгоистической самовлюбленности: ведь самовлюбленность поэта — лишь часть его любви к миру. Поза шла скорее от формы, являясь способом подачи материала. Понадобился яркий, зазывный способ подачи, потому что восприятие лирики притупилось, она к тому моменту стала как бы филиалом «производственного романа». Читатель переставал доверять актуальным «стихам о чувствах», справедливо опасаясь подделки. Его нужно было как бы заново привлечь. Этому и послужила «поза». Она прежде всего о б р а щ а л а в н и м а н и е.

Теперь период «позы» для Евтушенко позади. Его новая книга населена людьми, позировать на фоне которых было бы бестактно и непоэтично. Это, во-первых, черноволосая лирическая героиня. Рядом с ней — продавщица галстуков; бухгалтер; Настя Карпова; старатель; машинистка; манекенщица из Дома моделей на Кузнецком (именно такой она получилась, хотя поэт пытался описывать парижанку от Диора). Он видит в них как бы особые планеты, неповторимые личные миры.

И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый
бой...
Все это забирает он с собой.

В фантастических книгах описаны благородные космонавты-десантники, изучающие в чужих углах галактики следы цивилизаций, чтобы отыскать «братьев по разуму», находящихся, может быть, на расстоянии световых тысячелетий. И хотя наш поэт повествует о самых ближайших братьях по разуму, он со столь же сильной надеждой приближается к каждой новой человеческой планете, трепетно вглядываясь в то, что открывается ему. И важнее, чем тот или иной торжественный акт, оказывается момент, когда старый бухгалтер достает из бумажника выцветшее фото (рассказ ведется от его лица):

Там, неловко очень подбоченясь,
у эпохи грозной на виду,
я стою, неюный ополченец
в сорок первом памятном году.

Я услышу самолетов гулы,
выстрелы и песни на ветру,
и прошепчут что-то мои губы,
ну а что — и сам не разберу.

Себя поэт определяет, как «возможность высказаться им». Здесь и его личное: ведь «высказать других, их всех любя, и есть возможность высказать себя».

Итак, вот каким героям адресована нежность Евтушенко, вот отчего именно берется он разъяснять, «хотят ли русские войны». Это настоящая нежность. Тут он старается быть сдержанным, избегает прямого лирического вторжения (вторжение подчас слишком плакатно; да и вообще «смазать карту будня, плеснувши краску из стакана», хорошо только один раз).

У Евтушенко есть стихотворение «Сирень», описывающее такой случай: поэт сажает в свою малолитражку напросившуюся пассажирку — официантку из «Балчуга». Она опоздала на последнюю электричку и ищет ночлега. «Только ты без этого»,— предупреждает она и поясняет: — «Страшно спать хочу». Поэт не пытается развернуть перед ней «рифм ассортимент», прочесть стихотворную проповедь, снабженную пышным формальным оперением. Он просто уходит утром по делам и оставляет записку: где чай, где хлеб, где масло. Перед уходом он смотрит на спящую официантку. Она другая:

исчезло то обычное,
что пило и грубило,
и что-то в ней
обиженное,
застенчивое было.

Здесь нежность уже не личный довесок, она появляется как нечто не зависящее от автора, как эстетическое качество, результат глубокого созерцания. Музыка нежности сливается с веянием добра.

Такая позиция делает поэта соизмеримым с героями, создает возможность диалога, взаимопроникновения душ. Автор, рабочий по складу характера человек, геолог, косарь, перфораторщик, плотовщик — в душевном единстве и со старателем, плетущим небылицы в рудничной чайной, и с гармонистом слепым, которому сам кричит: «Сыпани!»,— и с улыбающейся именно ему буфетчицей Зиной. Да, со всеми с ними он свой, как с той черноволосой героиней-неулыбой, что уткнулась в «Братьев Карамазовых» и на жизнерадостность смотрит как на некую черту, свойственную не очень умным. Поэт стремится переубедить ее, «неулыбающуюся улыбку» всей его теперешней жизни, но отнюдь не прямолинейно. Тут нужна интуиция и вот слово — нежность, умение обратиться к красоте, силе, внутренним возможностям собеседника. Как раз путем человеческого проникновения будут укрепляться в нас моральные принципы общества, которое мы строим. Внешнее, механическое тут не ко двору.

«Нежность» — уже из второго десятка книг Евтушенко. Срывов в ней немного, но, как выражаются в критике, тем они досадней. Зачем было писать небогатым трехстопным амфибрахием «гусарскую балладу» о Пушкине? Педалируется «шумящий шаманский гуляки-пророка характер шампанский...» А где же уравновешенность болдинской осени? Где «Бордо благоразумный»? Пушкин был не баловнем, а скорее пасынком балов. Газированный Пушкин целиком остается на профессиональной совести автора.

И еще. Разочаровывает стихотворение о том, что «искусство — это бунт». Перестал, дескать, бунтовать — перестал и быть художником. Ну-ну! Наверняка понятно, что цель искусства созидательна. Такой и является «Нежность» в целом. Она — за сложность, за возвышение, за коммунистический прогресс. За преобразование земного шара, о котором Евтушенко не забывает, обращаясь к лирической героине.

И не только к лирической героине. В последних стихах, опубликованных на днях в «Правде» и «Комсомольской правде», поэт обращается к народу, чтобы пробудить в нем ненависть ко всему темному, лживому, чтобы навсегда покончить с тем проклятым наследием культа личности, цепляющимся за людские души, мешающим нам строить будущее (стихотворение «Наследники Сталина»).

В нас —
мятежей раскат,
восстаний перекаты.
Мы —
дети баррикад!
Грядущего солдаты.
(«Письмо Жаку Брелю —
французскому шансонье»).

Гражданский накал поэзии Евтушенко все возрастает. И в самом деле, чувство солдата зовет поэта на большую войну, на фронтовую линию, «где с неправдой любой — очищающий бой».

С. ЧУДАКОВ

Евгений Евтушенко. Нежность. Москва. Изд-во «Советский писатель», 1962. 190 стр.

«В ПАМЯТИ ОСТАЕТСЯ ВСЕ!»

В февральском номере журнала «Октябрь» были опубликованы отрывки из книги «И в неволе не смолкну» молодого чешского писателя Ивана Явора (Алоиса Микулы). Тут были его письма из фашистского застенка, адресованные невесте Здене Лахмановой, зарисовки-портреты заключенных.

Явор и Лахманова погибли, как герои.

Отрывкам из книги Явора была предпослана статья «Младший брат Юлиуса Фучика» — о героической жизни и творчестве патриота, коммуниста. Она заканчивалась пожеланием, чтобы книгу «И в неволе не смолкну» целиком перевели на русский язык, чтобы она стала достоянием широких масс.

Наши издательства с этим, к сожалению, не торопятся. Тем приятнее, что в Алма-Ате вышла книга В. Ларина и И. Назарова «В памяти остается все!», посвященная светлой памяти солдата и поэта свободы. Она написана по воспоминаниям бывшего узника Малой крепости и Маутхаузена, русского друга Алоиса Микулы — Ильи Федоровича Назарова. Хорошая книга! Она уже издана в Чехословакии и сердечно там встречена.

В книге есть письма и документы — точные свидетели прошедших лет, присланные из Чехословакии родными Алоиса Микулы.

И после страшных пыток в фашистском застенке Алоис писал мужественные стихи. Вот он каков был, этот человек — духовный брат Фучика и Джалиля, легендарного советского генерала Дмитрия Михайловича Карбышева, которому воздвигнут памятник в Маутхаузене.

Иван Явор (Алоис Микула).

В книге есть еще один герой, Иван Медведев.

«Особые симпатии у заключенных вызывал Иван Медведев, приземистый, косая сажень в плечах, сибиряк. Широкое мясистое лицо, глубоко сидящие под густыми бровями глаза делали его на первый взгляд суровым. Но это был веселый, сильный, жизнерадостный, находчивый человек. Он никогда не терялся. Чехи любили его».

Я разыскал этого человека. Он живет в городе Чебаркуле, Челябинской области. Работает, как и до войны, бухгалтером. Попав после тяжелого ранения в плен, в каких только тюрьмах и концентрационных лагерях не побывал Медведев! Три раза бежал. В Терезине и Маутхаузене он встречался с Алоисом Микулой, который, не раз подбадривая товарища, говорил: такой медведь еще не одного фашиста задавит.

А в начале 1945 года Иван Кузьмич Медведев, убив эсэсовца, бежал вместе с двенадцатью узниками Маутхаузена. По дороге к ним присоединилась еще группа французов. И все они благополучно добрались в расположение наступающих советских войск.

Наша память может быть могучим оружием в борьбе за радость настоящего и будущего, за мир, за счастье людей всей земли. Именно в этом пафос книги «В памяти остается все!».

С. ТРЕГУБ

Опережая годы

Коте Марджанишвили и его жена Н. Д. Живокини в 1898 году.

В этом году, против обыкновения, я отложил свой очередной отпуск на позднюю осень. Оставлены на время занятия математикой — и вот я в далеком от Москвы старинном селении Кварели на склоне Кавказского хребта, в долине Алазани.

Кварели — родина моего отца, режиссера Коте Марджанишвили (Константина Александровича Марджанова); здесь находится дом, где он родился, ныне это дом-музей. В конце октября в Кварели торжественно отмечается 90-летие со дня рождения отца.

Коте Марджанишвили не получил систематического образования, но он непрестанно и упорно работал над расширением своего кругозора. Он обладал замечательными музыкальными способностями и, хотя не играл ни на одном музыкальном инструменте, глубоко чувствовал музыку. Помню, как он давал советы дирижерам московского Свободного театра и Ленинградского театра комической оперы, а там ведь работали первоклассные музыканты!

Из крупных советских режиссеров отец первый занялся комической оперой и опереттой.

Марджанишвили очень чутко следил за новыми течениями в музыке. Он собирался поставить в московском Свободном театре в 1913—1914 годах «Петрушку» Стравинского, отвергнутую другими театрами оперу Прокофьева «Маддалена», «Прометея» Скрябина. И только закрытие театра помешало осуществлению этих замыслов.

В своей постановке «Прекрасной Елены» отец вывел на сцену двор Николая Второго. Помню, как на сцену выходили сановники в расшитых золотом мундирах, словно сошедшие с полотна репинского «Государственного совета». В безвольном же и упрямом Менелае, сидевшем близ ванны в одном нижнем белье, можно было распознать самодержца всероссийского.

Отец хорошо разбирался в живописи. Он добивался, чтобы эскизы декораций и костюмов получались красочными, выразительными и простыми. Ему приходилось работать с такими замечательными мастерами, как Н. К. Рерих (постановка «Пер Гюнта» в Московском Художественном театре), В. А. Симов, Е. Е. Лансере, И. И. Гамрекели. Незадолго до своей внезапной смерти, последовавшей в 1933 году, отец мне сказал: «Если бы я был уверен, что проживу еще десять лет, то пять лет из них отдал бы изучению архитектуры, а пять лет — строительству зданий». И в этой области у него были интересные замыслы, которыми он делился с архитекторами. Он обладал прекрасным пространственным воображением. Когда по его просьбе я рассказывал ему о некоторых новых математических идеях, то поражался быстроте, с которой он их схватывал. Отец был большим знатоком и ценителем литературы и, помогая росту молодых дарований, давал авторам ценные указания. Сам он свободно владел стихом,— я видел это, когда помогал ему в переводе текстов старинных комических опер и в переложении этих текстов в стихи для пения.

Отец был очень живым, энергичным, отзывчивым человеком. Он всегда был готов помочь людям, поддержать их.

Моя мать, Надежда Дмитриевна Живокини-Марджанишвили,—внучка артиста московского Малого театра Василия Игнатьевича Живокини, исполнителя комических ролей, игрой которого восхищались Гоголь, Белинский. Она окончила театральное училище при Малом театре и во многом содействовала приобщению моего отца к передовой реалистической культуре русского театра. В ее бенефис отец впервые испробовал свои силы как режиссер, поставив «Дядю Ваню» Чехова. Через некоторое время он уже всецело посвятил себя режиссерской работе.

Большое влияние на отца оказала его встреча с А. М. Горьким. Поставленные отцом в 1904 году «Дачники» Горького были показаны во время гастролей рижского театра Незлобина в Москве. Руководители Московского Художественного театра позднее пригласили отца на работу. Одновременно его пригласили в Болгарию, притом на гораздо более выгодных условиях; однако он предпочел работу в Художественном театре, которая содействовала развитию его дарования.

В годы первой мировой войны отец ушел санитаром-добровольцем на фронт, был награжден георгиевским крестом. Лишь болезнь вынудила его вернуться к театральной деятельности.

В 1919 году в советском Киеве отец развернул кипучую деятельность в качестве комиссара государственных театров. Белогвардейцы заочно приговорили его к смертной казни через повешение. Отец осуществил свою постановку «Овечьего источника» Лопе де Вега, которая прозвучала как страстный призыв к борьбе за свободу. По словам Всеволода Вишневского, красноармейцы, воодушевленные спектаклем, прямо из театра с пением «Интернационала» шли на бой с врагом.

С подъемом работал отец летом 1920 года в Петрограде над постановкой массового зрелища «К мировой коммуне»; в нем приняли участие тысячи исполнителей.

После установления Советской власти в Грузии отец вернулся на родину уже большим мастером сцены. Ему удалось объединить вокруг себя лучшие силы грузинских артистов, писателей, композиторов, художников. Все вместе они создавали новый театр Советской Грузии.

Сейчас на родине Марджанишвили я с глубоким волнением вижу, что и через тридцать лет после его смерти память о нем живет в сердцах людей.

К. К. МАРДЖАНИШВИЛИ,
доктор физико-математических наук.

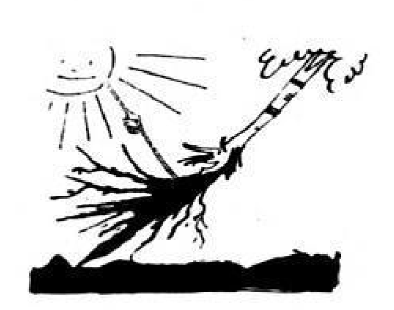
Кварели, Грузия.

Ф. КРИВИН

СКАЗКИ

НАПРЯЖЕНИЕ

— Напряжение... Подумаешь, высокое напряжение! — скрипит толстая бельевая Веревка, недовольно косясь на перегоревший Электрический Провод.— Понавешали бы на тебя простыней да пододеяльников, вот тогда бы узнал, что такое настоящее напряжение!



СОСТОЯНИЕ ПОКОЯ

Корень с головой ушел в работу и никогда не показывался на поверхности земли — все как-то не было времени. Иногда, в редкие минуты отдыха, прислушивался он к звукам, долетавшим из другого, светлого мира. И всегда среди всех звуков Корень безошибочно отличал шепот листьев родного ему дерева. Эти звуки Корень особенно любил, потому что из всего, что происходило на земле, только они были ему понятны.

«Какое оно — солнце? — думал Корень.— Наверно, такое, как земля, или даже теплее. А тучи какие?»

Корень напрягал все свое воображение, но не мог представить, какие тучи.

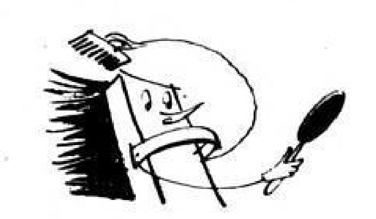
«Ничего, как-нибудь соберусь, вырву минуту и погляжу, какое там все»,— успокаивал он себя.

Но время шло, приходило и уходило лето, уходила и опять возвращалась зима, а Корень все никак не мог вырваться. Работа, работа, когда ее всю переделаешь...

И только много лет спустя Корень оказался на поверхности. Нет, он не вырвался — просто его вырвали из земли. Вероятно, хотели облегчить его жизнь, вероятно, поняли, что должен же и Корень отдохнуть когда-нибудь.

Какая красота! Разве мог Корень представить себе под землей, что такие чудеса существуют на свете? Он наслаждался солнцем, теплом и всем, что его теперь окружало... Но...

Дни становились длиннее, и Корню все труднее было их коротать. Под землей ему никогда не хватало времени, он вечно торопился, не успевал. А здесь день тянется, как год, и радостей с каждым днем все меньше...



РАБОТА

Стул забрался на стол с ногами и рассеянно наблюдал, как Щетка растирала мастику, стараясь довести пол до блеска. Потом ему захотелось поговорить.

— Трудная работа? — участливо спросил он.

— Да уж не легкая,— согласилась Щетка.

— Черная работа, она всегда трудная,— заключил Стул.— Даже в воскресенье покоя нет. Образование-то у вас, небось, никудышное?

— Среднее техническое,— скромно ответила Щетка.

— Среднее образование? — изумился Стул.— И вы не могли найти более подходящую работу? Что-нибудь такое, умственное?..

— Не всем же быть начальниками.

— Да, не всем... Но вы заходите... Я постараюсь что-нибудь сделать для вас.

На следующий день Щетка вымылась, причесалась и пришла в канцелярию Стула устраиваться на работу. Она подошла к столу, на котором он вчера восседал, но Стула там не оказалось. За столом сидел человек и что-то быстро писал.

Щетка обошла вокруг стола и вдруг заметила Стул. Он стоял под человеком, крепко упершись в пол четырьмя ногами, и, казалось, целиком ушел в работу. Щетка хотела окликнуть его, но в это время человек сердито заерзал, очевидно, делая Стулу замечание, потому что Стул что-то проскрипел, словно оправдываясь.

И Щетка поспешила убраться из комнаты. Стул сейчас занят. Стулу нельзя мешать, у Стула серьезная срочная работа.

Умственная работа!

НАХЛЕБНИКИ

Как-то вечером я пришел в лес. Расположился недалеко от глухариного тока. Натаскал сухих дров и зажег костер. В золу положил десятка полтора картофелин. Вечер был тихий, теплый. С аппетитом я съел несколько картофелин, а очистки разбросал возле огня, остальные же вытащил из костра, сложил в кучку. Потом расположился на ночлег.

Ночью сквозь сон слышу: кто-то ходит возле костра. Открыл глаза. Полная луна ясно освещала небольшую полянку. Около потухшего костра виднелось что-то черное, похожее на толстый обрубок дерева. Слышались чавканье и тихое попискивание, которое то утихало, то вновь усиливалось.

Это была медведица с медвежатами. Возле меня лежало ружье. Но стрелять я не стал. Вскоре медведица с медвежатами исчезли в лесном мраке. Я достал спички, зажег бересту и подошел к костру, но картошки не нашел.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

НЕПРОШЕНЫЕ ГОСТИ

Фото читателя В. Браташа.

ЦВЕТЕТ ЛИ КОРДИЛИНА В КОМНАТЕ?

К нам обратилась читательница В. А. Кочеткова из Новосибирска с просьбой ответить, цветет ли кордилина в комнатных условиях.

Обычно кордилина редко цветет в комнате. А вот у москвички К. М. Лебедухи она распустилась, выбросив метелку с нежными сиреневыми цветками.

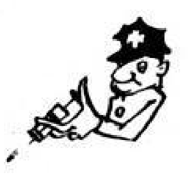
П. АРХИПОВ

Фото М. Уварова.

Мимоходом...

ШКОЛА ДЛЯ ЖИВОТНЫХ

В Англии, в графстве Оксфорд, существует учебное заведение для животных. Белки, лошади, кошки, собаки, кролики, бараны после специальной тренировки принимают участие в кинофильмах и телевизионных постановках. Существует предварительный отбор животных, принимают только тех, кто отличается послушанием и может жить в мире со своими товарищами.



ДЕНЬГИ ИЛИ КРОВЬ

Мэр одного из городов в штате Виргиния принял оригинальное решение. Отныне автомобилистам, нарушившим правила движения, будет предоставлен выбор: уплата штрафа или сдача крови в донорский пункт в пользу Красного Креста.

ВРАЧ-МАШИНИСТКА

Жители одного из городов Франции недовольны своими врачами. Им трудно прочесть написанные рецепты. Дело разбиралось в муниципальном совете. Один из членов муниципалитета, чтобы удовлетворить своих избирателей, нашел выход из положения: врачи отныне должны печатать свои рецепты на пишущей машинке.

КЛУБ ДЛИННЫХ

В Эссене (ФРГ) состоялся очередной съезд членов «Клуба длинных». На съезде присутствовало более 400 человек (всего в этом клубе состоит 2 тысячи человек). Членами клуба могут быть мужчины, достигшие роста не менее 1 метра 90 сантиметров, и женщины не ниже 1,8 метра. Участники съезда предъявили свои требования промышленникам: они предлагают выпускать кровати соответствующей длины и одежду и обувь по их мерке.

РАЗРУШИТЕЛИ ХРАМОВ

Викарий приходской церкви в Манчестере (Англия) сообщил в приходском бюллетене, что танки меньше разрушили бы пол церкви, чем каблуки-шпильки, которые теперь носят модницы.

СУЧКИ И ЗАДОРИНКИ

В дни отпуска, гуляя в лесу, я находил изогнутые ветки, сучки и корни выкорчеванных деревьев, отдаленно напоминавшие какие-то фигуры. Удалив все лишнее перочинным ножом, я вырезал из них животных, птиц и людей. На снимке — две работы: «Бас» и «Молодой орел».

В. РОМАНОВСКИЙ

Ленинград.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЦВЕТОК

Взгляните на снимок. Это не предмет абстрактного искусства, так разорвался металл при прокатке. Такое разрушение металла — явление редкое.

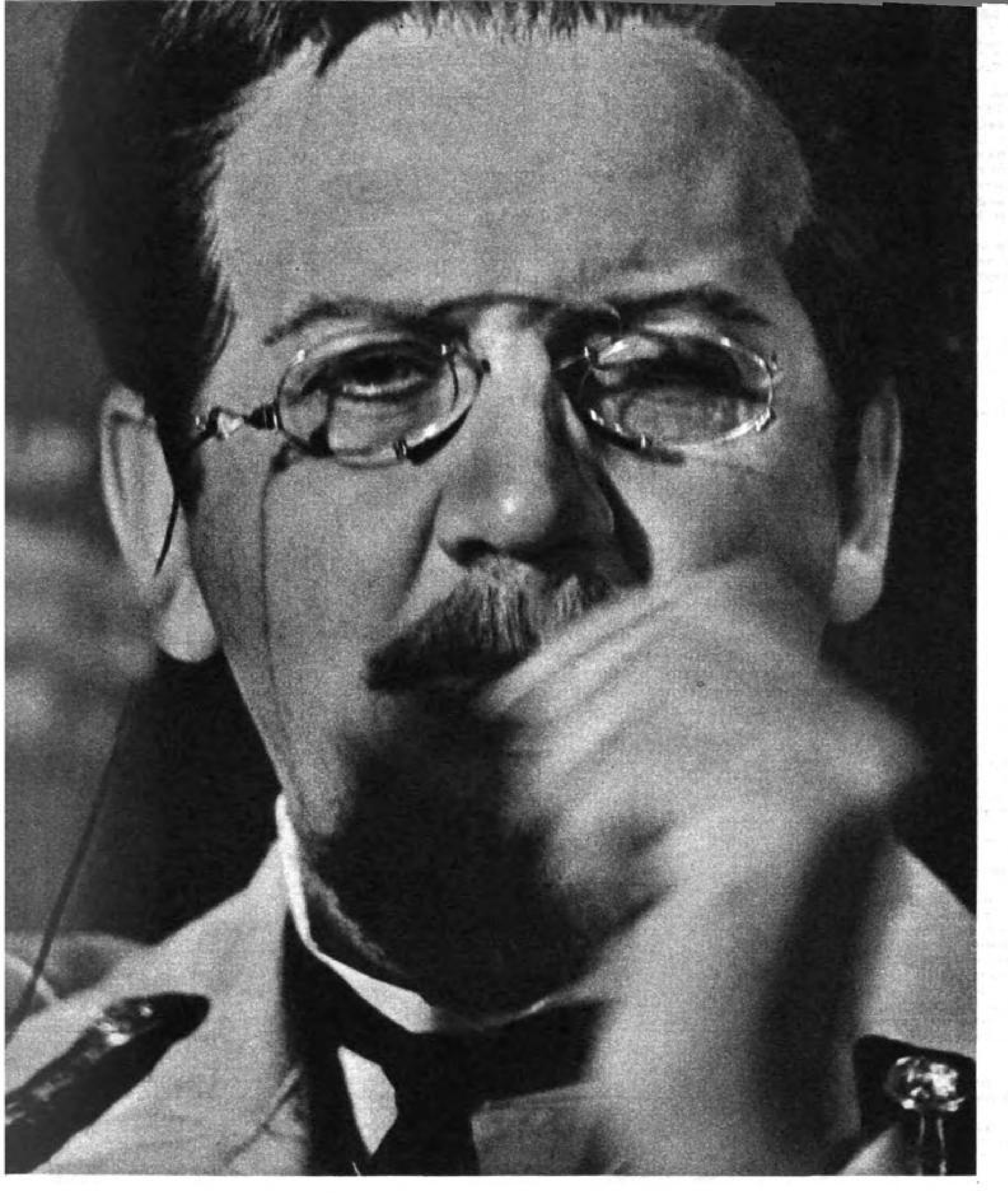
А. ГИРЕВ

Серов.

НЕОБЫЧНАЯ ПОДПИСЬ

Известно, что отпечатки пальцев помогают опознать преступника. Каждый отпечаток неповторим. В начале XX века французские художники и скульпторы, боясь фальсификации своих произведений, вместо подписи ставили на них отпечатки пальцев.

В. ЗЕМСКОВ



НОВЫЙ СЕЗОН — НОВЫЕ РОЛИ

Репортаж И. Тункеля, Л. Осиповой, А. Жуковой.

Идут спектакли. В новом сезоне актеры играют новые роли и талантливым исполнением возвращают новизну ролям старым. Артисты уходят на сцену, как в путешествие; они меняют имена, возраст, эпоху. Иногда они переступают границы реальности и отправляются в чудесную страну сказок. А зрители на всех спектаклях московских театров одни и те же. Москвичи, люди 1962 года.

Спектакль кончается. Актер снимает грим, надевает свое привычное платье и опять становится нашим современником. И если мы спросим актера о его работе, он ответит: кем бы я ни был, в какой бы отдаленный год или далекую страну ни уходил на сцене, я всегда остаюсь здесь — с людьми сегодняшнего дня. Я живу ради них!..

Мы спросили у Андрея Попова, не считает ли он роль Якова Богомолова в одноименной горьковской пьесе, поставленной на сцене ЦТСА, несколько неожиданной для себя. «Только в том смысле,— ответил он,— что хорошая, любимая роль, в сущности, действительно неожиданна. Что-то есть в нем, Якове, таком странном, непонятом окружающими, но истинно русском, интеллигентном человеке, такое, что заставляет меня относиться к нему с особой любовью. Может быть, это устремленность героя к будущему, пронизанность его будущим...».

Оставалось несколько дней до премьеры спектакля, когда всех оглушила весть о смерти автора. Еще на днях он прислал новый вариант одного из актов, рассказывал о законченной вчерне новой пьесе — продолжении — и вдруг... «Голубая рапсодия» Николая Погодина — комедия. Ее играют в Театре имени Маяковского легко, мягко, с такой светлой поэтичностью и заразительным весельем! И разве смех и радость зрителей не лучший дар большому художнику и человеколюбцу — Николаю Погодину?!

* * *

Актрисе Театра имени Гоголя заслуженной артистке РСФСР Тамаре Александровне Никольской все больше и больше нравится роль Елены Михайловны — жены инженера Селиванова в пьесе И. Куприянова «Мой брат». Она решает старый вопрос, который, очевидно, еще долгие годы останется новым: «Может ли женщина уйти от настоящей жизни и замкнуть себя в четырех стенах своего дома? И какой станет жизнь, каким станет дом — маленьким или большим, счастливым или несчастливым?..»

* * *

Когда зрители пришли в этот вечер в Театр имени Моссовета на водевиль В. Катаева «Пора любви» и открыли программки, они не увидели знакомых и дорогих имен. «Все молодежь!» — это прозвучало со вздохом сожаления. Но уже в первом антракте эти слова произносились с удовольствием, даже с гордостью. На снимке в роли Ингрид — Э. Кроль, Игоря — В. Толкунов, Саши Соболевой — В. Талызина.

* * *

Пьеса Льва Шейнина «Игра без

Московский Художественный театр имени Горького. Джером Килти, «Милый лжец». Это едва ли можно считать пьесой в общепринятом смысле слова. Два героя в течение двух с половиной часов на сцене, где нет почти никаких вещей, декораций, читают друг другу свои письма. И тем не менее едва лишь зазвучал глуховатый грудной голос Ангелины Степановой, то обворожительно мягкий, то саркастически едкий, или раздражительно властный — голос знаменитой английской актрисы Патрик Кемпбэлл, едва ей ответил знакомый и в то же время впервые услышанный голос А. Кторова — Джорджа Бернарда Шоу,— и мы уже не думаем, можно считать это пьесой или нет. Мы целиком во власти большого, тонкого и глубокого искусства, под обаянием спектакля, поставленного И. Раевским.

правил» написана в жанре детектива, Но когда после спектакля выходишь из Театра имени Ермоловой, то начинаешь вспоминать не остроту и неожиданность только что пережитых ситуаций, а глубокий и волнующий конфликт, возникший между двумя мировоззрениями. Вспоминаешь выразительность образов Маккензи и Грейвуда, созданных Л. Галлисом и В. Якутом.

И еще долго зритель будет охвачен раздумьями над той публицистической, гражданской темой, которая заложена драматургом в отношения между сотрудниками госбезопасности Ларцевым и Малининым, с одной стороны, и проходимцем Роминым — с другой.

* * *

Отец и три сына. Все они оказываются врагами; один из братьев посылает другого на смерть, младший кончает самоубийством. Так возмездие настигает их отца — человека, «далекого от политики»,— владельца огромного завода «Годефруа-металл-верке». Предчувствием этого возмездия и наполнен спектакль «Семья Годефруа», поставленный в новом сезоне Театром имени Пушкина по пьесе Р. Шнейдера, современного молодого драматурга из ГДР.

* * *

Деревянный человечек Буратино еще раз рождается на свет на сцене Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в балете М. Вайнберга «Золотой ключик» (постановщик — Н. Гришина).

«Он живой! Живой!» — кричат дети куклам-артистам, когда те снимают Буратино с крючка, куда его небрежно повесил злой Карабас-Барабас... «Живой Буратино»! Может ли быть лучшая похвала исполнительнице роли деревянного человечка Е. Н. Баршевой?..

Финиш волейбольной эпопеи

Многое видел Дворец спорта стадиона имени В. И. Ленина, но, пожалуй, никогда еще борьба под его крышей не достигала такого накала, как в дни мирового чемпионата по волейболу. Уж очень сильные соперники оспаривали друг у друга призовые места, да и сама игра эта так быстро прогрессирует, приобретая все новые черты атлетизма, живой спортивной динамики, что число ее поклонников растет буквально на глазах.

Волейбол еще не так давно в большом спорте не котировался, лишь в 1949 году был разыгран первый мужской чемпионат мира, а женщины вступили в борьбу лишь в 1952 году на чемпионате мира в Москве. И вот теперь эта темпераментная, яркая игра включена в олимпийскую программу и будет дебютировать на XVIII Олимпийских играх в Токио.

Это обстоятельство придало очередному мировому первенству особый интерес: ведь каждая команда могла взвесить свои шансы на самом высоком уровне. И вот волейбольная эпопея на финише. Когда пишутся эти строки, почти все матчи уже сыграны, заполнены почти все окошечки турнирной таблицы, прокомментированы все сенсации (в Москву съехались представители крупнейших газет и агентств мира), нам же просто хочется с помощью фотообъектива донести до читателя живое дыхание этой прекрасной игры. Смотрите и судите о ней сами. Вот он, большой волейбол!

← На площадке — трехкратные чемпионы мира, волейболисты СССР, и трехкратные серебряные медалисты, чехословацкие спортсмены.

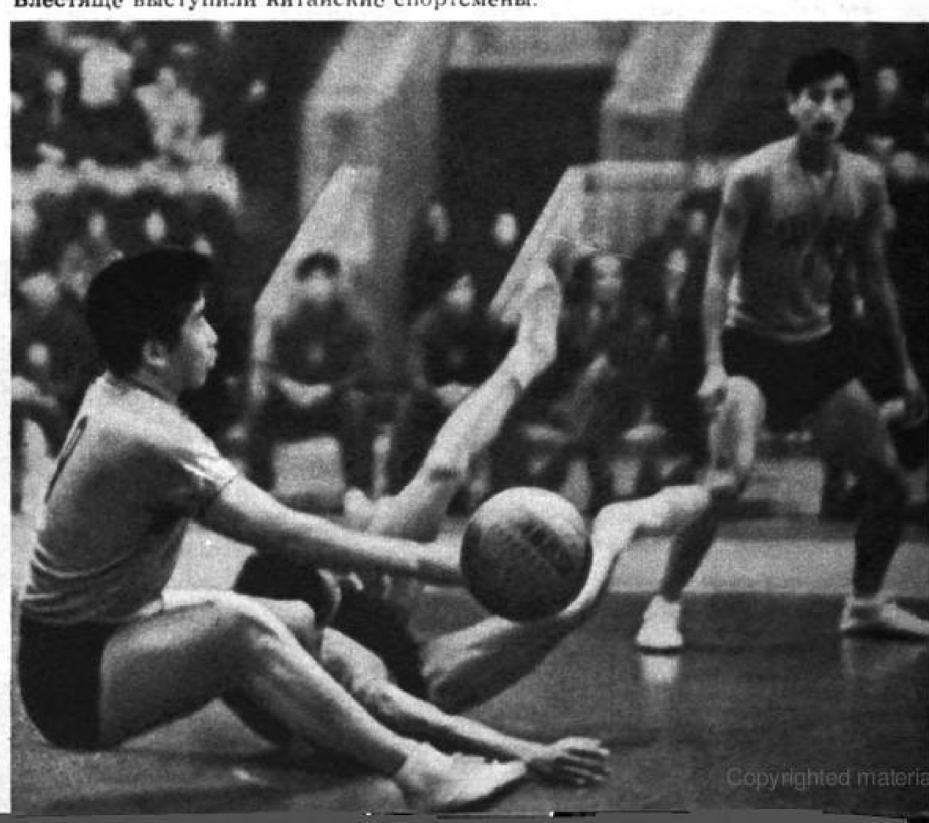
НАШИ РЕБЯТА

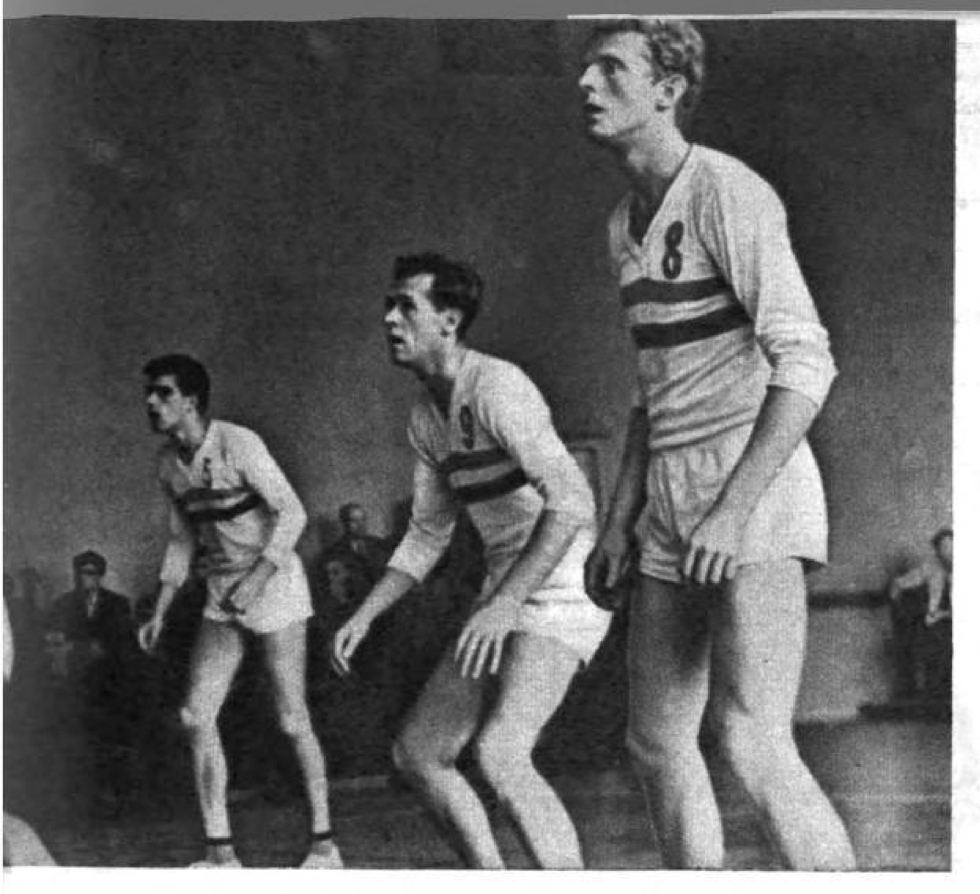
Мне вспоминаются матчи чемпионата мира на стадионе «Динамо» десять лет назад. Тогда довольно резкой была грань мастерства между ведущими командами и командами-новичками. Теперь эта грань едва уловима. Все элементы сложной техники: прием мяча, пасы, групповой блок, разнообразные атаки, идущие с короткой передачей, когда мяч чуть взлетает над сеткой, или с передачи высокой, когда игрок в прыжке посылает мяч с самого края сетки,— доступны многим.

Да, всем этим в совершенстве владеют мастера волейбола 1962 года. Но как же тогда можно победить в матчах равных? И все же наши ребята не знали поражений. Они прошли очень трудные испытания в равной спортивной борьбе с волейболистами Румынии и Чехословакии, Польши и Китая, Японии и Бразилии...

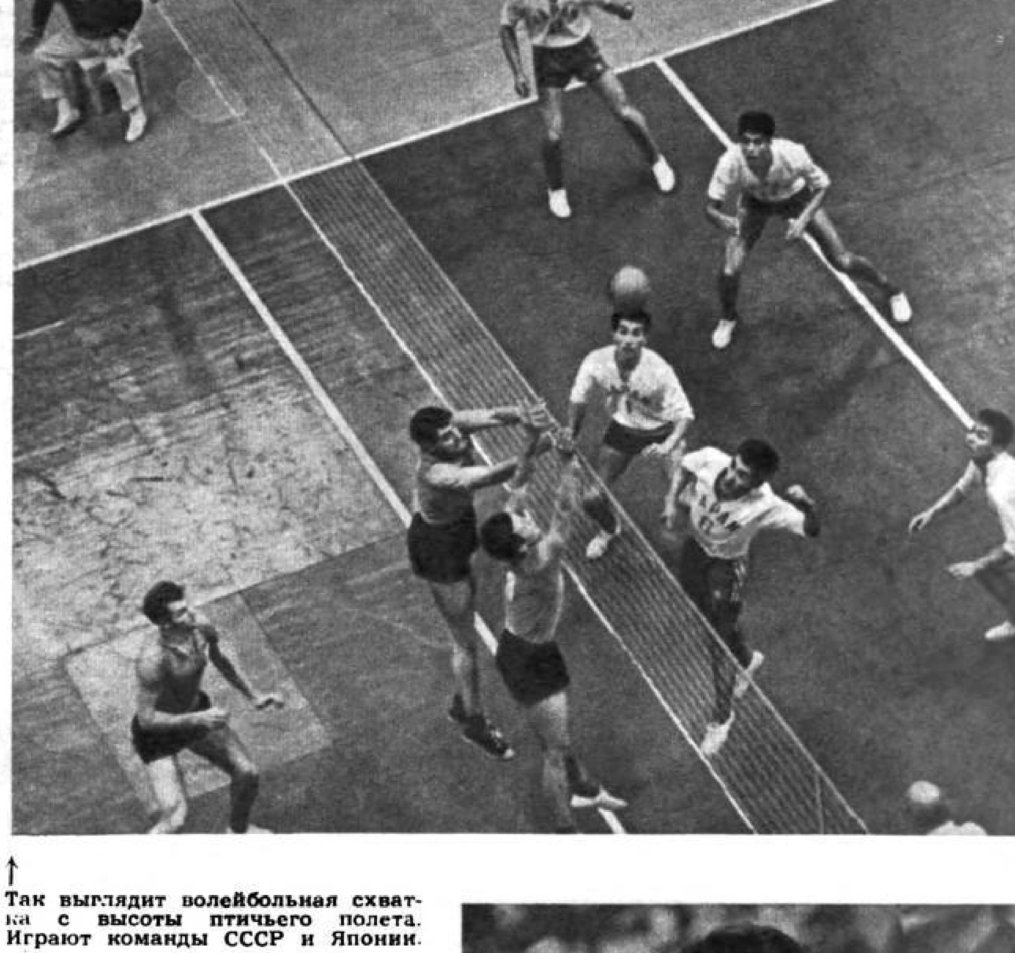
Отлично подготовленные команды старались вырвать у нас победу, но все-таки побеждали наши ребята. Почему? Наверное, знатоки волейбола подробно ответят на этот вопрос; мне же хочется сейчас передать первое впечатление зрителя, человека с трибуны: душа нашей команды оказалась крепче. В этом, пожалуй, большая доля успеха. У души этой есть другое название—спаянность, то самое чувство локтя, которое заставляло в критический момент капитана Юрия Чеснокова атаковать и атаковать маленького и вездесущего Георгия Мондзолевского, с трудом переводящего дыхание,—совершать головокружительные прыжки из

Блестяще выступили китайские спортсмены.





Венгерские волейболисты ждут подачи.



↑
Так выглядит волейбольная схватка с высоты птичьего полета. Играют команды СССР и Японии.

края в край площадки, не жалеть себя, чтоб только не коснулся пола пулей летящий мяч, молодых игроков Дмитрия Воскобойникова, Юрия Пояркова и Николая Буробина — совершать чудеса выносливости и быстроты.

И еще, наверное, наши ребята помнили: спорт есть спорт, и, конечно, всякое может случиться, но всем нам бывает немного грустно, когда в торжественной тишине огромного зала не наш флаг поднимается вверх по флагштоку.

М. АЛЕКСАНДРОВ

ТАК ГОТОВЯТСЯ ЯПОНКИ

Блестящая по технике и тактике игра японских волейболисток покорила всех. Как же готовились они к мировому чемпионату, какими средствами пользовался тренер команды Даймацу Хирофуни создавая команду столь высокого класса? Мы встретились с ним и с его питомицами в тренировочном зале. Да и во время игр на первенство мира японские спортсменки продолжали свои тренировочные занятия.

Эти занятия продолжались около трех часов. Я видел, что девушки очень устали, но тренер словно не замечал этого. Господин Даймацу Хирофуни объяснил мне, что, по его мнению, большие нагрузки очень полезны, если правильно соблюдать режим сна. Он считает такие нагрузки единственно правильным путем для подготовки настоящей команды.

— Наша женская команда состоит в основном из работниц текстильной компании «Нитибо». В нее вошли также и две студентки: восемнадцатилетняя Исобэ Сада и семнадцатилетняя Синодзаки Ено, — сказал нам тренер. Вообще возраст волейболисток Японии не превышает двадцати двух лет, и это, по-видимому, даст им возможность использовать свой большой опыт, полученный на соревнованиях в Москве, на XVIII Олимпийских играх в Токио.

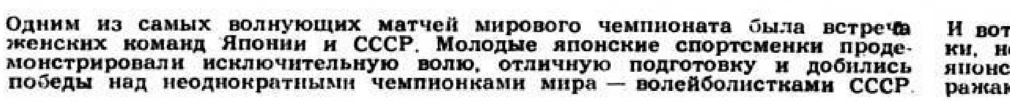
— Должен сказать откровенно, что борьба на Олимпийских играх в Токио будет исключительно упорной,— закончил свою беседу японский тренер.— Победа над сборной командой СССР показала нам, что мы стоим на правильном пути.

В. КАРАВАЕВ

Чем так взволнована бразильская волейболистка? Догадаться нетрудно: на площадке мужская команда Бразилии.

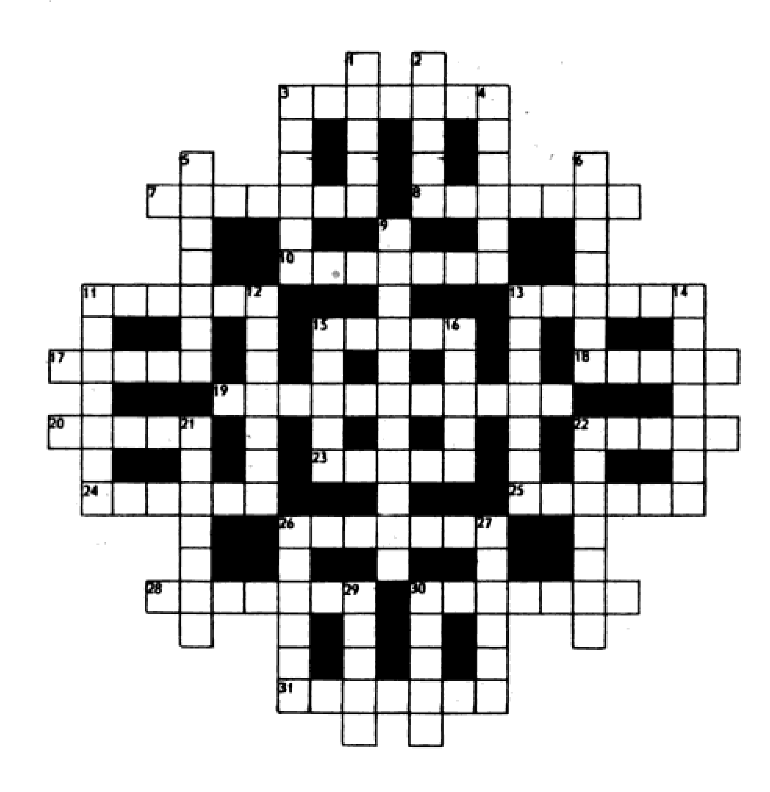
Перед игрой надо размяться.

Фото А. Бочинина.



Одним из самых волнующих матчей мирового чемпионата была встреча женских команд Японии и СССР. Молодые японские спортсменки продемонстрировали исключительную волю, отличную подготовку и добились победы над неоднократными чемпионками мира — волейболистками СССР.

И вот перед нами не только улыбки, но и слезы. Однако и слезы японской девушки на сей раз выражают радость желанной победы.



КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Столица союзной республики. 7. Порт на Дальнем Востоке. 8. Повар. 10. Лента для измерения длины. 11. Футбольная команда. 13. Дерево семейства ильмовых. 15. Устройство для обработки материалов давлением. 17. Лист бумаги с печатным заголовком. 18. Перевязочный материал. 19. Опыт. 20. Упрощенный чертеж. 22. Деталь с резьбой. 23. Хищное животное семейства куньих. 24. Отрезок прямой, имеющий определенное направление. 25. Небольшая ария. 26. Кондитерское изделие. 28. Начальная буква главы, части книги. 30. Вид продовольственных товаров. 31. Пешеходная дорожка.

По вертикали:

1. Оптическое стекло. 2. Один оборот спирали. 3. Вагон для хранения воды и топлива. 4. Лесная певчая птица. 5. Лента, завязываемая вокруг воротничка. 6. Роман А. А. Фадеева. 9. Место пересечения дорог, улиц. 11. Советский писатель. 12. Атомный котел. 13. Газета, выходившая в Москве в 1918—1931 годах. 14. Питательный продукт из овса. 15. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 16. Результат сложения. 21. Часть радиоустановки. 22. Быстроходное судно. 26. Травянистое растение, овощ. 27. Работник радио. 29. Открытый прилавок. 30. Волны над отмелью, рифом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

3. Чемпионат. 5. Колер. 7. Губка. 9. Черта. 10. Пике. 13. Плюс. 15. Сельдерей. 16. Каток. 18. Отара. 19. Боровиковский. 20. Брасс. 22. Степь. 24. Тирасполь. 25. «Аида». 26. Цент. 28. Глиэр. 31. Катод. 32. Уголь. 33. Сантиметр.

По вертикали:

1. Смерч. 2. Онега. 3. Челн. 4. Туба. 5. Какао. 6. Тредиаковский. 8. Атлет. 10. Платформа. 11. Кедровник. 12. Венесуэла. 14. Сорокопут. 17. Кросс. 18. Оникс. 21. Садок. 23. Трель. 27. «Утес». 28. Гдыня. 29. Рубеж. 30. Бобр.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Надежда Григорьевна Заглада со своими помощницами Надей и Женей Хабчук.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00569. Подписано к печати 24/X 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1680. Заказ № 2663.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

С. МАРШАК

Рисунки Вл. Гальба.

ЦИРК ШАПИТО

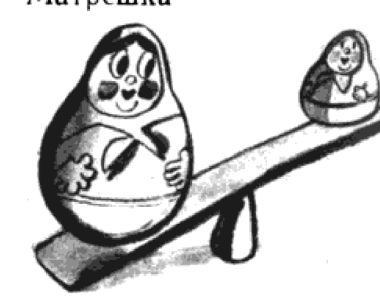
Пред вами — вы знаете
что?
Игрушечный цирк шапито.
Сейчас обезьяны
Забьют в барабаны,
И выйдет — вы знаете кто?

Висит на хвосте обезьянка.
А родом она — африканка.
Хоть мал ее рост,
Зато ее хвост
Длинней, чем сама
обезьянка.

Василий Васильевич, клоун,
Вы скоро узнаете, кто он.
При виде собак
Он сгорбится так,
Что сразу поймете вы, кто
он.

А вот акробатка Матрешка.
Покуда она еще крошка.
Но время придет,
Она подрастет —
И станет Матреной
Матрешка

А это наш Попка-дурак.
И сам он зовет себя так.
А мы называем
Его попугаем.
Наш Попка — совсем не
дурак.



М. СЕМЕНОВ
Рисунки Ю. Черепанова.

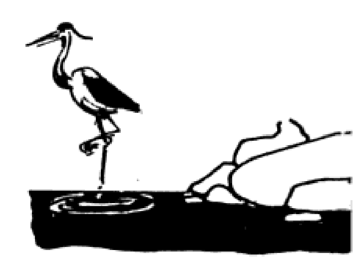
ТАЙМЕНЬ

Каждый более или менее прилежный ученик восьмого класса знает, что Телецкое озеро расположено на северо-востоке Алтая, на высоте 436 метров над уровнем моря и имеет вытянутую форму. Длина его 78 километров, ширина в среднем три километра.

А вот что означает хариус потелецки, знает далеко не каждый. Мы-то знаем...

Пусть вас не удивляет этот рисунок. Да, прежде чем поймать хариуса, надо добыть медведя. Ну, даже не целого медведя, а хотя бы клок медвежьей шерсти. Потому что хариуса ловят на мушку, а идеальная мушка получается только из медвежьей шерсти. Она не намокает, прекрасно скользит по поверхности воды и создает полную иллюзию упавшего с дерева насекомого.

В Телецкое озеро впадает до семидесяти рек и ручьев. Вам такое большое количество ни к чему, достаточно одной. Вы становитесь в устье любой речки и начинаете ловлю.



Становиться надо на камень (в них недостатка нет) и водить вашей мушкой по поверхности бурного потока до тех пор, пока притаившийся в глубине хариус не соблаговолит обратить внимание на вашу наживку. Тогда он, словно молния, кинется на приманку и повиснет на крючке. Все, казалось бы, довольно просто. Если не принимать во внимание того обстоятельства, что стоять приходится довольно долго. Именно поэтому художник рядом с рыболовом изоб-

А это — оседланный конь.
За повод его только тронь,
Быстрее, чем птица,
По кругу помчится
Красивый оседланный конь.

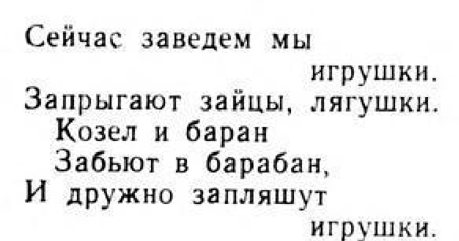
Наш ослик — совсем как
живой —
Умеет кивать головой.
Скажи ему: «Здравствуй,
Приятель ушастый!» —
А он и кивнет головой.

Вот два акробата-медведя
По имени Миша и Федя.
Увидим сейчас,
Как пустятся в пляс
Под куполом Миша и Федя.

А это — наш фокусник еж.
На елку его позовешь,—
Все яблоки с елки
Себе на иголки
Нанижет бессовестный еж.

Вот маленький плюшевый
слон.
Хоть мал он, но очень силен.
Ему еще ста нет,
А старше он станет,
Быть может, и вырастет он.

Мы видим машину-такси.
А кто на ней едет, спроси.
Ее пассажирка —
Мартышка из цирка,
А пудель — водитель такси.



Сейчас заведем мы
игрушки.
Запрыгают зайцы, лягушки.
Козел и баран
Забьют в барабан,
И дружно запляшут
игрушки.

И ХАРИУС ПО-ТЕЛЕЦКИ

разил цаплю. У нее рыбак должен учиться выдержке и терпению.

Но Телецкое озеро — это не только хариус, а и ленок, окунь, щука, налим и, конечно, богатырь-таймень. И тут мы должны честно признаться, что тайменей не ловили. Специалист по тайменям — дед Семен, приютивший нас.

Вот он стоит на мостках и наблюдает за озером.

— Сережка! — кричит дед внуку.— Таймень плавится! Живо в лодку!

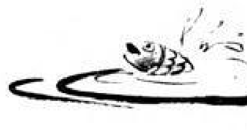
Внук, вооружившись спиннингом, выгребает к тому месту, где плавился — играл таймень. Меткий заброс — и могучий обитатель телецких вод натянул лесу, как струну.

Даже усилия Жучки не помогают справиться с сильной рыбой. И тогда дед Семен спешит на помощь внуку.

Уж от деда наверняка таймень не уйдет...

Среди зрителей — правнучка деда Семена Ниночка. Забравшись в дедов сапог, она весело кричит:

— Деда тайменя поймал!



Цена номера 30 коп.

Молодежь колхоза имени 1 Мая вечерами собирается у пруда.

Художник Виктор Николаевич Шкуринский работает в колхозе над картиной «На полях Героя Социалистического Труда Н. Г. Заглады».

Учительница Галина Гнатюк со своей дочкой Валей.

Фото Н. Козловского.